Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАЯ 9

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—13876 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Командные кадры и культурная революция.

Социал-реформизм—в различных его проявлениях—непрестанно твердит о недостаточной культурности современного пролетариата для роли носителя государственной диктаторской власти и строителя социализма. Российские меньшевики в течение очень долгого времени в борьбе с большевиками «козыряли»—и доселе «козыряют»—«аргументом» о недостаточной культурности нашего пролетариата.

В попытках «доказать» неспособность пролетарской диктатуры к успешному социалистическому строительству социал-демократические писаки извели не мало чернил на то, чтобы придать «убедительность» тому положению, что в условиях капитализма пролетариат СССР не приобрел достаточного культурного уровня и достаточных культурно-организационных навыков для строительства социализма под руководством пролетарской диктатуры; что в силу недостаточной культурности пролетариата СССР советская власть неизбежно поступает на службу буржуазии и уже стала орудием своеобразной буржуазной политики.

Вся убогая суетня реформистов вокруг тезиса о недостаточности культурного уровня пролетариата для социалистического строительства служит «благой» цели—убедить рабочих, что они не имеют суб'ективно-классовых данных для свержения капитализма, закрепления своей пролетарской диктатуры и успешного продвижения к социализму в условиях этой диктатуры.

На ряду с этим положением отрицательного характера они выдвигают и положительную программу, суть которой—в двух словах—заключается в курсе на воспитание капиталистического приказчика. «Промышленный мир», «хозяйственная демократия», положительное, «органическое» участие в буржуазных правительствах и в различных звеньях буржуазного государственного аппарата должны согласно теориям социал-реформизма в течение большой исторической полосы воспитать пролетариат и сообщить ему те культурно-организационные навыки, которые ему необходимы для выполнения своей исторической миссии строителя «социализма».

На деле, конечно, этот «выход» диктуется буржуазными интересами и имеет свой об'ективный смысл в создании кадра капиталистических приказчиков из среды пролетариата.

Коммунисты должны вести и ведут против идеологии и практики классового сотрудничества самую энергичную беспощадную борьбу.

Отвечая на положение «социалистических» педантов о недостаточной культурности российского пролетариата для строительства социализма, Ленин писал:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»

Ленин подчеркивал, во-первых, что культурная революция есть длительный процесс; во-вторых, что успешное развитие этого процесса непременно предполагает утверждение пролетарской диктатуры.

В большевистской литературе (Бухарин) уже обосновывалось то положение, что в условиях и характере вызревания культурных кадров буржуазии и пролетариата существует принципиальное различие. Если буржуазия в силу своей экономической мощи еще в условиях политического господства феодалов имеет возможность воспитывать свои культурные кадры, которые постепенно проникают в поры государственного организма и приобретают первые роли после буржуазной революции, то пролетариат до социалистической революции, до захвата власти лишен возможности в силу своей не только политической, но и экономической угнетенности выделить в сколько-нибудь значительных масштабах свои культурные кадры.

Только пролетарская диктатура открывает возможности выделения и воспитания широких культурных пролетарских кадров, способных руководить социалистическим строительством, только в процессе борьбы за утверждение пролетарской диктатуры, только в процессе классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата, только в самом процессе социалистического строительства на основе пролетарской диктатуры пролетариат непрерывно формирует свои командные культурные кадры.

Опыт доказал, что большевики были правы. Пролетарская диктатура, руководимая коммунистической партией, «обросла» широкой советской общественностью: рабочий класс дал прекрасных организаторов, помноживших в процессе борьбы свою классовую выдержку на культурные навыки; пролетариат доказал за десять лет своей диктатуры, что он способен успешно строить социализм.

Это удалось пролетариату СССР в силу действительной революционности его политики.

Необходимо отметить три важнейших условия, которые обеспечили и обеспечивают успешное разрешение господствующим пролетариатом проблемы создания культурных кадров строителей социализма.

Во-первых, пролетарская диктатура произвела невиданную и неслыханную раскачку сил пролетариата и трудящегося крестьянства, дав возможность продвинуться и выступить в роли организаторов нового общества сотням тысяч талантливых и способных представителей доселе угнетенных классов, особенно пролетариата. «Отбор» происходил и происходит на широком «селекционном поле» советской рабоче-крестьянской общественности.

Во-вторых, необычайно важное, решающее значение играл и играет тот факт, что вся борьба за новые кадры культурных социалистических строителей ведется в условиях, когда идеология революционного пролетариата — марксизм-ленинизм — является государственной идеологией, т. е. идеологией, которая является «руководством к действию» располагающего государственной властью пролетариата.

В-третьих, важно то обстоятельство, что, рассматривая марксизм-ленинизм как господствующую, единственно-пролетарскую, государственную доктрину пролетариата, компартия, руководящая пролетарской диктатурой, проводила и проводит курс на всемерное использование тех культурных наследий и сил буржуазного общества, которые при умелой политике могут сыграть и играют положительную роль в процессе социалистического строительства.

Год за годом наша партия дает отпор всем тем идеологиям и идейкам, которые имеют буржуазное или мелкобуржуазное происхождение и пытаются воздействовать на политику нашего государства и различных общественных организаций в условиях пролетарской диктатуры.

Вместе с тем год за годом культурные кадры социалистических строителей, проводя классово-выдержанную политику, впитывают в себя опыт буржуазной культуры, переключая положительные элементы этого опыта на социалистическое строительство. Само собою разумеется, что дело не обходится без частичных срывов на различных фронтах: шахтинское дело тому яркая иллюстрация.

Но уроки шахтинского дела, обязывающие нас, между прочим, к усиленной бдительности на стыке с буржуазными специалистами, конечно, не ослабляют самой важности задачи усвоения положительного опыта буржуазной культуры.

Необходимо только принять все меры к тому, чтобы классово-выдержанный подход наших командных кадров помножался на растущую культурную квалификацию этих кадров в областях их работы.

Мы не можем теперь подходить к нашим командным партийно-советским кадрам с критерием 1918—1919 годов, когда каждый коммунист был и «швец, и жнец, и в дуду игрец».

Конечно, от коммуниста и теперь требуется разносторонность и умение охватить все поле политики пролетарской партии. Но, кроме

этого, теперь необходимо решительно взять курс на максимальную квалификацию кадров в специальных областях (с использованием и нового, главным образом технического, опыта буржуазных стран), без чего мы не имеем гарантий от провалов шахтинского типа.

Об этом достаточно выразительно сказано в резолюции апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК по шахтинскому делу.

Но здесь необходимо поставить в связь проблему воспитания культурных командных кадров строителей социализма с общей проблемой культурной революции, как массового движения, ибо между этими проблемами существует не только логическая связь, но и связь политическая. Командные кадры строителей социализма должны не только вооружиться необходимой специальной квалификацией, они должны вести свою работу в неразрывной связи с массовыми организациями пролетариата и руководимых пролетариатом трудящихся масс.

Если шахтинское дело сигнализирует, с одной стороны, об опасности пленения наших коммунистов-руководителей строительства буржуазными специалистами, то, с другой стороны, оно сигнализирует опасность отрыва командного состава от рабочих масс.

Ленин не случайно неоднократно ставил проблему бюрократического перерождения в связь с некультурностью масс.

Командные кадры должны находиться у нас, во-первых, под постоянным контролем массовых организаций, во-вторых, под контролем масс, *культурно растущих*.

Действенность этого контроля предполагает рост культурности масс, успешное развитие массовой культурной революции. Это—обстоятельство величайшей важности. Необходимо понять, далее, что и постоянное обновление и увеличение командных кадров требует культурного роста масс, культурного улучшения «селекционного поля», на котором выявляются новые и новые силы командиров социалистического строительства пролетариата.

Успешное разрешение проблемы командных культурных кадров неразрешимо без систематического разрешения проблемы массовой культурной революции,—таково существеннейшее положение, из которого мы должны исходить при определении задач, связанных с воспитанием наших командных кадров. Но задача массовой культурной революции приобретает важное значение и сама по себе, ибо без повышения культурного уровня *масс*, строящих социализм, нам далеко не уйти.

Социалистический строй, между прочим, отличается от капиталистического тем, что его создание и развитие совершается руками *сознательно* работающих масс, выполняющих *осознанные* и одобренные ими задачи.

Строительный период, в условиях которого классовая борьба приобретает особые формы, ставит культурные задачи с особой остротой. Суть массовой культурной революции, как ее мыслил Ленин, заключается, с точки зрения ее социального содержания, в воспитании социалистического рабочего и цивилизованного кооператора, руками которого строится социализм в деревне.

Трудность этой задачи станет ясной, если напомнить, что в области культурных задач у нас еще далеко не разрешены задачи досоциалистического порядка, напр., ликвидация неграмотности. Мы еще до сих пор имеем такое положение, когда среди рабочих имеются значительные массы неграмотных. По данным 1926 года среди рабочих, организованных в профсоюзы, мы имеем хорошее положение дел у печатников (нет неграмотных), сравнительно удовлетворительное у кожевников (7% неграмотных), горнорабочих (11%), хуже у текстильщиков (22% неграмотных) и совсем плохое—у сельскохозяйственных и лесных рабочих (50%).

Еще хуже дело обстоит с общегражданскими данными, хотя эти данные и констатируют наши безусловные успехи в деле борьбы с неграмотностью.

Приходилось грамотных:	1897 г.	1920 г.	1926 г.
На 1.000 человек мужск. пола	326	462	567
» » » женск. »	136	248	336

Улучшение налицо, но все же итоги далеко не блестящие.

Хуже всего обстоит дело в национальных окраинах (у чувашей и татар 32,4% грамотных, у башкир—24,3%, у ингушей—8,9%, среди горских народов Дагестана—5,5%).

Хотя за время с 1920 по 1927 г. ликвидирована неграмотность среди 6 млн. человек, все же в этой области перед нами еще впереди поле для очень большой работы.

Но, ведь, ликвидация неграмотности в элементарном смысле этого слова—еще не социалистическая задача.

Когда мы говорим о воспитании социалистического рабочего, то мы имеем в виду воспитание сознательного культурного строителя социализма. Это, прежде всего, означает воспитание рабочего в процессе самого производства. Рационализация нашей развертывающейся социалистической промышленности должна проводиться при участии всей рабочей массы. В связи с этим необходимо, культивируя в рабочем хозяйский подход к производству, в котором он участвует, и вовлекая его в активную работу по рационализации производства, производственных совещаний и всей системы фабрично-заводских организаций, принимать все меры к повышению его политической, экономической и технико-культурной квалификации.

Однако, воспитание социалистического рабочего не может ограничиться только воспитанием его на производстве.

Партия, пролетарская диктатура, профсоюзы должны руководить воспитанием рабочего во всех звеньях его общественного бытия.

Нельзя считать нормальным положение, при котором рабочий, как только он покидает территорию завода, как только прогудит заводский гудок по окончании работы, совершенно теряет интерес и внимание со стороны партии, профсоюза и советских организаций.

Необходимо развернуть борьбу за культурную революцию в быте рабочего.

Помочь рабочему культурно жить, изжить грязь и вонь в квартире, широко поставить дело физического воспитания, повести решительную борьбу с пьянством, обеспечить возможность культурного развлечения (клуб, радио, кино, театр), двинуть вперед дело раскрепощения женщин от кухни,—эти задачи являются необходимыми и существеннейшими элементами культурной революции.

Непочатый край задач в области культурной революции ждет своего разрешения в деревне.

Воспитание цивилизованного кооператора, так заостренное курсом на производственную коллективизацию крестьянских хозяйств, требует развития исключительной по инициативе и активности культурной работы на селе.

Необходимо понять, что культурная революция—это классовая борьба в особых формах. Возьмите, напр., положение в деревне. Коллективизация крестьянских хозяйств—бедняцких и середняцких—выражает экономическое наступление бедняцко-середняцких элементов под руководством компартии и советских организаций на кулака. Но как часто кулак является в деревне «культурным» гегемоном и монополистом и как настоятельно-остро требуется для успешного проведения коллективизации крестьянских хозяйств повышение культурного уровня коллективистов, широкое массовое воспитание «цивилизованного кооператора»!

Культурная революция—величайшей важности задача, без разрешения которой невозможны крупные успехи в деле строительства социализма.

П. Лапинский.

Государственно-монополистический капитализм и политика империализма.

Усиление послевоенной капиталистической государственной машины проявляется во всех областях: и в факте прохождения через кассы государства удвоенной (против довоенной) доли народного дохода, и в богатстве регулирующих функций государства, и в отмеченном в ряде стран росте непосредственно-предпринимательской деятельности государства, и в росте его влияния на рентнерские формы богатства, и в той в известном смысле новой роли, в которой выступают современные эмиссионные и депозитные банки. Но те же признаки усиления новейшей государственной машины проследить можно и в тех областях, где всего ярче и полнее выявляется политика империализма. Мы имеем в виду **вывоз капитала, борьбу за сырье, как и борьбу за мировой рынок.** И во всех этих областях мы наблюдаем усиление тенденций к тому перерастанию монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм[1]), о котором писал Ленин.

а) Государство и вывоз капитала.

Вывоз капитала, как известно, представлял собой основное проявление и основную пружину империалистического развития, и довоенное высоко развитое капиталистическое государство стояло как нельзя ближе к этой современнейшей сфере активности капитала. Стремление финансового капитала к сверхприбыли сочеталось более или менее неразрывно с преследуемыми государством политико-империалистическими целями.

Во всех странах, вывозящих капитал, практика выработала те или иные формы непосредственного сотрудничества капитала с государством в этой области. В Англии во всех случаях, затрагивающих интересы империи, считалось обязательным запрашивать правительство через посредство Бэнк оф Ингленд о целесообразности предполагаемых операций, и правительство

---

[1]) См. «Большевик» № 7, статья «Судьбы послевоенного государства». В начале первой главы этой статьи, на стр. 21 необходимо исправить вкравшуюся опечатку. Говоря о «государственно-монополистическом капитализме», Ленин отнюдь не имел в виду одну лишь «эпоху мировой войны» (как можно бы судить по ошибочно напечатанному тексту), а **эпоху империализма вообще**, стало быть, и довоенного империализма. Цитированный отрывок из «Государства и Революции» звучит буквально:

> «В особенности же **империализм**, эпоха банковского капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, **эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм**, показывает необыкновенное усиление «государственной машины» и т. д. (XIV т., ч. 2, стр. 322).

Только это и позволяет говорить о том, что указанное развитие в сторону «государственно-монополистического капитализма» в послевоенный период получило **еще дальнейшее развитие**.

более или менее систематически сотрудничало с «Корпорацией держателей иностранных займов». Точно так же и во Франции иностранное ведомство находилось в теснейшей связи с т. н. «Офис Насиональ де Валер Мобильер». Франция же, как известно, являлась той страной, в которой вывоз капитала всего непосредственнее был подчинен военно-политическим целям французского империализма, что и отразилось впоследствии на судьбах французских заграничных помещений достаточно плачевным образом. Империалистическое государство до войны не только всячески поощряло вывоз капитала, но в отдельных случаях (в особенности в отношении небольших центрально-американских стран) доходило до прямого навязывания займов, превращая этим независимость слабых и беззащитных государственных образований в бледнейшую фикцию. Соперничество империалистических государств между собою приобретало при этом самые грубые формы. В 1909 г. президент американской республики Тафт не брезгает в личной телеграмме тогдашнему главе китайской империи настаивать на «равном участии американского капитала» в железнодорожном займе. В младшей из империалистических стран — Японии — мы встречали и встречаем и крайние формы вмешательства государства, когда весь вывоз капитала проходит через государственное учреждение, каким является Иокогама Спесие Бэнк, и связанную с ним систему других точно так же более или менее государственных кредитных учреждений.

Все основное из этой области фактов уже давно знакомо всякому политически-грамотному человеку. Нам важно здесь оттенить только одно. Не случайно, конечно, теснейшее сплетение буржуазного государства с финансовым капиталом должно было и до войны выявиться особенно ярко в современнейшей области деятельности капитала, в практике вывоза капитала. Государство и финансовый капитал сливались здесь буквально в одно. Поэтому новейший период всего менее тут мог прибавить что-либо особенно новое. И все же, послевоенные годы обогатили и эту область фактов кое-какими новыми штрихами, на которых стоит остановиться.

Прежде всего война оставила после себя целую колоссальную и сложнейшую систему *именно — междугосударственной задолженности* (т.-е. задолженности государства государству), которая *внутри* самих государств создала новые формы связанности интересов государственной машины и частнокапиталистического хозяйства и которая *вовне* необычно усилила зависимость одних государств (и с ними всего народного хозяйства) от других государств. При этом выступает на сцену в сложнейшей капиталистической обстановке целый ряд новых явлений. Союз государств-кредиторов через посредство государства-должника облагает закладными решающие отрасли народного хозяйства (железные дороги и промышленность Германии на общую сумму 16 миллиардов). Интересы всей массы налогоплательщиков во всех заинтересованных странах, интересы экспортной промышленности, интересы банков и связанных с ними рентнерских слоев, интересы казны и всей государственной машины переплетаются здесь самым причудливым образом. Целая тяжеловесная литература занимается теоретическим распутыванием этого клубка, к этому же распутыванию сводится на добрую половину мировая политика нашего времени. Все эти усилия обнаруживают все ясней теснейшее сотрудничество государственного аппарата со всеми формами современного капитала и более всего с финансовым капиталом. Весь комплекс вопросов, порожденных международной задолженностью, приближается к тому или иному практическому решению в соответствии с тем, как международному финансовому капиталу удается отвоевать себе прежнюю гегемонию и подчинить себе политику решающих государств. Первая деловая попытка упорядочения проблемы репараций явилась, как известно, прямейшим продуктом банковского творчества. При

создании дауэсовского механизма впервые выступают наружу своеобразные и архисовременные формы теснейшей координации действий государственного аппарата и банковского капитала решающих государств, в первую голову Америки. По выражению одного из историков современной внешней политики С. Штатов, правительство этой страны действовало «сильно, но неофициально». Первый публичный почин, в результате приведший к дауэсовскому соглашению, был дан в форме речи, произнесенной Государственным Секретарем перед «Американской Исторической Ассоциацией»... На лондонской конференции (на которой был принят дауэсовский план) Америка была *официально* представлена *только* своим тогдашним лондонским послом Келлогом, полномочий которого нехватило для того, чтобы скрепить протокол конференции своей подписью. *Фактически же* в работах конференции принимала *решающее* хотя и закулисное участие рядом с двумя виднейшими членами вашингтонского правительства (Государственным Секретарем и Секретарем Казначейства) целая группа руководящих банкиров. И вся наружная «скромность» роли американцев не помешала ни тому, что во главе дауэсовского механизма очутились прямые ставленники американских банков, ни тому, что в настоящий момент у «американского народа» по отношению к пресловутому «плану» сложилось ощущение своей, американской «собственности» [1]), как это ощущение «собственности» не помешает тому, что неизбежная ревизия плана окажется опять-таки делом рук американских банкиров и неразрывно связанного с ними вашингтонского правительства. Все условное лицемерие практики американского «изоляционизма», т.-е. невмешательства в европейскую международную политику, имело своим несомненным благотворным последствием то, что оно выявило как нельзя ярче ничтожную роль *формы* в международной практике современной «демократии».

Как дауэсовское соглашение, так впоследствии и соглашения о консолидации междусоюзнических долгов создали классические образцы неразрывной связи между банками и правительствами (совершенно независимо от того, было ли это «рабочее правительство» Макдональда, фашистское правительство Муссолини или правительство классической партии крупного капитала в Вашингтоне). *Неразрывной составной частью этих договоров между правительствами являлись, как известно, соглашения о банковских займах для нуждающихся в них государств.* «Соглашения о долгах были весьма тесно связаны с переговорами о займах, несмотря на то, что новые займы предоставлялись не правительством Соед. Штатов, а частными лицами. Это значит, что частные банки сотрудничали с правительством, связывая финансирование новых займов с заключением удовлетворительных соглашений о долгах» [2]). Отношения между банками и правительством складываются весьма своеобразно. Банки безоговорочно подчиняются указаниям правительства, не допускающего никаких кредитных операций с иностранными государствами до тех пор, пока последние не заключат удовлетворительного соглашения о военных долгах, т.-е. о долгах между государствами. С другой стороны, государство не возражает против того, что новые займы заключаются банками на несравненно более благоприятных условиях, чем соглашения о военных долгах, в которых государство непосредственно за-

---

[1]) Согласно дословному выражению одного из крупных американских чиновников репарационной комиссии (G. P. Auld. «The Dawes Plan and the New Economics», N. Y., 1927, стр. 301): «Крупная роль, сыгранная американскими гражданами в создании и проведении (дауэсовского плана) дала американскому народу ощущение гордости и *собственности* по отношению к плану (Sense of pride and proprietorship in the plan) ив ряду с убеждением в его справедливости и осуществимости».

[2]) Moulton and Paswolsky. «World War Debt Settlements». Стр. 129.

интересовано. Займы эти по своим размерам—как было, напр., в случае с итальянским займом — превышали сумму платежей американскому казначейству, зафиксированных в договоре о консолидации военного долга [1]).

Мало того, предусматриваемые по мере роста частной задолженности трудности трансферта являются, без сомнения, одним из основных мотивов, побуждающих руководящие банковские круги, более всего заинтересованные в международном кредите, активно подготовлять смягчение дауэсовского плана и соглашений о междусоюзнических долгах. И вряд ли можно сомневаться в том, что вашингтонское правительство в той или иной степени подчинится этому стремлению и даже станет раньше или позже прямым орудием соответствующей политики, т.-е. *будет жертвовать своими собственными интересами*, интересами казначейства (т.-е. интересами массы своих налогоплательщиков) для обеспечения *частных* вложений американского капитала в иностранных государствах, в особенности же дальнейшего нестесняемого вывоза капитала.

Ясно, что практика выработала во всей системе этих вопросов тесную согласованность действий между государством и банками. Эта основная общность политики тормозится только необходимостью для государства (и правящей в нем партии) считаться с интересами и настроениями более широких слоев населения (представляющих основную массу налогоплательщиков) и, с другой стороны, временным сопротивлением отдельных влиятельных групп в европейских государствах (прежде всего, во Франции, отчасти и в Англии). Но в основном линия интересов финансового капитала (осознанная и сформулированная им уже давно) постепенно прокладывает себе путь через все препятствия национального и международного характера при активной, хотя и осторожно размеряемой поддержке капиталистического государства.

В мировой обстановке, в которой перемещение золота и движение цен приобрело особенное значение и в которой война и ее результаты довели до крайних пределов неравномерность в распределении основного и оборотного капитала, *государственное регулирование международного кредита*, т.-е. ввоза и вывоза капитала, должно было приобрести особенное влияние и получить ярко выраженный характер. Политика государства подчинена здесь целиком высшим интересам капитализма руководящих стран и во второй линии интересам других заинтересованных стран. Получение иностранного займа (хотя бы и по своим размерам незначительного) служит необходимейшим освящением, международной санкцией целых новых режимов (как, напр., фашистского режима в Польше и в Италии) и той необходимейшей мерой, которая проторяет путь импорту капитала на нужды частного хозяйства. Международный финансовый капитал — непосредственно, в отдельных случаях через посредство Лиги Наций распределяет патенты на прочность отдельных мирных договоров, на жизненность целых государств и господствующих в них режимов. Пока этот международный капитал (всегда в этих случаях действующий в теснейшем контакте с соответствующими правительствами) не дает своего признания отдельным государствам и режимам, эти государства и режимы влачат только временное, сомнительное существование.

В первую очередь американский капитал рука об руку с «Государственным Департаментом» почувствовал себя призванным обеспечивать «мир», «устойчивость отношений», «хозяйственное возрождение» нашей планеты, ощутил в себе «миссию спасения Европы займами» [2]). И подобно

[1]) Италия взяла на себя платить в течение первых пяти лет по 15 млн. долларов и получила в момент подписания соглашения заем в 100 млн. долларов.

[2]) Auld «Dawes Plan and New Economics». Стр. 261.

тому, как каждое послевоенное капиталистическое государство в отдельности считает нужным придавать всей своей деятельности видимость покровительства всем классам общества, точно так же в мировом масштабе вашингтонское правительство в единении с «inner circle», с всесильным «внутренним кругом» американского банковского мира выступает, вопреки всем фразам об «изоляции», в роли какого-то международного, всесветного правительства, покровительствующего всем другим государствам. При всемогуществе финансового капитала не только внутренние отношения современных капиталистических государств, но и их международные отношения приобретают своеобразно-бонапартистский оттенок, для чего весьма пригодными оказались старые либеральные и пуританско-религиозные традиции англо-саксонского мира.

Капитализм, располагающий могущественнейшим в Европе производственным аппаратом, но чрезвычайно оскудевший в отношении движимого капитала, капитализм Германии оказался в общем вынужденным мириться *с широчайшими полномочиями, присвоенными государством в области регулирования импорта капитала*. Это регулирование через посредство специальной совещательной палаты и Рейхсбанка проводится государством, как известно, исключительно властною рукою. Одной из конечных целей, преследуемых правительством Пуанкаре в его политике стабилизации франка, является восстановление Франции в роли страны, экспортирующей капитал. В классической стране ренты, Англии, соображения денежной политики побуждали правительство прибегать к столь сильно действующим средствам, как временное наложение полного «эмбарго», т.-е. полного запрета, на всякие иностранные заемные операции. В общем же все очередные правительства в этой области стремились неизменно обеспечить здесь в наивысшей степени интересы финансового капитала, вызывая этим даже признаки недовольства со стороны национальной промышленности, наталкивавшейся на трудности в достаточно полном и выгодном использовании денежного рынка для своих надобностей.

И в стране с сильнейшими традициями частнохозяйственного индивидуализма, С. Штатах, государство присвоило себе *широкий фактический контроль над вывозом капитала*. Первоначально, после прекращения мировой войны, предполагалось даже подчинить непосредственнейшему федеральному контролю и регулированию деятельность банков в области иностранного финансирования. Принятый в 1919 г. т. н. Edge Law (т.-е. закон Эджа) предусматривал образование специальных «Инвестиционных Трестов» для закупки и продажи всякого типа заемных обязательств вплоть до акций акционерных кампаний и для выпуска с этой целью собственных обязательств, но под тем непременным условием, что выпуск облигаций этих трестов будет подчинен условиям, устанавливаемым Федеральным Резервным Банком и что закупка акций будет происходить с согласия Федерального Банка и не будет противоречить его интересам [1]).

Новый закон не имел практических последствий. Вся тогдашняя обстановка мало способствовала всяким иностранным кредитным операциям. С 1924 же года международное финансирование пошло совершенно другими путями, и для проведения этих новых крупнейших операций, находившихся в менее непосредственной связи с финансированием экспорта товаров, оказались достаточно приспособленными банковские учреждения существующего типа. По ту и по сю сторону океана частнокапиталистическое хозяйство вошло опять в свою колею. Но государство и тут обеспечило себе весьма широкие функции по части контроля и регулирования. Только функции эти приняли

[1]) См. H. G. Moulton. «The financial organisation of society». II изд. Стр. 253 и след.

менее формальный характер согласно всей практике С. Штатов, тщательно лелеющей фнкцию невмешательства государства. Эта новая политика С. Штатов в области вывоза капнтала была выработана практнкой, и принципы ее былн сформулированы не федеральным законом, а простым, — но фактически не менее обязательным «заявленнем» (statement) Государственного Департамента (3 марта 1922 г.), которое упоминало об «эвентуальных *общенациональных* интересах», затрагиваемых вывозом капитала. В упомянутом заявлении Государственный Департамент, констатируя «возрастающее значение, прнобретаемое финансированием иностранных обязательств на амернканском рынке», выражал «*надежду*», «что американские концерны, предполагающие заключать иностранные займы, будут заблаговременно осведомлять Государственный Департамент об основных фактах и о последующем их развитии». «Американским концернам, желающим удостовериться о позиции Департамента, «предоставлялось» обращаться в письменной форме к Государственному Секретарю с просьбой о выражении его «мнения». При чем Государственный Департамент со своей стороны обязывался не медлить с ответом. «Конечно, — добавлялось при этом,—Государственный Департамент не может *требовать* от американских банкиров, чтобы онн запасалнсь его советом». Но «Департамент *полагает*, что в виду возможных затрагиваемых общенациональных интересов он должен иметь возможность заявить предполагаемым подписчикам, буде это показалось бы целесообразным, о том, имеются ли или же не имеются возражения против той или иной операции». (Разрядка везде наша).

Мы внднм, осторожность в формулировке тут доведена до того, что отчетливо даже не сказано, у *кого* могут иметься упомянутые «возражения». Эти возражения (или поощрения) получают какой-то об'ектнвный характер, заложенный в «возможном общенациональном интересе», который и говорил бы устами безличного Государственного Департамента... Но все эти ужимки, диктуемые всей государственной и экономической доктриной С. Штатов, конечно, не обманывают никого: ни заинтересованных кругов в других странах, ни их правительств, нн американских банкиров. Те и другие при всех предполагаемых финансовых операциях понимают необходнмость заручиться согласием Государственного Департамента, как представителя «возможных общенациональных интересов» Америки, т.-е. высших интересов американского капитализма в его целом. Со временем американская практика выработала даже нечто в роде обязательной доктрины по вопросу о вывозе капитала. В 1924 г., когда вопрос стал особенно актуальным, экономический советник прн Государственном Департаменте Артур Н. Юнг так формулнровал основные прннципы зтого учения:

«Государственный Департамент соблюдает познцню абсолютного нейтралнтета по отношению к конкурирующим американскнм интересам» [1]. Но «цели, на которые могут быть употреблены займы, являются предметом заботы Государственного Департамента. *Явно желательно, чтобы американский капитал, направляясь за границу, был используем только для производительных целей*... Правительство С. Штатов вынуждено было бы возражать против использования американского капитала для *милитаристских целей*. Коротко говоря, нельзя ожидать, чтобы Государственный Департамент отнесся благоприятно к использованию американского капитала за границей способами, которые затрудняли бы или делали бы невозможным проведение основных линий американской политики... Департамент не мог бы отнестись благо-

[1]) Т.-е. не связывается безусловно с определенными баиками и, стало быть, не мешвет, нвпр., восходящим банковскнм светилам в роде Днллон Рнда соперничать с Морганом,—и это двже несмотря на то, что однн из руководнтелей моргноаского концерна г. Морро яаляется ближайшим лнчным соаетинком президеита.

приятно к сделкам, включающим предположения, могущие отразиться вредно на отношениях между С. Штатами и занимающей деньги страной» [1]). (Разрядка везде наша).

Конечно, эта официозная «теория» допустимости вывоза американского капнтала только «на пронзводительные цели» применима лишь к европейскнм странам (да и то далеко не безусловно). Ее трудно признать применимой к средне-американскнм странам, к всей т. н. каранбской зоне, планомерно превращаемой в сплошную сферу влияния американского империализма.

Как в этих условиях охарактеризовать зту политику и полномочья государства в сфере вывоза капитала?

«Это—политика *контроля и регулирования*»,—заключает Кельбертсон [2]). «В этой ситуации,—говорит другой вндный американскнй писатель и вместе с тем также офицнальное лицо,—*всякий иностранный заем имеет тенденцию стать полугосударственной транзакцией*» [3]).

Словом, в области вывоза капитала, имеющей решающее значение для политики империализма, функции государства и частного капитала переплелись как нельзя теснее. Все условности индивидуалистической по отношению к государству доктрины, господствующей в С. Штатах, не помешали этому переплетению также и в этой новейшей метрополии денежного капитала.

б) Государство и международная борьба за сырье.

Особую и большую главу представляет собой вопрос об *участии послевоенного государства в борьбе «национальных капиталнзмов» за основные категорни промышленного сырья*. Борьба за источники сырья рядом с вывозом капитала (с которым она неразрывно связана), рядом с борьбою за рынки сбыта представляла собою, как известно, одну из основных форм империализма и

[1]) Это учение является намеренным, хотя и косвенным обличением французских довоенных и послевоенных методоа вывоза капитала в отличне от английскнх и отчасти немецких. Если англо-американский вывозимый капитал шел якобы исключительно на производительные цели, то Франция и до и после войны, по мнению американцев, преследовала узко военно-политические цели, поддерживая кредитом своих союзников.

Эта политика Францнн встречала и до последних времен суровое осуждеиие в амернканской лнтературе. Вывоз капитала из Франции—констатнрует один видный амернканский автор—«служил часто целям, задачам н претензиям французского правительства. В 1906 г., например, царскнй режнм получил возможность подавить революцию при помощи французского займа. Политнческнй характер французских займов Россни нашел свое аыраженне также н в том факте, что и после успешной революцни в России французское правительство продолжало в течеине нескольких лет оплачнвать купоны по русским обязательствам... Показательно, что Франция помещалв деньги главным образом в России, Турцин и иа Балканах, т.-е. в группе стран, отмеченной промышлеиной непрозорливостью, финансовой бездарностью н политической непрочностью». Последствия этого сказались во время и после войны, когда мобилизация упомянутых обязательств оказалась невозможной, «уже не говоря о (проявившейся впоследствии) эвентуальностн полной невозможностн получнть по ним что бы то ни было»...

«Русскнй народ, нэ налоговых платежей которого этн долги должны быть уплачены (еслн это когда нибудь случнтся), не гонялся за этнмн деньгами н не ждвл себе пользы от этнх французскнх ресурсов, которые были растрвчены на донашнне н чужие военные ввантюры н нв придворную роскошь» (W. S. Culbertson. «Internationbl Economic Policies». 1925. Стр. 375/6 и 354). Кстатн сказать: не лишено пикантности читать эти слова под пером авторитетнейшего члена американской тарифной комиссин, которому принадлежат цитнруемые строки...

[2]) Цитироааиный труд. Стр. 389.

[3]) G. H. Blakeslee. «The recent foreign policy of the United States». N. Y. Стр. 320.

поэтому сама по себе не является чем-то новым. Можно сказать только одно: наша эпоха, отмеченная наивысшей неравномерностью—не только внешней, так сказать, географической, но и внутренней неравномерностью—капиталистического развития, при которой явления его развала еще могут сочетаться с новыми явлениями крупнейшего технического прогресса, т.-е. по сути с еще бурным развитием потенциальных производственных возможностей,—эта эпоха должна была иметь своим неизбежным последствием дальнейшее, по степени напряженности крайнее обострение этой борьбы за источники сырья, и этим еще усугубить прямое вмешательство государства в эту область частнокапиталистической деятельности. Решающим техническим прогрессом в этой области было, как известно, развитие и высокое усовершенствование моторов внутреннего сгорания, поставившее нефть и каучук в ряд основных мировых категорий промышленного сырья рядом с углем, железом, медью или хлопком. Развитию всей проблемы в указанную сторону (т.-е. в сторону обострения борьбы и усиления вмешательства государства) должно было способствовать и в некотором смысле новое явление, а именно: выступившее на сцену перепроизводство этих основных категорий сырья (также отчасти результат усовершенствований техники!), приведшее к весьма своеобразному сочетанию проблемы обеспечения (каждого «национального» капитализма) этими видами сырья с проблемою их сбыта, т.-е. в общем к вящшему усложнению всей борьбы за сырье. Вмешательство государства оказалось вдвойне необходимым.

Можно сказать, что ни в какой другой области новейшее капиталистическое государство не отождествило себя и не срослось с соответствующим частным капиталом до такой степени, как именно с этими категориями капитала, представляющими собой в отдельных случаях (прежде всего, нефтяной капитал) настоящую и современнейшую боевую фалангу господствующего империализма. Здесь сплошь и рядом буквально не отличишь, где начинается «государство» и где кончаются частнокапиталистические «интересы»: сращение производственно-капиталистической базы с государственной надстройкой получилось здесь относительно самое полное. Сюда относящиеся основные факты приобрели в последнее время широкую огласку, в частности в нашем Союзе, который еще со времени генуэзской и гаагской конференций и впоследствии во все растущих степенях имел возможность достаточно близко ознакомиться со значением и тенденцией указанных «сращений». Поэтому, как и по соображениям недостатка места, ограничимся здесь указанием на некоторые факты и их оттенки.

В общем и целом можно сказать, что Англия и Соед. Штаты вместе взятые осуществляют контроль над длинным рядом основных категорий промышленного сырья, что и является, естественно, одним из залогов их мировой гегемонии, но, в свою очередь, и одним из неиссякаемых источников их взаимного соперничества в борьбе за долю участия, за своего рода «квоту» в этой системе мировых монополий. Если Англия (с участием Голландии) и С. Штаты в некотором смысле разделяют господство над мировыми запасами нефти, то Англия поставлена в зависимость от иностранных источников хлопка и меди, и С. Штаты от иностранных источников цинка, каучука и юты (чтоб не говорить о целом ряде других, менее существенных родов промышленного сырья). Британская империя обладает также господствующим положением на рынке никеля и шерсти. В борьбе за обеспечение национального капитализма этими необходимейшими видами сырья, как и в стремлении к сверхприбылям при их сбыте, государство заинтересованных стран выступает в качестве активнейшей, непосредственно борющейся силы. Северо-Американские Соединенные Штаты занимают в этой

борьбе особую позицию, поскольку в этой стране государство само не является предпринимателем; но оно настойчиво защищает интересы «своих» национальных трестов, беря под свою защиту как потребительские интересы одних, так и экспортные интересы других. В частности, непосредственнейшее, часто решающее влияние могущественнейших нефтяных трестов на дипломатию С. Штатов стало уже давно притчей во языцех. Что касается Англии, то выше мы уже напоминали, что здесь государство является главным акционером Англо-Персидской Компании, роль которой на нефтяном рынке со времени войны колоссально выросла. На конференции в Сан-Ремо (в 1920 г.) британское государство взяло на себя распределение определенных квот месопотамской нефти между отдельными странами. Эта политика Великобритании (и тесно связанной с ней Голландии) наталкивалась, как известно, на систематическое упорное противодействие С. Штатов, выступавших под лозунгом «открытых дверей».

Цитируемый Кельбертсоном американский автор Стэнли Хорнбек в следующих словах резюмирует с точки зрения роли государства обстановку борьбы англо-голландских и американских компаний:

«1. Американские компании действуют в качестве строго частных предприятий, конкурирующих друг с другом в стране и вне страны. Правительство Соед. Штатов не делает между ними различий и не имеет никакой связи с ними, не имеет ни финансового, ни торгового участия в этих компаниях.

2. В Великобритании все же некоторые компании работают, как комбинированные частно-государственные предприятия. Кооперация (частного капитала с государственным. Приписка автора), в частности в иностранных предприятиях, поощряется официально и в частном порядке и стала в значительной степени фактом. Государство владеет акциями, поощряет изыскания и предоставляет специальную поддержку определенным компаниям в определенные моменты и в определенных районах.

3. Касательно Нидерландов по существу имеется то же положение. Тут еще вдобавок собственность на акции руководящей нефтяной компании Ройял Детч весьма широко распространена, в частности среди официального класса (т.-е. правительственных сфер. Прип. автора), что обеспечивает компании весьма широкую поддержку, как национальному по существу предприятию». (Разрядка везде наша).

Эти различения должны иметь нравоучительный смысл: как, мол, добродетельны американцы, предоставляя весь почин частному капиталу (согласно общепринятой буржуазной доктрине) и как неосторожны европейцы, предоставляя широкий удел государству. (Тот же назидательный смысл имеют рассуждения англичан в вопросе о торговом флоте). По сути же эти различения имеют только относительное значение. Об отсутствии «всякой связи» правительства Штатов с нефтяными трестами можно, конечно, говорить только в узко-буквальном, формально-юридическом смысле. Степень распространения собственности на акции Стандарт Ойль в «официальном классе» американской республики нам неизвестна, но финансирование правящей партии нефтяными трестами было лишний раз вскрыто недавним громким процессом; и в правительстве Гардинга «персональная уния» правительства с нефтяными трестами осуществлялась двумя или даже тремя министрами (если включить в это число и государственного секретаря Юза, как главного юрисконсульта Стандарт Ойль).

Спору нет, не только с точки зрения юридических тонкостей, но и с точки зрения теоретической квалификации явлений—небезынтересно разли-

чать, осуществляется ли сращение между нефтяным капиталом в форме взяток членам правительства (в этом случае трудно-таки говорить о гос-капитализме), «распространения собственности на акции в официальном классе», или же путем прямого участия государства в руководящих предприятиях. Но с точки зрения факта «сращение» для целей об'единенной борьбы за выгоднейшую эксплоатацию сырья получается повсюду, и только важно отметить, что в отдельных странах (как Англия и отчасти Голландия) это сращение приобретает выраженные формы «государственно-монополистического капитализма» (по ленинскому выражению).

Другие виды непосредственнейшего вмешательства государства, как хозяйственно-политического фактора, мы можем наблюдать на примере борьбы за *каучук*, с которым точно так же связаны миллиардные интересы. Закон Стевензона, проведенный в 1922 г., представляет собой, без сомнения, самый яркий образец доведенных до крайних степеней регулирующих функций современного крупного государства применительно к производству и сбыту одной из основных категорий колониального промышленного сырья. Этим законом, как известно, производство каучука в Малайских Федеративных Штатах и на Цейлоне было строго контингентировано, при чем сокращение производства должно было служить цели стабилизации цен, фактически же повело к совершенно бешеному их росту в течение ряда лет. Ныне, на шестом году действия этой крайне жесткой системы, британскому правительству пришлось пойти на решение об отмене системы под натиском, прежде всего, неудержимого роста голландской продукции, обрекавшего всю схему на банкротство. Решившись на отмену стевензоновского плана, англичане вместе с тем приступили к переговорам с голландскими производителями. Аналогичные явления мы наблюдаем и в других областях, как, напр., в случае с *сахарным* производством,—где неудача односторонне проводимой политики государственного контингентирования в результате приводит только к попыткам более общих международных соглашений о сокращении производства [1]).

Другой вопрос, приведут ли английские попытки сговора с голландцами к восстановлению на более широкой основе политики «рестрикций» (т.-е. ограничений производства и вывоза).

Острая реакция С. Штатов на эту проводимую силами государства политику монополии и сверхприбылей (успевшей принести англичанам колоссальные прибыли и годами выравнивавшей их платежный баланс по отношению к С. Штатам) показала, как легко и официальная политика американской республики переходит в прямое вмешательство в борьбу борющихся экономических сил. Правительство С. Штатов реагирует не только посылкой нот, угрозами репрессий и назначением высоко-политической анкетной комиссии. Комиссии этой удается подыскать почти целую дюжину видов сырья, коих сбыт и производство «контролируется» иностранными об'единениями в разрез с законами американской благочестивой политической экономии: открытие, которого задача соответствующе возбудить «общественное мнение» страны против тирании иностранцев. В лице Хувера правительство выступает еще с целым разработанным планом образования американскими потребителями каучука монопольной организации закупки, которая способна была бы меряться силами с британскими плантаторами. Для этой цели Хувер предусмотрительно предлагает соответствующее рас-

[1]) Созданная в прошлом году в Париже по инициативе правительства Кубы, проводящего строгую регламентацию производства сахара, конференция привела к предварительному соглашению четырех стран—Кубы, Германии, Чехо-Словакии и Польши—с которыми с тех пор и ряд других стран вступил в переговоры о контингентировании производства и экспорта.

ширение закона Уэбб-Померина (Webb Pomerene Act), допускающего подобные об'единения для сбыта за границей.

«Этот инцидент поучителен,—говорит английский автор,—хотя в данном отношении нет об'ективных оснований для американских жалоб. Да и невероятно, что дело дошло бы до этих жалоб, не будь того обстоятельства, что производство резиновых шин в С. Штатах контролируется *горстью шумных* («*vocal*») *и политически весьма могущественных* фабрикантов» [1]). Иначе говоря, английский автор «намекает» на то, что американское правительство просто отождествляет себя с «горстью фабрикантов» точно так же, как британское правительство (на что английский автор не намекает), еще полнее отождествляет себя со «своими» плантаторами. Но доктринальное лицемерие имеется, конечно, с обеих сторон. Борясь с иностранными монополиями, поскольку те затрагивают американские интересы, американское правительство спешит еще в 1918 г. отдельным законодательным актом (т. н. Экспорт Ассосиешен Акт) из'ять из действия ограничительного в отношении трестов шермановского законодательства, монополистические об'единения, ставящие *заграничную* торговлю своей специальной целью. И даже верховный Федеральный суд С. Штатов пользуется случаем для выдачи аттестации патриотизма стальному тресту за заслуги в деле поощрения американского вывоза.

Проводимая С. Штатами не в порядке формального вмешательства государства, но при явном его поощрении политика регулирования производства *хлопка* и высоких цен на хлопок, причинивших неисчислимые потери британской текстильной промышленности, побудила британское правительство в качестве контрмеры к попыткам поощрения *государственными средствами* развития плантаций хлопка в пределах Империи (попыткам, пока еще не давшим существенных результатов). Назначенная еще в 1917 г. правительственная исследовательская комиссия в опубликованном в 1920 г. отчете предложила черпать необходимые средства из трех источников: из средств казначейства, из местных доходов и из поступлений от текстильной промышленности. Образованная на основании Королевской хартии в 1921 г. «Эмпайер Коттон Гроинг Корпорешен» и получила государственную субвенцию в размерах приблизительно 1 миллиона фунтов.

Мы здесь не говорим о тех грандиозных схемах валеризации, проводимых *колониальными* по типу государствами в отношении отдельных *потребительских* товаров (политика Кубы в отношении тростникового сахара, Бразилии по отношению к кофэ, Эквадора по отношению к какао и т. п.).

в) Политика торгового баланса. Государство и промышленные тресты.

И, те ново-меркантилистические тенденции, которые были отличительным признаком довоенного империализма, должны были после войны неизбежно выступить с новою силою. Буквально все толкало послевоенное государство в сторону политики сверхпротекционизма, сверхпокровительства «национальной» промышленности. Тут действовало, как сильное бродило, не только все наследие войны и пережившее ее стремление к самодовлению, связанное с подготовкой к новым войнам и конфликтам. Тут, прежде всего, выступила на сцену самозащита колоссально разбухшего в период войны производственного аппарата, в особенности в области тяжелой промышленности и связанных с нею «vested interests». К этому присоединилось еще многое другое. В первый послевоенный период, период продолжавшегося

[1]) S. Fitzgerald «Industrial Combination in England». London. 1927. Стр 165.

распада международных связей, международного рынка, промышленность и опекавшее ее государство вынуждены были охранять то, что осталось, т.-е. прежде всего свой внутренний, национальный рынок, относительная роль и значение которого соответствующе возросли. Забавно было видеть, как классические фритредеры в роде Кейнса готовы были выдвигать в качестве национальной экономической программы для британской промышленности ее планомерное приспособление (сопряженное с неизбежной самокастрацией) к потребностям внутреннего рынка («идеология», которая по сути только подготовляла почву для более последовательного в своих мыслях протекционизма).

Значение внутреннего рынка осталось и поныне относительно более крупным, чем до войны: отчасти в связи с процессом переоборудования промышленности, сопряженным с процессом «рационализации» и переходом на новые энергетические основы (электрификация!), как и с возникновением и развитием «новых» отраслей промышленности, как, наконец, и в связи с инвестиционной кон'юнктурой, этой гадательной кон'юнктурой в кредит будущего, выраставшей сперва на основе инфляции, а впоследствии под влиянием бурного притока иностранного капитала (Германия!). И мы могли видеть, как первой функцией образовавшегося международного стального картеля—безусловно могущественнейшей международной организации—оставалась для начала охрана преимущественно внутреннего рынка.

Однако, все позднейшее развитие, наступившее с упрочением валют и восстановлением международных кредитных и торговых связей, с растущей силой ставило в центр всего развития проблему сбыта в ее целом: во всем ее роковом значении для капитализма, технически еще бурно прогрессирующего, опирающегося на непропорционально выросший производственный аппарат, но зажимаемого в тесные рыночные границы, как в Прокрустово ложе, разорением целых слоев населения и целых частей мира, полуотпаданием русского рынка и связанных с ним возможностей и возмущением колониальных народов.

Международное торговое соперничество обострилось до крайности, и проблема мирового рынка, проблема сбыта на внешних рынках постепенно вырастала во весь свой натуральный рост. Государство и здесь должно было следовать по пятам промышленности (при всех колебаниях, зигзагах и уклонах в пользу других видов современного капитала). В своем стремлении во что бы то ни стало охранить внутренний рынок и вместе с тем отвоевать, раскрыть внешний послевоенное государство должно было войти в максимально интимную связь с крупнопромышленным капиталом, связь еще более тесную, близкую, неразрывную, нежели в период относительно более «ровного» и «мирного» развития империалистических тенденций. (Поскольку о «ровности» и «мирности» развития вообще может итти речь применительно к эпохе империализма).

Этому способствовали еще факты трех категорий. Первый факт—это рожденный из возросшего несоответствия между производством города и производством деревни, как и степенью их организованности и силы, хронический кризис сельского хозяйства. Этот кризис, охвативший и Соединенные Штаты, более или менее повсеместно побуждал крупных и мелких аграриев подымать громкий крик о своих нуждах и бедствиях с тенденцией использовать всеобщее стремление к обеспечению емкости внутреннего рынка, как и чисто-классовые, социально-реакционные стремления крупнокапиталистических кругов к сохранению в лице «крепкого» сельскохозяйственного производителя одного из оплотов современного режима. Таким образом, восстановился традиционный, реакционный протекционистский союз господствующих отраслей индустрии с аграрными кругами, к которому, вопреки всем чаяниям и завораживаниям социал-демократов, примкнула в принципе и обрабатывающая промышленность и отчасти банки.

«Покровительство», оказываемое послевоенным государством крупным и средним сельским хозяевам, во всех формах охранительных тарифов, экспортных схем, контенгентирования и организации сбыта, планомерной организации усовершенствованных форм кредита (Соед. Штаты не на последнем месте!) и т. п. всевозможных мероприятий, заслуживало бы здесь самостоятельного рассмотрения, от которого нам приходится отказаться по соображениям места.

Второй факт—это уменьшение того страха, который первоначально внушала непосредственно ощущаемая революционная опасность, и который в первое время диктовал правительствам по-своему потребительскую политику, в некоторой степени считавшуюся с элементарнейшими потребностями громадных потребительских масс. С уменьшением этого страха отпала соответствующая сдержка: ей на смену выступила свирепо «производственная» точка зрения, мирящаяся (да и то все меньше) лишь с немногочисленными ограничениями. Характерно, что фашистские правительства—в Италии, в Польше—первым делом рвали с традициями и навыками этой «потребительской» политики, способствуя повышению цен на основные продукты питания, на уголь и т. п.

Третий факт—это тот факт, что промышленность и банки, а в общем можно сказать, и все сплошь буржуазно-капиталистическое хозяйство—сначала в процессе войны и под непосредственным действием ее стимулов, а впоследствии в процессе защиты своих политических и хозяйственных позиций от опасностей революционного развития и от ново-возникших хозяйственных трудностей — достигли, более или менее повсеместно, высочайших степеней организованности как по линии чисто-хозяйственной организации (высшие формы развития всяких об'единений капитала, синдикатов, трестов и т. п.), так и по линии сословно-корпоративной (всяких организаций представительства интересов). В первой области всякие отсталые страны быстро подтянулись за передовыми, в которых развитие также пошло могущественными скачками вперед. Во второй области—профессионально-корпоративных организаций капитала—и такие «отсталые» страны, как Франция, покрылись сплошной и густейшей сетью всякого вида и типа организаций «интерессентов». При чем более или менее повсеместно эти многоликие организации так или иначе переплетены друг с другом, образуя целую сложную систему с отдельной системою «верхушечных организаций» (как их называют в Германии).

Понадобились бы целые томы для того, чтобы представить полную картину структуры и действия этих современнейших об'единений капитала, которых классовый охват и по чисто-корпоративной линии является несравненно более полным и исчерпывающим, нежели у профессиональных союзов рабочих, находящихся притом преимущественно в руках реформистов, т.-е. опять-таки, по сути, агентов того же организованного капитала. Эти организации капитала с их представительнейшей верхушкой—торговой палатой Соединенных Штатов, американскими с'ездами банкиров, «Райхсфербандом германской промышленности», «Федерацией британских индустрий» и т. п.—сплошной стеной окружают буржуазные правительства, и с влиянием их, как и связанных с ними неразрывно картелей, пулей и трестов, на политику этих правительств не может ни в какой степени сравниться никакая другая организованная сила. (Масштабы для сравнений в этом отношении можно бы найти разве только внутри этих организаций, сравнивая степени влияния отдельных групп сорганизованного капитала. Так, например, в Англии, а быть может и в Соединенных Штатах влияние господствующих банков пришлось бы признать более непосредственным и значительным, нежели влияние промышленных об'единений).

Все упомянутые три факта должны были усилить связь между всем государственным аппаратом и крупным капиталом, но вместе с тем и расширить сферу функций и воздействий государственной машины. Уже сама сложность всей экономической (и социальной) обстановки и потребность быстрых и решительных действий способствовала расширению полномочий государства, отслоению в его пользу или во всяком случае усилению разных его функций, при одновременном вящшем его «сращении» с высокоорганизованным капиталом.

Это усиление государственной машины находит свое и чисто-внешнее выражение в образовании *новых его органов* с различными, часто весьма широкими, полномочиями. Возникают «министерства национального хозяйства», как органы ближайшего сотрудничества с промышленностью и торговлей, «департаменты для научных и промышленных исследований», «комиссии по электричеству», «шиппинг борды» для «поощрения, развития и создания вспомогательного морского и торгового флота» [1] и т. д., и т. п. Эти новые органы государства возникают не только в военный период (что было явно неизбежно), но множатся и *после войны*, как, например, в Англии «*комиссия по электричеству*» (возникает в 1920 г.), *министерство транспорта* (возникает в 1919 г. Немудрено! Только *после войны*—в 1922 г.—*государство принудительно* об'единяет около 120 железнодорожных концернов, представляющих капитал приблизительно в миллиард фунтов, в *четыре* предприятия, доходы которых регулируются и контролируются опять-таки государственным учреждением—«*железнодорожным тарифным трибуналом*») [2], или оригинальный «*комитет по гражданским исследованиям*» («Committee of Civil Research»), установленный при кабинете министров в 1925 г. Этот последний орган вооружен только совещательными функциями, зато на него возлагается весьма своеобразно сформулированная обязанность «давать с центральной точки зрения связные предположения о развитии экономических, научных и статистических исследований в отношении гражданской политики и управления». (Названному комитету была недавно поручена правительством разработка вопроса о контингентировании производства каучука, т.-е. о дальнейших судьбах так называемого закона Стевензона. Тот же комитет обследовал положение всей металлургической промышленности с точки зрения желательности введения для нее охранительных пошлин).

Одновременно (т.-е., точнее говоря, во время войны) практика выработала, в особенности в Германии, своеобразный двойственный тип смешанных *публично-частно-правовых корпораций*, обеспечивавших государству относительный максимум контроля над производством. Правда, с тех пор эта сложная система, охватившая все основные категории промышленного сырья, была в крупнейших своих частях сломана и ограничена, и жалкий остаток воспоминаний о революции, § 156 веймарской конституции, закреплявший за государством «право» регулировать производство и распределение с точки зрения интересов общественного хозяйства (вплоть до социализации), остался на бумаге. Все же отдельные части построенной во время войны смешанной системы проявили больше живучести, чем можно было ожидать в период всеобщего штурма на остатки «военного хозяйства», и существуют и поныне в формах контроля государства над ценами на уголь и на калий. И что небезынтересно, сугубо «антиэтатистская»

---

[1]) Формулировка соответствующего американского законодательства.

[2]) Точно так же, как и во Франции, только *после войны государство навязало* концессионированным жел.-дорожным компаниям об'единительный «комитет по управлению» («Comité de direction»), постановления которого обязательны для всех дорог.

Франция уже *после войны* додумалась до проектов смешанных частно-государственных учреждений. (Декрет от 10/X—1919 г. и *закон* от 18/X—1923 г. об утилизации гидравлической энергии, предусматривающие и регулирующие участие государства, коммун и даже торговых палат в концессионированных предприятиях). Правда, эти предприятия пока-что не привились [1]), и когда дело дошло по другому случаю (во исполнение первого химического соглашения с германской индустрией) до образования смешанного общества для производства синтетического азота, то консервативный сенат предпочел образование *чисто-государственного* учреждения (так называемого «Office national industriel de l'Azote»), которое и было установлено законом 1924 г. Но наметившиеся попытки не прошли бесследно. «Этой новой форме акционерной компании,—пишет консервативный французский юрист,—хотя и не предвиденной прежним законодательством, все же, видимо, суждено постепенно стать достоянием практики и потребовать себе своего места в нашем французском законодательстве. Расширение сферы публичных услуг индустриального характера на самом деле требует преобразования правовых понятий, уже значительно продвинувшегося вперед за границей в особенности со времен войны» [2]).

В теснейшем, неконтролируемом и отчасти просто неуловимом контакте с руководящими органами крупного капитала государство становится именно *государством* «*хозяйства*» — «*der Wirtschaft*»: слово, в которое немцы стали вносить какой-то новый, особый смысл—*высшим хозяйственным органом*, к которому старые, наивно-метафизические представления немецкого философско-идеалистического прошлого стали уж особенно неприменимы.

Государство присваивает себе более смелое и непосредственное влияние, чем в предыдущие эпохи, на все движение *цен и кон'юнктуры*. Оно не боится весьма крутыми мерами регулировать *иммиграцию*, т.-е. рынок труда, как и поощрять и даже субвенционировать *эмиграцию* (британский «Эмпайер Сеттлемент Акт» 1922 г.). Оно об'являет своей прямой задачей поощрение процесса «*рационализации*» промышленности и всего «хозяйства». (Как и «хозяйство» в свою очередь не прочь браться за «рационализацию» государства! В буквальном и даже в переносном смысле, т.-е. не только уснащая свои программы вперемежку со всякими чисто-хозяйственными пожеланиями бесцеремонными требованиями всяких сокращений и упрощений государственного аппарата, но и доводя «рационализацию» до прямой поддержки переворотов).

С повсеместным ростом тенденции к экспорту фабрикатов, государство непосредственно интересуется строительством *торгового флота* и в тех странах, где оно еще не успело доразвиться до этого в предвоенный период. Это мы в частности видим в Соединенных Штатах. Сбыт полумонопольных категорий сырья более легкое дело, чем сбыт остро соперничающих на мировом рынке готовых изделий промышленности. За первыми иностранные суда сами заезжают, куда нужно. Вывоз фабрикатов необходимо *поддержать*. К этому присоединяется значение торгового флота, как вспомогательного флота в случае войны [3]). Уже после войны во вводном тексте к закону 1920 г. правительство Соединенных Штатов точнее формулирует свою политику, первые принципы которой нашли свое выражение в законе от 1916 г. Текст этот определяет,

> «что для национальной защиты и для соответствующего роста иностранной и домашней торговли Соединенных Штатов необходимо, чтобы

---

[1]) Мы располагаем на этот счет данными только до начала 1925 г.

[2]) Paul Pic. «Traité élémentaire de Législation Industrielle». Supplément à la 5-e Edition. Стр. 23.

[3]) См. всю главу о «Торговой политике в отношении судоходства» в книге Кельбертсона «Международная экономическая политика», изд. в 1925 г.

Соединенные Штаты располагали торговым флотом, составленным из наилучше оборудованных и наиболее подходящих типов судов, достаточным для провоза бóльшей части их ввоза и вывоза и для службы в качестве морских или военно-вспомогательных сил во время войны или национальной опасности и долженствующим в конечном счете находиться в собственности и управлении частных лиц; и настоящим об'является, что политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы делать все необходимое для развития и поощрения образования такого торгового флота». (Разрядка везде наша).

Применение этой, в полном смысле этого слова, боевой программы натолкнулось, как известно, на целый ряд затруднений, а отдельные особо крутые и агрессивные части Мерчент Марин Акта и связанных с ним декретов (как, напр., применение привилегированных железнодорожных тарифов к товарам, подвозимым в американские гавани американскими судами) оказались обоюдоострым орудием. Но общая тенденция к «развитию и поощрению» торгового флота, который,— по выражению Кельбертсона, — «является фактически (чем бы он ни был в теории) существенно национальным предприятием» [1]), от этого не исчезла.

Британское правительство относится последовательно отрицательно ко всякому слиянию британских пароходных предприятий с предприятиями других стран, охраняя таким образом строго-национальный характер британского торгового флота, вместе с тем поощряя образование «оборонительных союзов» [2]) и широких соглашений (на т. н. «конференциях») между британскими предприятиями, из которых группа шести контролирует более половины всего британского торгового судоходства и практически не соперничает друг с другом, поделив все моря и океаны земного шара на сферы влияния. Зато поддержка государственными средствами постройки торгового флота более молодыми странами, еще только вступающими на путь соперничества на море (не исключая и доминионов), вызывает неизменно упрямую контрпропаганду со стороны британских кругов: конечно, всегда под «бескорыстно-теоретическим углом зрения хозяйственного расчета. Эти круги, в силу своих «антиэтатистских» убеждений относящиеся с чрезвычайною заботливостью ко всяким явлениям бесхозяйственности не только у «себя», но и у своих соперников, и проявили шумное удовлетворение, когда долго упрямившееся австралийское правительство, наконец, решилось передать государственный торговый флот Австралии в цепкие руки Лорда Кайлсанта. Принципы строгого отмежевания частнокапиталистической инициативы от вмешательства государства, по британским представлениям, должны последовательнее всего осуществляться в более молодых странах, позднее других выступающих на историческую арену международного соперничества [3]).

Но основная область, где шире всего проявляется покровительственная деятельность послевоенного государства, где оно теснее всего сплетается с торгово-промышленным капиталом, это вся область борьбы за сбыт, это политика торгового баланса, сочетающая охрану внутреннего рынка от иностранной конкуренции с борьбой за внешние рынки. Война оставила в этой области особенно громадное наследие, и неот'емлемая от современного буржуазного государства боязнь новых конфликтов, необычная индустриализация воен-

[1]) Кельбертсон. Стр. 429.
[2]) Заключения Империал Шиппинг Комити 1923 г.
[3]) Бальфуровская анкетная комиссия о состоянии торговли и промышленности приводит следующий список стран, в которых торговое судоходство «ведется или контролируется» государством: Канада, Австралия, С. Штаты, Бельгия, Румыния, Советская Россия.

ной техники, всеобщее сужение возможностей сбыта, защита уже помещенных капиталов, недостаток новых,—все это уже не допускает полного разрыва с экономикой военного времени. Война и мир стали более или менее неотделимыми состояниями буржуазного общества. «Война не является более чисто вооруженным конфликтом; она является также экономическою борьбою. С этой точки зрения война есть усугубленная форма торгового соперничества»,—пишет уже неоднократно цитированный нами американский автор [1]). Автор этот не сознает, что его слова—модернизированный вариант известной формулы Клаузевица: война есть продолжение политики, только другими средствами. Но и обратное стало верно. Мир стал продолжением войны, только—отчасти другими средствами.

Послевоенная эпоха совпала, как известно, с высшим расцветом протекционизма в степенях и формах, каких не знало довоенное империалистическое развитие при всей силе отмечавших его протекционистских тенденций. Этот послевоенный протекционизм нашел первоначальное свое выражение даже не столько в абсолютном повышении охранительных тарифных ставок. Вопреки распространенным среди широких кругов представлениям, об абсолютном повышении ставок в среднем, мировом масштабе вряд ли можно говорить, как это в пределах возможной точности было установлено изысканиями Лиги Наций, Бальфуровского комитета и британского Борд оф Тред. В отношении отдельных существенно важных групп товаров,—как, напр., текстильных—среднее повышение ставок было в общем даже довольно существенно ниже общего повышения товарных цен. Разгул протекционизма выразился скорее в другом: во-первых, в возникновении целой сети новых границ в центральной и восточной Европе; во-вторых, в возникновении сильных протекционистских тенденций в целом ряде колониальных стран с молодою капиталистическою промышленностью (отчасти возникшей во время войны); в-третьих, в тех новых, особенно грубых и примитивных формах, в которых проводилась государствами политика протекционизма (система запретов ввоза, ограничений, контингентирований, лицензий, дифференциальных ставок, сложнейшей их классификации, всяких сложных формальностей при ввозе и т. п.).

Момент политический во всех трех случаях выступает ясно. Война сделала протекционизм мировым явлением. Не столько поднялись вверх старые таможенные стены, сколько к ним прибавились новые. Новые же формы охранительной политики связаны с усилением полномочий государства. Ясно, что «лицензионная система представляет больше возможностей для административного вмешательства («манипуляции»), чем таможенный тариф» [2]).

Но и другие свойства и тенденции протекционистской политики послевоенной эпохи действовали в том же направлении. Растущее торговое соперничество побуждало правительства охранять торговлю своих стран не только от последствий инфляции в других странах, от политики всяких субсидий, субвенций и т. п., но и учитывать в системе предпринимаемых контрмер и уровень издержек производства в конкурирующих странах, выражающийся в господствующих в этих странах нормах зарплаты, длине рабочего дня и т. п. Учет этих сложных и притом быстро меняющихся факторов должен был неизбежно привести к расширению полномочий органов управления заинтересованных стран.

С относительным упорядочением европейских отношений и в частности с устранением инфляционных порядков в подавляющем большинстве европейских стран эти методы предыдущей эпохи не исчезли пол-

[1]) Кельбертсон. Стр. 331.
[2]) Survey of overseas markets. Стр. 16.

ностью, но в значительной степени были только приноровлены к изменившимся условиям. Итак, в Англии бюджетный закон 1926 г., следуя указаниям Комитета Чадвика, восстановляет еще на целый десяток лет действие существенных частей т. н. «Закона об охране промышленности» («Safeguarding of Industries Act») от 1921 г. Меморандум же Борд оф Тред от 1925 г. предусматривает применение и других частей указанного закона в порядке нормального бюджетного законодательства ко всем статьям ввоза (за исключением только продуктов питания) при наличности соответствующих предпосылок. Основной предпосылкой предполагается понимаемая по новому «нелойяльность» иностранной конкуренции, вытекающая из обесценения валюты, создающего премию на экспорт, субвенций или других искусственных привилегий и из «худших условий труда, касательно зарплаты, продолжительности рабочего дня» и т. п. [1]. При чем весь почин к применению охранительных ставок в упрощенном порядке бюджетного законодательства предоставляется в каждом случае заинтересованным отраслям промышленности и министерству торговли, которое при наличии соответствующих предпосылок (перечисленных в меморандуме) поручает специальным комитетам проверку обоснованности обращенных к нему требований промышленности [2].

В соответствии со всей традицией республиканской партии полнота узаконенного почина и полномочий правительства С. Штатов всего яснее выступает именно в этой сфере—«охраны» промышленности. В 1922 г. таможенное законодательство С. Штатов берет в свою основу формальный принцип «равенства» («Equality of treatment»). Основа этого «новшества» сводится к тому, что колоссальная экономическая мощь С. Штатов дает им возможность не стремиться к обеспечению себе специальных и формальных привилегий. В то же время универсальные тенденции торговли С. Штатов, стремящейся проникать во все страны и материки, побуждают Штаты выдвигать общеобязательные принципы и приводить их в гармонию с широчайшим применением политики т. наз. «открытых дверей», сводящейся к борьбе с привилегиями и преимуществами более старых капиталистических стран. В этих условиях принцип «равенства» сводится к тому, что С. Штаты, оговаривая сами за собою абсолютную свободу охранять свой рынок какими угодно ставками, в то же время оспаривают за другими странами право на какую бы то ни было «дискриминационную» политику, т.-е. на менее благоприятное отношение к ввозу американских товаров, чем к ввозу из любой другой страны. Это должно означать, что Америка требует себе «равенства». Защита этого «равенства» в условиях послевоенной эпохи требует весьма широкого простора для американской администрации вплоть до своего рода военных мер, какими является обложение ввоза из упорствующих стран громаднейшими карательными ставками.

Тарифная комиссия С. Штатов на другой же день после прекращения военных действий поспешила запечатлеть в своем докладе указанные принципы:

> «Равенство (Equality of treatment) должно означать, что С. Штаты применяют ко всем странам те же условия и взамен требуют себе одинакового отношения со стороны всякой другой страны... Необходимая гибкость может быть обеспечена предоставлением на деле обложения добавочными пошлинами дискреционной власти президента... в общих рамках, определяемых статутом... Представляется необходимым оставление за исполнительными органами (executive department) значительной степени свободы». (Разрядка везде наша) [1].

[1] «Factors in industrial and commercial effinciency». Стр. 447 и след.

[2] В июне 1925 г. с требованием применения к ней предусмотренной процедуры обратилась в мин. торговли такая капитальная отрасль британского производства, как производители чугуна и стали. При чем на этот раз они натолкнулись на отказ правительства, мотивированный ссылкой на соображения более общего характера.

Согласно тарифному законодательству от 1922 г. после заключения тарифной комиссии президент в праве налагать добавочные ставки, доходящие до 50% в отношении ценности товара, и в случае, если бы это не возымело действия, распорядиться и о прямом запрете ввоза.

«Стабилизация» европейских отношений, возвращение к системе торговых договоров должны были, конечно, устранить многие унаследованные от военного периода грубые и упрощенные формы протекционистского произвола. Созванная Лигой Наций Международная Экономическая Конференция дала добавочный толчок тенденциям к устранению многих второстепенных затруднений международного торгового оборота.

Но все эти переговоры и соглашения не смогут устранить того, что заложено в самом характере эпохи, отмеченной высшим обострением международной конкуренции.

Фритредерская пропаганда, прокатившаяся в последнее время по Европе, не обманула буквально никого (за исключением, быть может, самых благодушных реформистов, профессионально заинтересованных в прикрашивании этого лучшего из капиталистических миров). За этой пропагандой слишком ясно ощущались интересы крупнейших и сильнейших индустриально-империалистических держав. Сами авторы пресловутого «манифеста банкиров» растерянно-грубо выбалтывали свои тайны. Президент Рейхсбанка Шахт об'являл, что собственный промышленный аппарат должен оставаться привилегией сильнейших, «крупных хозяйственных единиц», и что вообще «не увеличение промышленного производства», а «организация покупательной силы отдельных народов» должна составлять «настоятельнейшую задачу нашего времени» [2]. А сам сладкоречивый, либеральный автор «Манифеста» Джордж Пейш открыто призывал громы кредитного кризиса на головы непокорных народов, угрожая им бойкотом лондонского и нью-йоркского денежных рынков, если они «не примут политики, которая открыла бы им эти рынки», т.-е. если они не откажутся от практикуемой ими политики «ограничения торговли» [3].

Новейшая «стабилизационная» эпоха, если не говорить о второстепенных явлениях, связанных с устранением всяких анархических форм более или менее «военного» протекционизма—отнюдь не является эпохой уменьшения, а скорее усиления протекционистской волны. Английский Бальфуровский комитет, об'являющий индустриализацию новых стран «самым важным и самым прочным из факторов, ведущих к ограничению об'ема или изменению характера британского вывоза», считается с тем, что «практически во всех случаях тенденция пересмотра (старых ставок) будет итти в направлении их увеличения» [4]. Пример Франции уже оправдал эти предсказания англичан. Но и в самой Англии, прародительнице Фритреда, консервативное правительство со свойственным англичанам упрямством (и наученное первым неудачным опытом) шаг за шагом приготовляет пути для более полного отхода от принципов свободной торговли. Размеряя осторожно дозы проводимой в отдельных случаях охрани-

[1] См. Кельбертсон. Цит. труд. Стр. 141/2.

[2] D-r Schacht. «Die Stabilisierung der Mark», стр. 188.

[3] George Paish. «The road to prosperity». Стр. 121—2.

[4] Survey of overseas markets. Стр. 14.

тельной политики, оно систематически обрабатывает «общественное мнение», без сомнения, делая все большие завоевания и в рядах рабочей партии. Следует думать, что, если к власти вторично придет кабинет рабочей партии, Сноуден на этот раз уже не поспешит отменить существующие охранительные мероприятия. Что же касается английских либералов, то при том направлении, какое получает в последние годы развитие их «мировоззрения» (в частности в недавней программной записке), доктринальное фритредерство приобретает в этом лагере все более характер причуды, в значительной степени потребной лишь как традиционный отличительный признак этой либо вымирающей, либо энергично меняющей кожу политической породы.

Со времен войны Англия неуклонно, хотя и осторожно, развивает политику преимущественных ставок в торговых отношениях между составными частями Империи. Англия добивается расширения преимуществ, предоставленных ей доминионами. (В среднем таможенные ставки в отношении английских товаров понижены на новых 5% по сравнению с 1914 г., в общей сложности обеспечивая английским товарам преимущество на приблизительно 9% в сопоставлении с товарами других стран). В 1919 г. *Англия и сама вступает на путь взаимных уступок доминионам.* При чем вряд ли можно оспаривать тот факт, что эта политика начинает давать осязательные результаты. Единственная «светлая точка» в британской экономике—это рост доли британского вывоза в свои колонии. С 1913 г. эта доля растет неуклонно. В 1913 г. она представляет 37% всего британского вывоза, в 1924 г. уже больше 38%, в 1925 г. уже 39,18%, в 1926 г. целых 44,7%, в 1927 г. опускается до 42,56%, затем опять начинается под'ем. Расширение и укрепление связей с империей и стало, без сомнения, в последнее время самой популярной идеей в рядах английских политических партий вплоть до Лебор Парти.

В С. Штатах (в связи с индустриализацией Южных Штатов и другими причинами) вопросы таможенной политики меньше, чем когда бы то ни было, играют в настоящее время роль актуального спорного об'екта в борьбе между республиканской и демократической партией. *На европейском материке* нет такой партии—вплоть до реформистов,—которая не считала бы своей задачей охрану интересов «национальной» промышленности: различия тут только в оттенках и степенях.

Содействие государства здесь неизбежно. Оно и является непрестанным об'ектом самого яростного натиска всех заинтересованных кругов и стремится лишь кое-как согласовать их не всегда тождественные интересы. Возникновение международных картелей с их тенденцией к контингентированию производства и в дальнейшем к распределению рынков сбыта, как показал уже и опыт, *не устраняет общей тенденции,* не заменяет собою таможенной охраны рынка. Для ряда решающих международно-об'единенных отраслей (как, например, для континентально-европейской железо-стальной промышленности) внутренний рынок имеет еще во множестве случаев слишком крупное, почти решающее значение. Борьба за «квоту», т.-е. за долю участия в международном контингенте, неизбежно возобновляющаяся, предполагает стремление всякой национальной индустрии к обеспечению себе, к предварительному завоеванию возможно лучших *исходных* позиций, т.-е. максимальной производительности, что опять-таки связано со всякого рода поддержкой со стороны государства. Политические и экономические моменты здесь переплетаются неразрывно.

> «Вопреки всяким фантазиям (буквально непереводимо: «Floskeln»), которые часто подсовывает народам честная или искусственно фабрикуемая для политических целей воля к соглашению,—пишет один из вожаков германской промышленности в докладе о картелях, представленном Международной Экономической Конференции [1]),—пока что всякая страна при заключении международных соглашений ищет удовлетворения прежде всего своих собственнейших национальных интересов, и всякий хозяйственный соперник рассматривается при этом не как ценный европейский фактор, а как претендент в борьбе за общий рынок. *Поэтому хозяйство всякого государства должно считаться с тем, что договорное соглашение насчет этого рынка останется лишь так долго в силе, как долго политическое положение партнера будет заставлять его считать нецелесообразным прибегать к другим средствам для охраны своих национальных интересов»* [2]).

Эти «*другие*» средства и есть средства *политического нажима и шантажа,* бешеного вздувания размеров протекционистской опеки и т. п.,—словом, всего того, для чего государство является необходимейшим и классическим органом, как бы ни было приятно наивысше организованному капиталу обходиться без его помощи.

Не ясно ли после всего этого, что в этой *новой,* необычно усложнившейся и, главное, *подвижной, как никогда раньше, экономической и политической обстановке* промышленный капитал нуждается для охраны своих интересов в тех увеличенных степенях «*необходимой гибкости*» государственного аппарата, о которой говорил доклад Тарифной Комиссии С. Штатов? *Новый темп* послевоенного капитализма—новый темп во всем: в процессе самоорганизации капитала, «рационализации» техники, лихорадочного и беспорядочного кон'юнктурного развития, всего политического и всего социального развития — плохо мирится со старыми, тяжеловесными методами законодательно-государственного творчества в этой области. «Необходимая гибкость» предполагает и здесь *упрощение и расширение полномочий государства.*

И в этой области должно получаться то *своеобразно диалектическое развитие, при котором вящшее, безоговорочнейшее подчинение государства интересам и указке крупнейшего капитала (представленного трестами и картелями) сочетается с расширением, с умножением функций этого самого государства, с ростом его удельного веса во всем механизме капиталистического бытия.* Процесс «сращения» капиталистической базы с ее новейшей государственной надстройкой и есть *двусторонний, диалектический* процесс, в котором то одна, то другая сторона — сообразно обстановке, месту и времени—выступает более ярко наружу.

Для полноты отметим еще, что в своей совместной с частным капиталом борьбе за внешние рынки послевоенное государство прибегает и к таким мерам, как более или менее *непосредственное финансирование экспорта.* Примером соответствующих схем могут служить германские гарантированные кредиты для целей советских закупок промышленного оборудования в Германии. Британский «Тред Фасилитис Акт», получивший на практике применение преимущественно к разным экспортным индустриям, как и более непосредственные схемы государственных экспортных кредитов (в виде авансов, потом гарантий векселей) в общей

---

[1]) Кстати сказать: какой максимум пренебрежительности ко всяким фритредерско-всеевропейским «фантазиям», да еще в официальном докладе Лиге Наций!..

[2]) Lammers. «Kartellgesetzgebung des Auslandes». Стр. 12. Автор—один из руководителей германского химического треста, влиятельный член партии центра и председатель имперской экономической комиссии.

сложности санкционировали всякого вида гарантии государства в довольно внушительных размерах — приблизительно 100 млн. фунтов, т.-е. около миллиарда золотых рублей.

Мы уже упомянули в другом месте о том, что в Соед. Штатах отдельным законодательным актом было *отменено действие шермановского ограничительного законодательства для монополистических об'единений, ставящих себе целью эксплоатацию внешних рынков*. Т. н. закон Уэбба-Померина (Webb-Pomerene Act) узаконяет образование экспортных «ассоциаций» монополистического характера. Предполагается, что «своего» потребителя полагается «охранять» от эксплоатации со стороны трестов, на обирание иностранного потребителя выдается, наоборот, патент. Американское государство становится здесь обеими ногами на почву реальной обстановки современнейшей борьбы за мировой рынок. Комитет нижней палаты конгресса, настаивая на принятии указанного закона палатой, пояснял, что вывозная торговля в результате методов, применяемых другими странами, стала «в значительной степени предметом соперничества между *народами*»; снабжая же эту премудрость своими комментариями, видный американский автор дополнительно поясняет: «если *правительству* С. Штатов предстоит *стать стороной в этом международном торговом соперничестве*, то оно должно иметь возможность поддержать *свои* иностранные торговые агентуры *силою оружия*, в случае необходимости — с последствиями, которые легко предвидит всякий усвоивший уроки недавней войны. Возможно, впрочем, что не придется подвергнуться этому риску, в особенности в виду настойчивого иностранного спроса на американские товары, как и в виду громадных пропорций домашней торговли»[1].

Понятия и термины «народы» (т.-е., точнее говоря, капиталистические буржуазии и еще точнее—просто тресты) и «правительства» (т.-е., точнее говоря, государства) в терминологии этого законодательного творчества и этого юридико-экономического учения характернейшим образом употребляются вперемежку, перепутываются и отождествляются.

Эта борьба за мировой рынок как нельзя теснее сплачивает государство и высшие—профессиональные и хозяйственные—организации сконцентрированного капитала. *Государство «хозяйства» является по преимуществу государством трестов и синдикатов*. Плоскости соприкосновения этих высших органов капитала с государством неисчислимы, хотя часто и неуловимы для далее стоящего зрителя. Эти высшие организации капитала в буквальном смысле слова владеют правительствами, партиями, прессой, средствами радиотелеграфной и всякой другой пропаганды. Главари этих трестов и профессиональных корпораций все чаще и все полнее осуществляют в своем лице своего рода личную унию между этими органами и правительствами и партийными верхушками. Практика и законодательство послевоенного времени узаконили обязательное участие представителей капиталистических организаций во всякого рода совещательных, административных и судебных высших и низших органах, превращая их в *неотделимую составную часть все более усложняющегося государственного механизма* и придавая ему этим своеобразный сословно-капиталистический характер. Могущественнейшие организации промышленного капитала принимают непосредственное участие в торговых переговорах между правительствами. Полнейшая взаимозависимость и согласованность этих переговоров частных организаций и официальных органов выступила особенно ярко наружу при не-

---

[1]) E. Jones. «The trust problem in the United States». 1922. Стр. 387.

давних франко-германских переговорах о торговом договоре. Только предварительное соглашение некоторых отдельных отраслей французской и германской индустрии сделало заключение этого договора вообще возможным. И т. д. и т. п. Деятельность государства и деятельность органов частного капитала здесь просто неотделимы.

Весь этот состав обстоятельств должен был характерным образом отразиться и на формально-юридическом отношении современного государства к частнокапиталистическим монополистическим об'единениям, т.-е. на *законодательстве о трестах и синдикатах*. Только глупенькие реформисты могут мечтать о каком-то радикально-действующем «*контроле*» *этого*, т.-е. насквозь монополистически-капиталистического государства над капиталистическими монополиями. «Серьезные» реформисты об этом вовсе и не мечтают, являясь в соответствии со всем своим устремлением в сторону самоновейшего, высше-рационализованного «прогрессивнейшего» капитализма восторженнейшими сторонниками национальных и международных капиталистических об'единений. Больше других понимающий в этом деле «социалист» Юлиус Гирш открыто проповедует на страницах буржуазной печати, что путь развития здесь должен итти от «юридического надсмотра к хозяйственному воздействию»[1].

Если же присмотреться к фактическому ходу развития в международном масштабе, то в общем и целом легко будет констатировать в этом отношении наличие трех неразрывно связанных друг с другом тенденций. *Во-первых*, развитие идет от старых, *судебно-уголовных* форм «контроле» над трестами в сторону чисто-*административных* форм контроля, т.-е. от относительно более сильных к более слабым средствам и мерам. Этот переход совершается С. Штатами в принципе уже до войны, начиная с 1903 г. (с образованием Департамента по Торговле и Труду и «Бюро по корпорациям» при нем), в особенности же с 1914 г. (с возникновением Федераль Тред Комишен). Далее, и *во-вторых*, эти формы предполагаемого *административного «контроля»* все определеннее эволюционируют в сторону более или менее прямого *сотрудничества* между организациями капитала и органами власти. И, наконец, *в-третьих*, там, где организованность капитала еще не достигла относительно наивысших форм, задерживая этим экономическое развитие и затрудняя соперничество с другими странами, там *государство* не только не думает запружать развитие всякими формами контроля, но, наоборот, ведет *систематическую пропаганду за образование об'единений монополистического типа, государство само становится апостолом и, поелику возможно, проводником трестификации* (английский случай).

Достаточно бегло просмотреть соответствующий фактический материал[2]), чтобы убедиться в правильности этих формулировок.

В общем и целом можно сказать, что *мировая война нанесла последний смертельный* удар старому законодательству о трестах с его поползновениями на «борьбу» с частнохозяйственными монополиями, об'явленными еще накануне войны президентом Вильсоном «неоправдываемыми и невыносимыми». «Все значение, вся никчемность законодательства против трестов была обнаружена в период мировой войны»[3]). Ибо война,

---

[1]) «Berliner Tageblatt» от 7 июня 1927 г.

[2]) В последнее время подобранный в трудах Бальфуровского комитета, в материалах Междунар. Экономической Конференции и в таких отдельных исчерпывающих работах, как книга б. референта германского министерства хозяйства Левиха о «Картелях и государстве» (Берлин, 1928 г.)—не говоря об огромной литературе, касающейся отдельных стран.

[3]) M. L. Requa. «The relations of government to industry» N. Y. 1925, стр. 52.

как известно, явилась периодом высшего расцвета организованного, государственно-монополистического капитализма. В настоящий момент старые, антиквированные ограничения судебно-уголовного характера—впрочем остающиеся мертвой буквой—мы встречаем еще только в странах с относительно запоздалым развитием (как, напр., во Франции). В других странах мы наблюдаем все более переход к более современным и гибким методам административного «контроля», перерождающегося в весьма интимное сотрудничество. «Впряжение картелей в хозяйственную политику государства, — пишет немецкий автор новейшей книги о картелях и государстве, — предполагает постоянный тесный контакт и обмен мнений о формировании хозяйственных отношений» [1]. Немецкий автор формулирует здесь только то, что есть. И только с таким же основанием можно было бы говорить и о «впряжении» государства в хозяйственную политику картелей: формула верна в обоих направлениях.

В С. Штатах так называемым законом Клейтона о трестах (Clayton Act) было положено начало некоторым формам предварительного совещания всякого данного монополистического об'единения с государственными органами о тех конкретных формах, в которых данное об'единение могло бы беспрепятственно существовать и развиваться. Конгресс определенно высказался за расширение практики этих,—как их назвали в Америке,—«ванн, обеспечивающих иммунитет» [2]. В Англии, отстающей от других стран по части высших форм концентрации капитала, «в настоящий момент не имеется никаких полномочий общего характера, направленных к контролю (подразумевается—государства) над действиями трестов или подобных комбинаций»—резюмирует положение доклад Бальфуровского комитета [3]. Государство озабочено здесь в общем не «контролем», а недостатком (впрочем весьма относительным!) кандидатов в контролируемые! С самого момента мировой войны, столкнувшись как нельзя более вплотную с реальнейшей международной экономической действительностью и охваченное тревогой за будущее Англии в ее борьбе за мировой рынок, государство становится убежденнейшим поборником монополистических организаций. Назначенный правительством в 1918 г. «Комитет по трестам» в опубликованном в следующем году докладе эпически констатирует:

> «Мы можем считать установленным, что торговые [4]) ассоциации и комбинации быстро распространяются в этой стране и могут в недалеком будущем приобрести решающий контроль над всеми существенными отраслями британской торговли».

Исследователи развития капиталистических об'единений в Англии считают, что это «недалекое будущее» уже наступило [5]. Но британские правящие круги всех направлений справедливо полагают, что эти формы об'единения и контроля в Англии еще в общем (если не говорить об отдельных могущественнейших и современнейших трестах, как химический или мыло-жировой трест и т. п.) весьма отстают от выработанных практикой других стран высших форм монополистических об'единений (т.-е. прежде всего синдикатов и трестов). И поэтому именитейшие представители правительства и всех трех руководящих британских партий не пропускают буквально ни одного случая, чтобы самым энергичным образом не внушать промышленности идеи неотложности задачи переорганизации на началах современнейших, европейско-американских форм монополистических об'единений. Недостаток трестификации—основной и все громче раздающийся укор, какой приходится слышать британской промышленности из уст главарей всех претендующих на влвсть партий, со страниц докладов правительственных комиссий (например, комиссии Сэмуеля) и т. п. Государство, по крайней мере, пропагандистски стремится играть в этом деле ведущую роль, а либералы и лебористы не прочь при этом помечтать и об образовании настоящего планирующего и организующего «Экономического Генерального Штаба» (либеральный меморандум), который бы подтолкнул это развитие. Государство стремится в об'ятия трестов и там, где оно не находит их пред собою в достаточном количестве.

В высокой степени важно конкретно проследить, как развивались и развиваются отношения этого государства—государства эпохи наивысшего развития государственно-монополистического капитализма — к рабочему классу. Усиление государственной машины находит свое выражение и здесь не только в дальнейшем усилении чиновничье-бюрократического и военно-репрессивного аппарата, но и в менее механическом явлении роста регулирующих функций этого государства по отношению к условиям труда, к формированию дохода рабочего класса, ко всему комплексу отношений между трудом и капиталом. Вне этой связи трудно было бы понять, почему формирование отношений между этим государством и реформистской верхушкой—профессиональной и политической—пошло также по линии «сращения» при одновременном распаде традиционных элементов буржуазной демократии в лоне меняющего свои формы современного буржуазного государства.

---

[1]) Osw. Lehnich. «Kartelle und Staat». Стр. 240.
[2]) «Immunity baths». См. Jones. O. c. Стр. 347.
[3]) «Factors in industrial and commercial efficiency». Стр. 92.
[4]) В английском смысле этого слова. Вернее было бы сказать: «промышленные».
[5]) «По нашему мнению, этот период наступил, и британская торговля (читай: «промышленность». Прим автора) в настоящий момент находится под контролем крупных комбинатов, управляемых или направляемых крупными денежными и банковскими трестами». (J. Morgan Rees. «Trusts in british industry». 1922. Стр. 245).

В. Рябоконь.

Деревенский коммунист, как организатор коллективного хозяйства.

Решения XV с'езда партии о коллективизации крестьянского хозяйства встретили живейший отклик широких масс крестьянства и, прежде всего, его бедняцкой части.

Началось массовое стихийное движение за организацию колхозов. Отдельные факты показывают, какой огромный размах приобретает это движение. И уже сейчас, на данной полосе развития, колхозное движение со всей остротой ставит вопрос об о р г а н и з а т о р е. Нужен организатор стихийного стремления к коллективизации, могучий толчок к которому дало решение XV с'езда.

В ряде мест на происходящих конференциях представителей бедняцких групп с а м а беднота ставит вопрос об организаторе:

> «Для нас коллективное, артельное хозяйство—единственный выход из нищеты. Дайте нам только организатора».
>
> «Дайте нам специального «юридического» человека, который об'яснил бы нам, как повести коллективное хозяйство, как в коллективе должна распределяться работа, продукты и пр.».
>
> (Из выступлений на конференциях групп бедноты).

Эти выступления характерны в том отношении, что беднота ждет от партии людей, которые возглавят и организуют колхозное строительство. Это свидетельствует о степени доверия к партии, но это вместе с тем накладывает на партию обязательства. Партия должна дать организаторов колхозного движения. Эта задача партией поставлена. Тов. Молотов в своем докладе на XV с'езде указал на эту задачу, как на важнейшую:

> «Вставшие перед нами новые, подлинно-социалистические задачи в деревне требуют новых людей, нового понимания, новых ученых коммунистов и некоммунистов, нового отношения к опыту крупного земледелия за границей (в Америке и в Европе). Вот этого нам нехватает, вот на это мы должны обратить особое внимание».
>
> «Нужно взяться по-настоящему за подготовку новых кадров людей, которые помогут действительному быстрому продвижению тех элементов социалистического крупного хозяйства в деревне, которые есть, которые развиваются»...

Ясно, конечно, что для организации колхозного строительства нужны будут организаторы «различных родов оружия»; нужны будут и ученые коммунисты и некоммунисты, нужны будут и н и з о в ы е непосредственные работники по коллективизации в самой гуще крестьянских масс.

Откуда партия будет брать и выращивать эти кадры «низовиков»—организаторов колхозного движения? Очевидно, что, прежде всего, из со-

става деревенской части парторганизации. В этой связи необходимо присмотреться к тому, что представляют собой наши деревенские ячейки по своему составу.

* * *

К составу деревенских парторганизаций мы хотим подойти, прежде всего, под углом участия коммунистов в сельскохозяйственном производстве.

По данным партпереписи (начало 1927 г.) состав коммунистов по роду занятий таков:

Рабочих	23.964	9,1%
(в том числе с.-х. рабочих и батраков 13.226—5%)		
Крестьян	111.618	42,3%
Служащих	105.229	39,8%
Млад. обслуж. перс., куст. и ремесл., безраб. и пр.	23.244	8,8%

Если к крестьянам по роду занятий прибавить с.-х. рабочих, батраков, а также тех коммунистов из других групп, которые принимают участие в сельском хозяйстве личным трудом, то общее количество деревенских коммунистов, связанных непосредственно с с.-х. производством, будет равняться—146.609 чел. или 55,7%.

Что же касается вообще связи с сельским хозяйством (непосредственным участием, через семью, денежную помощь и пр.), то, по данным статотдела ЦК к моменту партпереписи, 67,2% деревенских коммунистов так или иначе с сельским хозяйством были связаны; 32,8% н и к а к о й с в я з и с с е л ь с к и м х о з я й с т в о м н е и м е ю т.

Что показывают эти цифры? Они показывают, что по настоящему с с.-х. производством связано только немногим больше половины (55,7%) деревенских коммунистов. Отсюда ясно, что роль непосредственных низовых организаторов колхозов могут выполнять далеко не все деревенские коммунисты.

Однако, приведенные нами данные о составе деревенской организации еще не дают достаточно полной картины для суждения о том, в какой мере партия будет черпать организаторов колхозного движения из среды деревенских коммунистов. Нужно еще присмотреться к тем изменениям, которые происходят в составе деревенской части партии, к причинам, их вызывающим.

Тут, прежде всего, бросается в глаза факт систематического отрыва коммунистов-крестьян от сельскохозяйственного производства. К сожалению, нет данных, чтобы проследить динамику этого процесса во всей полноте за более или менее значительный промежуток времени. Но некоторые данные все же можно привести.

По данным партпереписи—из 149.794 крестьян по социальному положению, состоящих в деревенских ячейках, оторвавшихся от хозяйства оказалось 50.149 чел., из них подавляющее большинство (73,7%) в момент переписи были заняты в качестве служащих и общественных работников.

О том, как идет эта «передвижка» в составе деревенских ячеек, можно судить по сопоставлению данных партийной статистики о крестьянах-коммунистах, совмещающих ведение сельского хозяйства с платной выборной и невыборной работой. В этом отношении за 1927 г. произошли следующие изменения:

	Крестьян коммунистов исключительно занятых в с. х.	Совмещающих ведение с. х. с платной работой: выборной	не выборной.
По данным партпереписи	95624—100,0%	20555—100,0%	свед. нет.
„ на 1/X—27 г.	114128—119,3 „	27553—134,0 „	17479—100,0%
„ на 1/I—28 г. (свед. предв.).	117467—124,3 „	30022—146,0 „	19708—113,3 „

Таким образом, количество крестьян-коммунистов, занятых исключительно сельским хозяйством, выросло на 24,3%, в то же время количество крестьян-коммунистов, совмещающих ведение сельского хозяйства с платной выборной работой, увеличилось на 46,1%, а с невыборной (только за 3 месяца) на 13,3%. Если принять во внимание, что за 1927 г. принято в число кандидатов крестьян, совмещающих ведение хозяйства с платной выборной и перевыборной работой, лишь 2.901 чел., то станет очевидным. что в основном увеличение количества крестьян «совмещающих» получилось за счет тех коммунистов, которые вступили в партию, как крестьяне, занятые исключительно в сельском хозяйстве. Это не значит, конечно, что все «совмещающие» уже оторвались от сельского хозяйства, но известная часть из них через некоторый промежуток времени, несомненно, от хозяйства будет оторвана.

Мы указали, таким образом, на наличие процесса отрыва крестьян-коммунистов от с.-х. производства на основе перехода на выборную и невыборную службу в самой деревне. Но этот процесс идет и по линии ухода из деревни вообще, ухода в город (на фабрику, на учебу, на службу и пр.).

С чем связан отрыв крестьян-коммунистов от сельского хозяйства? Он связан, прежде всего, с необходимостью выдвижения коммунистов на руководящую государственную и общественную работу в деревне. Но это не единственная причина. Важно отметить и другое, а именно—наличие у известной части крестьян-коммунистов взгляда на сельское хозяйство, как на «временное» занятие, стремление «оторваться» от сельского хозяйства. Вот два наиболее ярких примера:

> Витебский окружком провел анкету среди крестьян-коммунистов, занятых исключительно в сельском хозяйстве. Анкетой было охвачено около 200 чел., и на вопрос—удовлетворяет ли работа в сельском хозяйстве—60% ответили отрицательно, выразив при этом желание получить платную должность или уйти в город, на фабрику и т. д.
>
> Один деревенский коммунист в своем письме в ЦК пишет: «Нужно сказать правду: все члены партии деревенские покидают деревню и бегом бегут из нее и уходят работать в город и там преспокойно живут и, конечно, учатся. Там времени, конечно, для самообразования больше, и в результате материально устраиваются лучше»... «Я беру пример со своей деревни: у нас в деревне было 15 членов партии, а в настоящее время я остался один»... «Если не будет сделано прекращения самотека, то и остальные разбегутся из деревни».

Итак, факт с и с т е м а т и ч е с к о г о о т р ы в а значительного количества деревенских коммунистов от сел.-хоз. производства несомненен.

Попытаемся теперь подойти к составу деревенских коммунистов еще с одного конца. Деревенская часть партии по социальному положению распадается на следующие группы:

Рабочих	65.691—24 9%
Крестьян.	149.734—56,7 „
Служащих	41.346—15,6 „
Прочих	7.284— 2,8 „

В связи с интересующим нас вопросом важно было бы установить, что представляет по социально-имущественному положению группа коммунистов-крестьян, не порвавших с сельским хозяйством. К сожалению, статистика не дает ответа на этот вопрос. А-приори можно утверждать, что эта группа в основном—бедняцкая, и это утверждение будет, несомненно, правильным. Об этом говорят данные отдельных районов, в которых занимались выяснением социально-имущественного положения деревенских коммунистов. Но вместе с тем эти же данные свидетельствуют о наличии в составе деревенских парторганизаций х о з я й с т в е н н о - о к р е п ш и х к о м м у н и с т о в, из которых часть перерастает, а некоторые уже переросли в з а ж и т о ч н ы х.

Для выяснения удельного веса хозяйственно-окрепших коммунистов в составе деревенских парторганизаций ряд губ. КК по заданиям ЦКК производили в 1926 г. специальное обследование. Обследованием было охвачено 87 ячеек с 1.352 коммунистами. Из числа охваченных обследованием коммунистов хозяйственно-окрепших оказалось 241 чел.—17%. Для некоторых районов этот процент значительно выше. Так, обследование Сиб. КК, проведенное в 1927 г., охватившее 15 ячеек с 128 коммунистами, установило, что процент хоз.-окрепших коммунистов доходит до 49 (63 чел.). Интересно отметить, что эти 63 чел. хоз.-окрепших коммунистов среди всех коммунистов, занимающихся сельским хозяйством, располагают: сложными машинами в 95%, посевом в 77,8%, рогатым скотом в 72% и лошадьми в 70%.

О наличии хозяйственно-окрепших (и не только хозяйственно-окрепших, но и зажиточных) в составе деревенских ячеек говорят и материалы Вологодского губкома и Витебского окружкома.

По данным обследования Волог. ГК, охватившего 986 хозяйств коммунистов-крестьян, оказалось, что 226 хозяйств (22,9%) применяют наемный труд (в основном сезонный, только 4 хозяйства—постоянный). В среде этих 986 коммунистов процент 2-х и 5-ти коровников доходит до 14,5 (среди населения 4-х и 5-коровники составляют лишь 7,3%). Выборочное обследование Витебского окружкома, охватившее 182 хозяйства крестьян-коммунистов, показывает, что временный наемный труд применяется 40 хозяйствами (22%), постоянный — 4 хозяйствами; 4-х и более коровных среди коммунистов 5% (среди населения 2,5%); 3-х и более лошадных—1,1% (среди населения 0,3%). На основании этих данных Витебский ОК считает, что среди обследованных 182 хозяйств коммунистов 4,9% нужно отнести к зажиточным.

Наличие хозяйственно-окрепших (и зажиточных) среди деревенских коммунистов вплотную подводит нас к вопросу о том, как крестьянин-коммунист ведет и развивает свое хозяйство, в какой мере он является инициатором передового земледелия. И тут, прежде всего, необходимо отметить, что о с н о в н а я м а с с а к р е с т ь я н - к о м м у н и с т о в п о д ы м а е т с в о е х о з я й с т в о н а и н д и в и д у а л ь н о й о с н о в е. По данным партпереписи в к о л х о з а х с о с т о и т 7.018 к о м м у н и с т о в, или 2,6% по отношению ко всем деревенским коммунистам и 6,2%—к занятым в сельском хозяйстве.

Таким образом, на путь коллективизации вступила незначительная часть деревенских коммунистов. Подавляющая масса шла по пути поднятия единоличного хозяйства. При чем в деле поднятия индивидуального хозяйства коммунисты, в смысле ведения этого хозяйства, очевидно, не выделяются из общей массы крестьянства.

Витебский окружком считает, что среди деревенских коммунистов-крестьян группа более или менее передовых равна примерно 25%; в Клинском уезде Моск. губ.—«не больше 20%»; в Шенкурском уезде, Арханг. губ.—15—17% и т. п. В этой связи интересны итоги конкурса на передовую деревню, проведенного пензенской газетой. В докладе об итогах этого конкурса отмечается: «ни в одной из 10 премированных по конкурсу деревень нет парт'ячейки»; «из 40 передовых деревень только в 2-3 коммунисты содействовали под'ему деревни».

Если для многих деревенских коммунистов-бедняков быть передовым хозяином весьма трудно из-за хозяйственной слабости, то казалось бы, что хоз.-окрепшие коммунисты могли бы играть роль передовиков в смысле всяких улучшений в деле ведения хозяйства. Но оказывается, что даже хозяйственно-окрепшие далеко не все становятся на этот путь.

Так, Сиб. Краев. КК констатировала: «В своей массе хозяйственно-окрепшие коммунисты культурными хозяевами не являются: только 16% перешло на улучшенную обработку земли, улучшенный скот—только у единичных хозяев».

Итак, приведенные нами факты показывают, что основная масса деревенских коммунистов подымала свое хозяйство на индивидуальной основе и шла в этом деле «по старинке».

Но наш анализ был бы не полным, если бы мы не указали на то, какое значение в деле поднятия индивидуального хозяйства коммунистов играет служебный заработок. Что известная часть деревенских коммунистов пытается подвести под свое хозяйство «базу» служебного заработка и на этой основе его развивать и расширять—это бросается в глаза весьма отчетливо. Вот любопытный факт. В одну из ячеек Сычевского уезда Смоленск. губ. поступило заявление от деревенского коммуниста, в котором он просит дать ему платную работу, так как он хочет «сопутствовать» своему хозяйству. Это стремление «сопутствовать», т.-е. поправлять дела в своем хозяйстве за счет служебного заработка, отнюдь не единичное явление. Например, Сиб. КК отмечает: «сейчас в некоторых ячейках идет своего рода спор из-за того, кто будет служить». Витебский ОК установил, что из 182 охваченных обследованием крестьян-коммунистов 134 (73,6%) имеют неземледельческий заработок, при чем основной заработок дает служба.

На почве «сопутствования» хозяйству через служебный заработок в значительной мере «растут» среди деревенских коммунистов хозяйственно-окрепшие. По материалам ЦКК, на которые мы уже ссылались, устанавливается, что служебный заработок является второй по важности причиной роста хозяйств крестьян-коммунистов хозяйственно-окрепших. Пензенская губ. КК констатирует: «Почти все хозяйственно-окрепшие—«служащие». Сиб. КК проанализировала факторы, способствующие под'ему хозяйств 36 хозяйственно-окрепших коммунистов, и установила, что на первом месте в ряду этих факторов был служебный заработок (из 36 хоз.-окрепщих коммунистов 26 или были на службе или и сейчас служат). По материалам обследования Курской губ. отмечаются «случаи обрастания и применения наемного труда у коммунистов, находящихся на платной работе и имеющих свое хозяйство».

Все эти факты показывают, какую роль играет служебный заработок в деле поднятия хозяйства крестьян-коммунистов, и об'ясняют, откуда растут стремления к «сопутствованию».

Нам остается подойти к составу деревенских ячеек еще с одной стороны: посмотреть, каков культурный уровень деревенских коммунистов.

В этом отношении прежде всего нужно отметить, что партия добилась значительных успехов в деле поднятия политического уровня деревенских коммунистов. По материалам партпереписи, охватывающим 32 губернии европейской части РСФСР, из 28.975 коммунистов, крестьян по роду занятий, окончили различные типы политшкол (главным образом, деревенские передвижки) 11.774 чел.—40,6%. Если прибавить сюда охваченных сетью политшкол в 1927/28 г., то окажется, что не менее половины (а возможно и больше) крестьян коммунистов получили начальную политическую подготовку. Значительным успехом нужно считать и тот факт, что деревенские коммунисты, судя по отдельным данным, очевидно, в подавляющем большинстве выписывают газеты. Так, процент деревенских

коммунистов, выписывающих газеты, по Владимирской губ. равняется—86, по Новгородскому округу—30, Витебскому окр.—78, по 7 обследованным ячейкам Тамбовской губ.—60, в Россашанском уезде Воронежской губ. из 62 коммунистов - «сохачей» только 6 чел. не выписывают газеты и т. д. Таким образом, газета уже прочно «вошла в быт» деревенского коммуниста, и роль ее, как орудия политического воспитания, ни в какой мере не может быть преуменьшена.

Нет достаточно полных данных, чтобы судить о технической грамотности деревенских коммунистов. По 6 земледельческим губерниям (Вологодская, Воронежская, Самарская, Саратовская, Смоленская и Тамбовская процент азбучно-неграмотных среди деревенских коммунистов колеблется от 0,5 до 1,5; с низшим образованием—от 7,1 до 7,6; с домашним—от 16 до 23. Эти данные показывают, что если процент неграмотных мал, то процент малограмотных (к которым, очевидно, нужно отнести основную массу из группы коммунистов, получивших домашнее образование), несомненно, велик.

Так обстоит дело с технической грамотностью. Значительно хуже — с сельскохозяйственным образованием деревенских коммунистов. Система партпросвещения не обслуживает этой задачи. Сельскохозяйственную литературу деревенские коммунисты, видимо, читают очень мало. Витебский окружком, по данным 17 ячеек, установил, что «коммунисты почти исключительно читают политическую литературу». Тамбовский губком, обследовавший 7 ячеек, констатирует: «литературу коммунисты читают мало, и преимущественно—беллетристику». Также, видимо, слабо участвуют коммунисты во всякого рода с.-х. кружках. Курский губком отмечает, что в кружках и курсах по агрономии партийцы составляют лишь 1,6%. Следовательно, в области с.-х. знаний у деревенских коммунистов наибольший «провал», и тут они, несомненно, отстают от передовиков крестьян беспартийных.

Таким образом, несмотря на достигнутые партией некоторые успехи в деле поднятия политического и культурного уровня деревенских коммунистов, все же нужно признать, что культурный уровень наших деревенских коммунистов все еще низок, в особенности в области агрикультурных знаний.

* * *

Приведенный нами анализ состава деревенских коммунистов устанавливает ряд моментов, которые в той или иной мере могут служить известным препятствием или создают затруднения в деле использования деревенских коммунистов, как организаторов колхозного строительства. Основные из этих моментов суть следующие: 1) наличие в составе деревенских ячеек значительного количества коммунистов, совершенно не связанных с с.-х. производством, и продолжающийся отрыв деревенских коммунистов от сельского хозяйства; 2) слабое участие коммунистов-крестьян в колхозном строительстве, стремление поднимать хозяйство на индивидуальной основе (роль служебного заработка в связи с этим) и наличие в составе деревенских организаций коммунистов, хозяйство которых перерастает или переросло грань трудового; 3) недостаточность знаний деревенских коммунистов, в частности и в особенности знаний агрикультурных.

Попытаемся остановиться на каждом из этих моментов.

Начнем с первого. Тот факт, что в составе деревенских ячеек, имеется значительное количество коммунистов, оторванных от с.-х. производства, показывает, что далеко не все деревенские коммунисты могут быть использованы в роли непосредственных низовых организаторов колхозов. Крестьянин—практик, и от коммуниста, который берется организовать колхоз, он будет требовать прежде всего знания сельского хозяйства.

Конечно, все деревенские коммунисты должны быть использованы в деле развертывания коллективного строительства в деревне, но роль, которую смогут выполнять отдельные коммунисты, будет различна. Если коммунист, не связанный с с.-х. производством (учитель, избач, секретарь сельсовета), будет помогать делу коллективизации советом, указанием, как приступить к организации колхоза, откуда достать кредит и т. д., то коммунист-крестьянин или батрак, участник с.-х. производства, будет выступать в роли непосредственного организатора колхозного строительства, т.-е. такого организатора, который не только помогает, содействует созданию колхоза, но и сам в нем участвует, им руководит. Именно такой организатор колхозного строительства особенно важен: он будет на опыте доказывать и показывать преимущества коллективного хозяйства перед единоличным, он сможет, исходя из практического опыта, дать совет, как налаживать работу колхоза, он будет агитатором коллективного земледелия. По сути дела роль коммуниста, как организатора коллективизации, не кончается моментом создания им того или другого колхоза, а лишь с этого момента по-настоящему начинается.

Все это заставляет нас присмотреться к тому, что толкает крестьянина-коммуниста к отрыву от с.-х. производства. Оставляя в стороне такой момент, как выдвижение по воле партии деревенских коммунистов на государственную и общественную работу (что в той или иной мере связано с отрывом от сельского хозяйства), мы хотим остановиться на тех причинах, которые порождают стремления «бегом бежать» из деревни, которые плодят настроения, что сельское хозяйство — это «временное» занятие для деревенского коммуниста и т. д., и т. п.

В ряду этих причин немаловажное место занимает противоречие между растущими политическими, культурными и бытовыми запросами деревенского коммуниста-крестьянина и теми возможностями, которые дает деревня вообще, и индивидуальное карликовое, нищенское хозяйство коммуниста в частности. Это противоречие создает тягу в город: «Там времени, конечно, для самообразования больше, и в результате материально устраиваются лучше» (см. уже цитированное нами письмо деревенского коммуниста).

Вторая причина лежит в том противоречии, которое создается из-за невозможности или неуменья (сплошь и рядом по вине ячеек) увязать постоянную работу в своем хозяйстве, с выполнением партийных обязанностей.

Отсюда дилемма: либо заниматься хозяйством, либо вести общественно-партийную работу. На это обстоятельство указывает ряд коммунистов-крестьян в своих письмах:

> «Имею 15 партобязанностей (перечисляются)... Если всю работу выполнять, придется ходить босым и полуголым».
>
> «Порученную мне работу выполнять в точности на 100%, занимаясь сельским хозяйством и имея на иждивении 6 членов семьи, является невозможным».
>
> «Здесь, в волкоме, живу с лошадью два дня. По перевыборам выезжал на 8 суток... Главное—упущение в хозяйстве, бывают прения в семье; тяжесть по хозяйству ложится на жену, и тут не я хозяин, а она..., а между тем указывают, что надо поставить показательное хозяйство».

Эти противоречия толкают или к отрыву от партийной работы или к стремлению оторваться от сельского хозяйства.

Третья причина вытекает из того противоречия, которое создается для деревенского коммуниста самим характером его индивидуального крестьянского хозяйства.

Коммунист-крестьянин подымает свое индивидуальное хозяйство; но есть грань, за которой это хозяйство начинает превращаться из трудового в нетрудовое. Многие деревенские коммунисты сознают скрывающуюся за этим опасность очень отчетливо. В «Правде» приводилось в свое время очень характерное письмо быв. красноармейца:

> «Хотя я числюсь бедняком, но чувствую, что с каждым днем ухожу от бедноты, потому что хозяйство мое растет. У меня нет страсти к наживе. Мне стыдно, что скоро меня будут причислять к зажиточным... Мой путь, стало быть, неверен».

В «Правде» не указано—написано ли это письмо партийцем или беспартийным. Но если это письмо даже написано беспартийным, то несомненно, что такого рода настроения не случайны и не единичны. Вот еще пример:

> «В Сусловской ячейке (Курган. окр.) быв. секретарь ячейки т. Тишков, хозяйственно-крепкий коммунист, высказал такого рода соображения при выяснении вопроса о хоз.-окрепших коммунистах: «Ведение собственного хозяйства разлагает коммунистов. Лучший выход—переход к коллективному хозяйству, иначе придется нанимать батраков и выходить из партии. Экономическое неравенство среди членов ячеек вызывает трения среди них».

Несомненно, что и это противоречие толкало многих крестьян-коммунистов на путь отрыва от сельского хозяйства.

Факт отрыва деревенских коммунистов от сел.-хоз. производства (их уход в город и пр.) показывает, что часть деревенских коммунистов стремится найти наиболее «легкий» выход из отмеченных нами противоречий. Но этот «выход» не может явиться действительным выходом для всех деревенских крестьян-коммунистов. Выход—в коллективизации. Сознается ли это деревенскими коммунистами? Ответить на этот вопрос с достаточной твердостью затруднительно. Есть факты, показывающие, что необходимость коллективизации сознается большинством деревенских коммунистов. Так, Вятский губком, обследовавший в 1926 г. 151 хозяйство крестьян-коммунистов, установил, что 64,6%, из числа обследованных, считают коллективную форму землепользования наиболее приемлемой. Из писем крестьян-коммунистов, присланных в ЦК, 62% говорят о необходимости коллективизации своего хозяйства. Но есть факты и противоположного порядка. Так, Витебский окружком через анкету, проведенную им среди деревенских коммунистов (анкета была проведена после XV с'езда), установил, что из 182, охваченных анкетой деревенских коммунистов, только 30 выразили желание перейти на коллективную обработку земли.

Но если даже предположить, что большинство деревенских коммунистов-крестьян сознают преимущества коллективного земледелия, то все же тот факт, что к началу 1927 г. в колхозах было только 7.018 коммунистов, этот факт показывает, как мало еще практически сделано для вовлечения деревенских коммунистов в колхозы, для выполнения коммунистами их роли организаторов колхозного хозяйства.

В чем об'яснение этого факта?

В известной, значительной мере он об'ясняется тем, что партия не заостряла в достаточной мере вопрос о коллективизации вообще, коллективизации хозяйства коммунистов в частности.

Но это об'яснение недостаточно. Есть ряд других дополнительных причин.

Мы уже указали на одну из таких причин—стремление «оторваться» от сельского хозяйства. Ясно, что те коммунисты, которые хотят порвать с сельским хозяйством, не шли в колхоз.

Не шла в значительной мере в колхоз и та часть коммунистов, которая, имея служебный заработок, получала возможность подымать свое хо-

зяйство на индивидуальной основе. Этот момент отмечается в ряде материалов с мест:

Так, обследование нескольких ячеек на Кубани устанавливает «три препятствия на пути коллективизации: платная работа или возможность получения ее, трудность организовать колхоз, отсутствие общественного мнения за вступление в колхоз».

В материалах обследования нескольких ячеек Курской губернии имеется такой вывод: «коммунисты-служащие, а их большинство, явно не заинтересованы в передаче своего служебного заработка в коллективный котел, тем более в коллектив бедняцкий».

«Коммунист Чебарев вышел из артели потому, что не хотел разделять тяжелую работу членов артели и сдавать в общий артельный котел полученное им жалованье». (Из материалов обследования ЦКК).

Стремление «сопутствовать» своему индивидуальному хозяйству через служебный заработок становится, таким образом, одним из препятствий на пути коллективизации.

Выше мы отметили наличие в деревенских ячейках хозяйственно-окрепших и даже зажиточных коммунистов. Что этот слой деревенских коммунистов (хотя он и не велик) не является активным проводником коллективизации в деревне—это совершенно очевидно. Больше того, есть факты прямого противодействия некоторых такого рода весьма сомнительных «коммунистов» делу коллективизации.

«В селе Вылазовском, Барнаул. окр., беднота организовалась для машинного т-ва; партийцы во главе с секретарем ячейки, боясь потерять заработок от эксплоатации сельхозмашин, это дело провалили».

«Член Поповической ячейки, Бийского округа, хозяйственно-крепкий крестьянин, на собрании ячейки заявил: «В прошлые годы попытки коллективной работы коммунистов не имели положительных результатов и теперь такие попытки безуспешны».

«Член партии Ноздрин (имеет середняцкое хоз-во) на собрании по перевыборам правления с.-хоз. артели (сам Ноздрин в артели не состоит) выступил с заявлением, что в этой артели все голодранцы и лентяи, что напрасно им помогает советская власть». (Красноярский округ).

Все эти факты показывают, что в составе наших деревенских ячеек есть элементы прямо антипартийные, классово чуждые партии, которые срывают линию партии на коллективизацию.

Таков ряд причин, которые являются препятствием на пути коллективизации хозяйства крестьян-коммунистов. Но для большинства деревенских коммунистов все же не эти причины являются главными. Есть ряд других причин, на которых мы бегло остановимся.

Одна из таких причин лежит в том, что коммунист-крестьянин еще весьма плохо подготовлен к своей роли организатора колхозного строительства. Отсутствие необходимых знаний и опыта, инерция прошлого порождают неуверенность в успехе дела, боязнь «пуститься в неизвестность». Между тем роль организатора—трудная роль и требует большой активности: чтобы организовать колхоз нужно об'единить вокруг себя известное количество хозяйств, добиться выделения земучастка, оформления, получения кредита и пр. Ясно, что одному коммунисту не всегда под силу справиться с таким делом, ему нужна помощь. Этой же помощи сплошь и рядом не оказывают. Вот некоторые факты:

«В деревне Подозовке по инициативе коммуниста организовался из 22 домохозяев коллектив. Это первый коллектив в волости, но имеется ряд препятствий (общество противодействует выделению земли), а надлежащего содействия ячейки и В-ма незаметно. С этим делом трудится один коммунист». (Из материалов Курского ГК).

«Договорились мы с товарищами организовать артельно коллективную обработку земли. Везде обещали вначале поддержку. Но как только артель организовалась—столкнулись с вопросом о земле. Землеуправление нам в этом отказало. Мои партийцы пали духом, и артель распалась, осталось нас только два хозяйства, вновь начинаем организацию». (Из письма крестьянина-коммуниста Тамбовской губ.).

Но если организовать новый колхоз дело трудное, то почему коммунисты сплошь и рядом не вступают в уже существующие колхозы? Тут тоже есть ряд причин. Вхождение в колхоз в ряде случаев затрудняется вопросами землеустройства, несогласием наличных колхозников увеличивать свой состав и т. п. На ряду с этим, слабость многих колхозов, случаи их распада порождают у некоторых коммунистов боязнь потерять свое индивидуальное хозяйство, боязнь итти в колхоз.

Важнейшим препятствием на пути коллективизации хозяйств коммунистов являются также «семейные» причины. «Отсталость семьи—вот важная причина, мешающая вступлению коммунистов в колхоз», пишет в одном из писем крестьянин-коммунист. Этот момент особенно важен в тех случаях, когда коммунист не является единственным и самостоятельным хозяином.

«Живу с братом и отцом, которые не соглашаются с переходом в коллектив».

«Не состою в колхозе из-за стариков, отца и матери, которые противятся этому».

(Из писем деревенских коммунистов).

Мы, конечно, не исчерпали всех причин, в той или иной мере и степени препятствующих выполнению коммунистами их роли организаторов передового коллективного земледелия. Но если попытаться «прощупать» в ряде этих причин основную, то совершенно очевидным становится, что основной причиной является недостаток культурности, знаний у деревенских коммунистов.

Тов. Молотов на XV с'езде говорил:

«Буквально все в настоящее время упирается в недостаток культуры. К любой отрасли подойдите: наша некультурность, отсталость, а порой прямо дикость, не дают нам развернуть то новое, что имеется в деревне».

Это верно для всей деревни вообще; это верно и для деревенских коммунистов в частности. «Трудно быть вожаком беспартийных масс при отсутствии знаний», пишет один из деревенских коммунистов. И этот мотив повторяется в ряде писем.

Ясно, что недостаток культуры является тем моментом, который служит основным препятствием на пути выполнения коммунистом его роли активного организатора социалистического переустройства деревни.

* * *

Нам остается сделать некоторые выводы из всего вышесказанного.

Первый момент, который мы хотим выдвинуть, сводится к тому, чтобы создать в составе деревенских парторганизаций четкий и ясно выраженный перелом в сторону понимания задач коллективизации и осознания коммунистом его роли организатора колхозного строительства.

Решение XV с'езда партии, указавшего, что «задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные

коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне», уже создало и создает этот перелом. Но его необходимо закрепить в двух направлениях.

Тенденциям отрыва от сельского хозяйства (уход в город, поиски службы и пр.), которые являются серьезным препятствием на пути превращения деревенских коммунистов в организаторов колхозного строительства, должна быть противопоставлена линия на коллективизацию. Нужно добиться понимания крестьянами-коммунистами той истины, что для них не может быть иного выхода из тех противоречий, которые толкают их к отрыву от с.-х. производства, кроме того, который указан партией для всей бедняцко-середняцкой массы крестьянства, т.-е. вступления на путь коллективизации. Не бегство из деревни, не уход на платную работу ради служебного заработка, а упорная работа по коллективизации, в которой деревенский коммунист должен выступать вожаком деревни,—вот задача, которая поставлена партией перед коммунистом в деревне.

На ряду с этим перед крестьянином-коммунистом должен быть четко поставлен и другой вопрос: как он дальше будет развивать и двигать свое хозяйство; становится ли он на путь превращения своего индивидуального хозяйства в хозяйство коллективное? В этой связи нужно будет напомнить решение еще XI с'езда партии:

«Участие коммунистов в с.-х. кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется».

Конечно, было бы неправильно механически толковать эту директиву. Нужно добиться п о н и м а н и я деревенским-коммунистом этой директивы с тем, чтобы он стал ее активным и сознательным проводником. Но это не значит, что в отдельных случаях не может быть поставлен вопрос о дисциплинарном давлении на члена партии, крестьянина, особенно того, индивидуальное хозяйство которого стоит на грани перехода за рамки трудового. Факты показывают, что некоторые из такого рода коммунистов на предложение организации—или вступить в колхоз, или сдать партбилет—иногда выбирают последнее. Таким образом, обязательность вступления в колхоз в известных случаях может явиться проверкой партийности деревенских коммунистов.

Ставя вопрос подобным образом, мы еще раз подчеркиваем, что не этим, конечно, решается дело. Основное в том, чтобы создать в деревенских парторганизациях а к т и в н о е о б щ е с т в е н н о-п а р т и й н о е м н е н и е, которое толкало бы деревенского коммуниста на путь коллективизации, побуждало бы к тому, чтобы деревенский коммунист был проводником линии партии на коллективизацию деревни. Такое общественно-партийное мнение будет способствовать осознанию деревенским коммунистом его роли, как организатора колхозного строительства.

Конечно, одним «осознанием» вопрос не решается. И тут мы подходим к в т о р о м у основному моменту—к п о д г о т о в к е деревенского коммуниста, как организатора колхозов.

Наличные кадры деревенских парторганизаций и прежде всего кадры коммунистов-крестьян и батраков, занятых в хозяйстве (которые в наибольшей мере могут стать непосредственными организаторами и работниками колхозов) нуждаются в соответствующей подготовке. Деревенские коммунисты должны приобрести хотя бы минимальную сумму знаний, помогающих им выполнять свою роль инициаторов и руководителей колхозно-кооперативного движения с меньшим количеством ошибок и затруднений.

В этой связи необходимо практически разрешить задачу, поставленную еще XI с'ездом партии, о ликвидации деревенскими коммунистами своей а г р и к у л ь т у р н о й и к о о п е р а т и в н о й неграмотности. Необходимо, чтобы партия этому делу уделяла такое же внимание, какое она уделяет работе по ликвидации политнеграмотности деревенских коммунистов. Практически нужно будет пересмотреть программы школ-стационарок и передвижек в деревне, всякого рода курсов переподготовки и подготовки деревенских работников; поставить вопрос об участии коммунистов в с.-х. кружках и агрокурсах; помочь деревенскому коммунисту в деле приобретения агрикультурных и кооперативных знаний путем самообразования и т. п.

Но, конечно, задача подготовки деревенского коммуниста к роли организатора колхозного строительства не исчерпывается этим. Коммунист должен готовиться к этой роли в значительной мере н а п р а к т и к е. Вот почему важно поставить вопрос о том, чтобы работа деревенских ячеек была так поставлена, чтобы она помогла выработке из деревенского коммуниста организатора колхозов. В этой связи встает ряд вопросов; мы остановимся на некоторых из них.

Прежде всего важно, чтобы ячейки поставили как следует передачу о п ы т а отдельных коммунистов в деле организации и руководства колхозами всему партийному коллективу. На местах уже сейчас наметилась определенная организационная форма для выполнения этой задачи—созыв специальных совещаний коммунистов-крестьян. На этих совещаниях, которые должны охватить коммунистов-крестьян, как единоличников, так и коллективников, должны ставиться вопросы практики колхозного строительства применительно к данному району, селу и пр.

Задача создания кадра организаторов коллективизации требует также пересмотра в распределении п а р т о б я з а н н о с т е й в деревенских ячейках. Партнагрузкой для большинства коммунистов-крестьян, занятых в сельском хозяйстве, должны стать задания по организации населения вокруг мероприятий по созданию колхозов, артелей, с.-х. предприятий и т. п. Таким образом, сама система партзаданий будет способствовать подготовке из коммунистов организаторов колхозного строительства.

Наконец, важнейшее значение приобретает вопрос об оказании помощи со стороны деревенских парторганизаций отдельным коммунистам, которые берутся за организацию колхозов. Факты, когда ячейка, как коллектив, стоит в стороне и над делом создания колхоза «трудится один коммунист»,—такого рода факты совершенно недопустимы. Инициатива отдельных коммунистов должна получать всемерную поддержку деревенских парторганизаций. Без этой поддержки коммунист в одиночку иногда просто не может одолеть ряд препятствий. Взять хотя бы выделение зем. участка из земельного общества. Тут приходится иногда преодолевать сопротивление земельного общества, и без того, чтобы за это дело не взялась вся ячейка или волком, такого препятствия сплошь и рядом не преодолеешь. Вот почему дело организации колхоза должно быть не индивидуальным делом того коммуниста, который берется за эту организацию, а делом в с е г о партийного коллектива.

Нам остается еще остановиться на третьем, и последнем, моменте—задаче у л у ч ш е н и я с о с т а в а д е р е в е н с к и х я ч е е к. Эта задача ставится в двух направлениях.

Во-первых, необходимо у в е л и ч и т ь в составе деревенских ячеек число коммунистов, которые, обеспечивая укрепление связи с с.-х. производством, вместе с тем были бы активными проводниками линии партии на коллективизацию. Эта задача получает свое разрешение при осуществлении следующей директивы XV с'езда партии: «Сосредоточить внимание на подготовке и вовлечении в партию главным образом того батрацкого и бедняцкого актива, который вырастает в союзе сельхозрабочих, группах бедноты,

на практической работе в советах, кооперации, делегатских собраниях и т. д.». Таким образом, изменение состава деревенских ячеек должно итти не столько за счет количественного расширения, сколько по линии качественного улучшения.

Во-вторых, необходимо систематически очищать состав деревенских парторганизаций от элементов, явно переродившихся, т.-е. таких, которые выступают против коллективизации (см. факты, приведенные нами выше), таких, хозяйство которых явно переросло за рамки трудового и т. п. Мы не предлагаем провести какую-либо единовременную чистку или проверку состава деревенских ячеек; задачу очищения деревенских парторганизаций от элементов, срывающих линию партии, стоящих на пути проведения директив партии, мы ставим как задачу систематической работы парторганов.

Три основных момента, которые выдвинуты нами, в связи с постановкой вопроса о создании кадров низовых организаторов колхозного строительства, о выращивании этих кадров из состава деревенских ячеек, показывают, как велика эта задача. Эта задача может быть разрешена только усилиями всей партии, и разрешение этой задачи должно быть поставлено в порядок дня.

П. Шубин.

Развитие с.-американо-европейской борьбы.

(Окончание. Начало см. в № 7).

(Начало см. в № 7)

Борьба за источники сырья.

Обстановка обостряющихся и уже открыто прорывающихся конфликтов между Соединенными Штатами,—стремящимися, опираясь на свое финансовое и экономическое превосходство, выйти из кризиса за счет конкурентов,—и трестифицированной Европой, стремящейся нагнать Северную Америку, придает особую напряженность борьбе за источники сырья, за их монополистический захват. Выше было отмечено усиление в течение первых месяцев 1928 года процесса образования и слияния трестов и в Америке, и в Европе с целью завоевания мировых рынков сбыта за счет конкурентов. Тот же процесс нарастания темпа происходит и в области борьбы за источники сырья, борьбы, которая тем более пронизывается элементами военного столкновения, что, во-первых, в этой области государственный аппарат со всеми атрибутами международного грабежа выступает уже совершенно открыто и, во-вторых, что линия боя здесь проходит еще отчетливее между двумя основными противниками—между Соединенными Штатами и Англией.

Насколько велика та категория сырья, которая находится в полной или частичной монополии одного из конкурентов? Член американского конгресса Ньютон, именем которого называется проект о борьбе с иностранными монополиями сырья, заявил недавно, что 16 сырьевых продуктов уже монополизированы капиталистическими странами, европейскими и южно-американскими, что 55 других находятся на пути к монополистическому захвату. Эта «статистика», однако, лишь в весьма слабой степени отражает действительные размеры и остроту борьбы за и на почве монопольных захватов, во-первых, потому, что наиболее жестокие формы принимает борьба по отношению к тому сырью, в обладании которого силы конкурирующих групп еще равны или почти равны (нефть!), во-вторых, потому, что американский депутат, призывая все громы небесные и кары земные на головы захватчиков сырья, слона, т.-е. чудовищные сырьевые монополии Соединенных Штатов, разумеется, не заметил или делает вид, что не заметил. А между тем на том же заседании другие члены конгресса, которые не в меньшей степени, чем Ньютон, отличают свой карман от чужого (разумеется, когда речь идет о нагрузке его), указали, что драконовские меры против монополии сырья, ударят рикошетом и очень чувствительно и по Соединенным Штатам, так как «может возникнуть прецедент, который повлечет за собой применение подобной же системы иностранными государствами против вывозимых Соединенными Штатами излишков хлопка, пшеницы и т. д.». «Боязнь этих заграничных репрессалий,—сообщает «Чикаго Трибун» [1]—и яви-

[1] «The Chicago Tribune», №№ от 6 и 7 апреля 1928 г. Парижское издание.

лась главным мотивом голосования против билля Ньютона». Ниже мы увидим, что не столько боязнь создать прецедент, сколько капитуляция Англии в борьбе за каучук побудила конгресс отсрочить открытое выступление против заграничных монополистов; все же своей мотивировкой против билля Ньютона конгресс официально подтвердил, что и у Соединенных Штатов рыльце в пушку. Надо ли прибавить, что наиболее могущественным, а потому и наиболее наглым и жадным захватчиком основных сырьевых баз, требующим не отмены монополий, а их перераспределения «по справедливости», т.-е. соответственно изменившемуся в империалистическом лагере соотношению сил, в настоящее время является не кто иной, как империализм янки.

Мы не имеем здесь возможности дать более или менее полную картину развивающейся особенно остро в последнее время борьбы между Соединенными Штатами и Англией за захват основных категорий сырья. Ограничимся приведением фактов, характеризующих различные стадии этой борьбы за резину, нефть и хлопок.

Поражение Англии на рынке каучука.

4 апреля 1928 г. Болдуин сделал палате ошеломляющее заявление о намерении правительства отказаться от схемы Стевенсона, т.-е. от дальнейшего государственного регулирования предела, выше которого запрещен экспорт каучука с острова Цейлона и Малайского архипелага. 5 апреля в американском конгрессе было начато обсуждение упомянутого выше билля Ньютона, предлагающего разрешить импортерам сырья образование закупочных синдикатов для борьбы с иностранными монополиями. О том, что билль Ньютона будет рассматриваться 15 апреля, что одним из наиболее горячих защитников его является республиканский кандидат в президенты Гувер, что главный удар направлен против английской монополии каучука, было отлично известно заранее. С другой стороны, до последнего момента совершенно не было известно не только решение кабинета Болдуина, но даже и то, что оно будет принято так скоро, в пожарном порядке. Этот сам по себе незначительный факт делает особенно наглядным вынужденный характер английского решения и то, что оно было провозглашено так быстро именно с целью предупредить дальнейшее наступление с.-американских монополистов уже при официальной поддержке конгресса.

Заявление Болдуина о том, что с 1 ноября сразу, без всяких промежуточных переходов отменяется государственная регулировка экспорта каучука, вызвало переполох не только на каучуковой и фондовой биржах, где стремительно полетели вниз и цены на каучук и курс соответственных бумаг, но и в Палате Общин, где на всех скамьях произошло смешение языков и столпотворение вавилонское. Та часть консерваторов, которым Болдуин хотя и очень дорог, но еще дороже интересы каучуковых плантаций, заявила (устами Вильяма Мичеля), что «премьер-министр не отдает себе отчета в том, какое влияние будет иметь его заявление на промышленность, поглотившую 150—200 миллионов фунтов..., какой колоссальный ущерб оно причиняет каждому, кто является владельцем каучука или каучуковой плантации». Консерваторы, впрочем, усмотрели смягчающее вину Болдуина обстоятельство в том, что он «не принадлежит к числу тех, которые что-либо понимают в каучуковой промышленности», зато либералы были неумолимы: «Сообщение премьера,—заявил Хэчинсон,—катастрофа.... В результате этого решения господствующее влияние в каучуковой промышленности перейдет в американские руки». Но если у Болдуина оказались противники даже в его собственной партии, то зато, с другой стороны, ему была оказана поддержка со стороны либералов и части либеральной печати. «Мы,— пишет «Экономист», — приветствуем правительство, которому приходится считаться с непреложными фактами, созданными очень тяжелым положением, и которое вступает на единственный остающийся открытым путь». Если принять во внимание, что эту же точку зрения разделяет «Таймс», что Макдональд и Томас, бичуя «неловкость» правительства, повторили 27 апреля тютелька в тютельку аргументы «Дэйли Мэйль» («Правительство не только причинило неисчислимый вред английским держателям каучуковых акций, но и помогло американцам, инвестирующим капитал в каучуковой промышленности»), что против нее выступает газета Ллойд-Джорджа «Дэйли Кроникль», то станет ясно, какая политическая неразбериха вызвана каучуковой катастрофой. Надо ли говорить, что бог, произведший такое смешение языков в лагере английской буржуазии, имеет своим местожительством Нью-Йорк, Уолл-Стрит.

Эта зависимость решения правительства Болдуина от нью-йоркской биржи, и притом в области, которая считалась еще опорной базой Англии для экономической борьбы с Соединенными Штатами, станет еще нагляднее, если сопоставить и следующие факты. Уже первоначальное (в начале февраля) постановление кабинета Болдуина о назначении комиссии для изучения результатов каучуковой нормировки сопровождалось таинственными, весьма убыточными для английской буржуазии и неприятными для английского самолюбия обстоятельствами. Дело в том, что об этом решении английского правительства нью-йоркская биржа узнала раньше лондонской и американцы, разумеется, использовали свою осведомленность, чтобы сверх комплекта нажиться за счет английских каучуковых спекулянтов.

> «Появившееся на прошлой неделе сообщение, — писал «Экономист» [1]), по поводу назначения комиссии,—явилось неприятным сюрпризом для каучуковой биржи. Рынок действительно имеет все основания чувствовать себя неудовлетворенным той обстановкой, в которой об этом решении стало известно. За несколько дней до этого министерство колоний заявило, что в ближайшие три месяца никаких изменений в порядке нормировки контингента каучука не будет сделано... Тот факт, что это сообщение просочилось преждевременно и стало общественным достоянием в Америке раньше, чем английский рынок узнал о нем, об'ясняется несчастным случаем,—по видимому, в этом случае правительство не несет непосредственной ответственности».

В таких дипломатических выражениях журнал, поддерживающий каучуковую политику правительства, пытался вывести его из щекотливого положения, создавшегося вследствие того, что следы от кабинета Болдуина вели прямо и непосредственно к нью-йоркской бирже. Была назначена даже специальная комиссия для расследования этой таинственной истории, что, однако, не могло успокоить биржу, усмотревшую в этом «несчастном случае» показатель того, что у колыбели предстоящей реформы стоят недобрые духи. Понадобилось появление нового сообщения «Финаншиел Таймс» о происходящих между Англией и Голландией переговорах по поводу ограничения добычи каучука,—сообщение столь же двусмысленное и рассчитанное на обман публики, как и заявление министерства колоний,—для того, чтобы падение акций каучуковых фирм временно приостановилось. Для английской буржуазной печати, для ее подчинения руководству, исходящему из единого буржуазного штаба, характерно, что ни одна из газет не соблазнилась возможностью расшифровать болдуиновский ребус, хотя бы

[1]) «Economist», № от 1 апреля 1928 г.

[1]) «Economist», № от 18 февраля 1928 г.

кратким сообщением о том фактическом ультиматуме с требованием отмены плана Стевенсона, который как раз в эти дни готовился в Вашингтоне.

19 января, т.-е. за 2—3 недели до того, как английское правительство задумало заняться обследованием результатов плана Стевенсона, юридическая комиссия конгресса в Вашингтоне вытащила на свет божий лежавший несколько лет под сукном упомянутый выше билль Ньютона и приступила к его обсуждению при участии таких авторитетных экспертов, как Гувер и секретарь по делам земледелия Жарднн, с одной стороны, и целой плеяды представителей американских трестов—с другой. Такого рода проекты, имеющие целью формальную отмену антитрестовского закона в целях легализации монопольных общегосударственных об'единений, наталкиваются обычно на сопротивление фермеров; билль Ньютона, продиктованный интересами монополистов в чистейшей форме, был особенно тщательно загримирован под фермеролюбивый закон: на первом месте он ставит борьбу с иностранной монополией на пеньку, поташ и т. д., о каучуке же упоминается между прочим—и то в порядке простого перечисления; в то же время секретарь земледелия спешит в особой докладной записке благословить этот билль от имени фермеров, страдания которых он должен облегчить.

Однако, при обсуждении билля в комиссии его действительная цель, направленная на сокрушение монополии каучука и ярко выраженный антианглийскнй характер, выступили совершенно отчетливо уже в речи первого официального оратора, Гувера. «Последние пять лет,—заявил Гувер [1]),—развилась за границей контролируемая и руководимая правительством монополия сырых материалов. Произошла консолидация сил продавцов. Американские же покупатели вынуждены разрозненно бороться с этим контролем. Монополия пеньки, привозимой из Юкатана, характеризует положение. Цена пеньки варьировалась от 13 до 18 центов и стоила американским фермерам миллионы долларов. Цена на резину менялась с 18 центов до 1 дол. 10 центов за фунт. При помощи плана Стевенсона английское правительство стремилось ограничивать производство резины в зависимости от ее цены... Предусмотренное этим законом уменьшение производства резины на 40% держит мир в состоянии, близком к покупательной панике».

Кто же несет ответственность за все эти обиды, причиняемые бедным американским овечкам? Гувер не ограничивается упреками по адресу частных предпринимателей: он направляет удар против правительств, «организующих и контролирующих монополии», в первую очередь против английского правительства, спекуляцию на резине которого один оратор за другим клеймят самым беспощадным образом.

Мы видели, что участие европейских правительств в организации производственных трестов приводилось американскими адмиралами в качестве главного аргумента для завоевания и защиты рынков. Та же руководящая роль правительств является теперь главным обоснованием необходимости мобилизации всех средств борьбы против монополии сырья. Не трудно предвидеть, что в решительный момент, когда правительство Соед. Штатов найдет нужным поставить рабочих и фермеров «своей» страны перед фактом войны, оно выдвинет в качестве морального оправдания и высшего аргумента «защиту» не только свободы морских путей, но и международной торговли от насильственных монополий и организованных правительством трестов!

Вслед за Гувером с обвинительной речью против политики английского правительства выступил и председатель автомобильной торговой палаты Раскоб. Если эта политика была бы направлена только против автомобильных фабрикантов, он с этим оратор - бессребренник, являющийся директором архи-хапнувшего в этом году треста Дженераль Моторс, мог бы еще примириться. Но нет, английская монополия посягает на карман всего населения Соед. Штатов вообще, каждого гражданина в частности.

[1]) «United States Daily», 20 января 1928 г.

«Автомобильная и связанные с ней индустрии,—говорит, рекламируя свою лавочку, Раскоб,—зависят от резины, создают в С. Штатах ежегодно ценности на сумму около 10 млрд. долларов, т.-е. на сумму, не уступающую ценности всего урожая Соед. Штатов. На автомобильную индустрию идет 80% всего каучука, употребляемого в стране». Но если так, то Раскобу уже не трудно доказать, что повышение цен на резину является общенациональным бедствием.

> «В результате плана Стевенсона цена на каучук выросла в 1925 г. до 1 доллара 20 центов, т.-е. на 84 цента выше нормальной цены. Если бы эта цена удержалась, то американским потребителям, состоящим главным образом из владельцев автомобилей, пришлось бы уплачивать ежегодно на 750 миллионов долларов больше, а эта сумма превосходит сумму процентов, уплачиваемых правительством Соед. Штатов по всем своим обязательствам, включая и военные. План Стевенсона является таким образом самой большой данью, которая лежит на американском народе.

Перед нами образец той статистики, которая пускается в ход официальной Америкой, когда нужно ошарашить публику! Но как ни сногсшибательны расчеты Раскоба, все же остается не ясным, почему автомобильные трестовики вспомнили об обидах, причиненных им английским законом именно в январе 1928 г., когда цена на каучук была не 1 дол. 36 цент., а гораздо ниже (в момент произнесения речи 42 цент. и затем покатилась еще ниже). Почему именно сейчас вынырнул ньютоновский билль, зачатие которого относится к 1924 г., т.-е. к моменту принятия Англией плана Стевенсона? По той простой причине, что именно сейчас американцы не только вполне подготовили, но достаточно проверили свою чудовищную монопольную организацию, которая без всякого риска может потребовать от английской каучуковой монополии полной капитуляции, угрожая беспощадной, не на живот, а на смерть, войной. Вот почему, пролив соответствующее количество жалобных слез, ораторы юридической комиссии конгресса немедленно переходят к более действительному аргументу: к угрозам по адресу Англии.

«18 месяцев назад,—продолжает Раскоб,—был образован закупочный синдикат с основным капиталом в 50 миллионов долларов. В течение 1927 г. ему удалось достигнуть такой устойчивости цен на каучук, которой не было в течение последних 20 лет. Участники этого пула сознают, что они не нарушают антитрестовского закона; все же они хотели бы проверить себя и получить законодательную санкцию на дальнейшее развитие этой организации. Мы думаем, что защита американского потребителя против заграничной монополии может быть достигнута об'единением покупателей согласно принципу «в единении сила».

О том, какое решительное наступление против английской монополии вел американский закупочный синдикат еще до того, как он успел «проверить» свои отношения к антитрестовскому закону, достаточно красноречиво поведал Харвей Файерстон, один из тройки Форд—Эдиссон—Файерстон, которой американские воротилы поручили организацию этой борьбы. В юридической комиссии Файерстон внес существенное дополнение к речи Раскоба: кроме «единения», американские трестовики, оказывается, нуждаются еще кое в чем существенном для своих дальнейших успехов. Указав на успехи,

достигнутые пулом в разведении каучука на Филиппинских островах, оратор выражает скорбь по поводу того, что «закон ограничивает собственность на землю на Филиппинах десятью тысячами акров... в то время, как разведение каучука выгодно только на площадях размером в сотни тысяч акров». (Почему? Как известно, разведение каучуковых растений в мелком и мельчайшем хозяйстве крестьян-малайцев на Яве и Борнео так быстро развивается, что вызывает ряд полицейско-стеснительных мер со стороны арендаторов-голландцев, опасающихся серьезной конкуренции. *П. Ш.*). Впрочем Файерстон знает, как помочь этой беде: существующий на Филиппинах закон должен быть изменен соответственно интересам крупных плантаторов. Еще более откровенно, чем в юридической комиссии тот же Файерстон открыл карты американских монополистов после того, как стало известно, что правительство Болдуина назначило комиссию для проверки плана Стевенсона. Самый факт назначения этой комиссии он считает «большой моральной победой Америки» [1]).

> «Попытка Америки обеспечить себе независимые источники каучука заставила Англию изменить свою политику, состоявшую в том, чтобы игнорировать наши протесты. В Либерии, на Филиппинских островах, а может быть, и во Флориде мы можем развести весь каучук, потребный нам в ближайшем будущем. Похоже, таким образом, на то, что мы победили в борьбе с британской монополией... И какой бы доклад ни сделала британская комиссия, я все же считаю, что снабжение Америки каучуком будет обеспечено, если еще не под нашим собственным флагом, то через дружественные страны, где мы располагаем хорошими шансами. Мы больше никогда не позволим какой бы то ни было иностранной державе устанавливать цены на такой важный продукт, как каучук».

Таковы были те, собранные в один кулак силы, которыми располагал американский закупочный синдикат в момент пред'явления ультиматума к английским монополистам.

Каково же было в это время положение в английском лагере? Данные, приведенные в «Экономисте» [2]), об'ясняют панику в Лондоне, приведшую к такому быстрому отступлению. Сопоставление цифр производства и распределения каучука до введения плана Стевенсона и после него показывает, как быстро и верно подрывалась монопольная позиция Англии на рынке. Следующая таблица характеризует среднее за три года до введения плана Стевенсона и после него (в тысячах тонн):

	Добыча			Потребление		
	Британск. владения.	Другие плантац.	Итого.	Соедин. Штаты.	Остальн. страны.	Всего.
1920/23	255	100	355	227	105	332
1923/27	263	245	508	353	161	514

Таким образом, за время существования плана Стевенсона небританские области больше чем удвоили добывание резины в то время, как в британских областях производство оставалось почти без перемен, в результате этого Великобритания, добившаяся в 1922 г. 65% мировой продукции, дает в 1927 г. только 49%. Соединенные Штаты остаются еще главным потребителем резины, но доля их в общей сумме понизилась с 70 до 64%, что об'ясняется замедлением, начиная с 1925 года, в росте потребления резины (что в свою очередь вызвано все большим применением переработанного старого каучука), хотя в других странах темп роста увеличивается.

[1]) «The Commercial and Financial Chronicle», 11 февраля 1928 г.
[2]) «Economist», № от 7 апреля 1928 г.

План Стевенсона ни в одном году не дал равновесия между производством и потреблением. Первые три года после его введения дали более высокое, сравнительно с производством, потребление; последние же два года привели к образованию больших запасов, которые об'ясняются опять-таки применением переработанного каучука; другими словами, план Стевенсона показал свою неспособность для балансирования рынка. От высоких цен вначале максимальную выгоду извлекала Англия, но в настоящее время вследствие падения цен тоже больше всего страдает Англия. В первые годы после введения плана цены росли, поднявшись в 1923 г. с 1 шилл. 2 пенсов за фунт, до 2 шилл. 11 пенс. (бум 1925 г.). Если считать, что английский капитал был заинтересован в 250.000 тонн каучука, то добавочный доход, который он получил благодаря под'ему цен, выражался в 1925 г. в 45 миллионах фунтов, в 1926 г.—20 млн. фунтов, в 1927 г.—только $7\frac{1}{2}$ млн.

Крах плана Стевенсона, подточивший монопольную позицию Англии на каучуковом рынке вызван стечением ряда моментов, из которых отметим только важнейшие.

1. Голландское правительство не решилось принять предложение английского и ввести в законодательном порядке ограничение на экспорт каучука из Индонезии, при этом, кроме экономических, здесь сыграли колоссальную роль и политические соображения—боязнь поссориться с могущественным американским империализмом, в благожелательном отношении которого Голландия нуждается тем больше для обеспечения своего колониального грабежа, чем быстрее растет национально-революционное движение в Индонезии. Об этих политических мотивах голландская печать говорит теперь, после отмены плана Стевенсона, достаточно откровенно. Так, «Algemeen Handelsblet» задним числом вспоминает, что «в том обстоятельстве, что правительство Англии предприняло шаги для искусственного вздорожания важнейшего сырья, заключалась возможность политических конфликтов».

2) Колоссальные средства, которые пустили и продолжают пускать в ход американские трестовики, об'единившись в закупочный синдикат, способствовали искусственному разведению каучука в других колониях с целью подорвать монопольную позицию Англии.

3) Наконец, употребление технически переработанного каучука, особенно широко применяемого Фордом.

Ослабело, однако, не только экономическое, ослабело и политическое положение Англии на мировом рынке. Американские трестовики выбрали для пред'явления своего ультиматума начало 1928 года не только потому, что к этому моменту монопольное положение Англии экономически расшаталось, но и потому, что сейчас английское правительство чувствительнее, чем когда бы то ни было, к политическому нажиму. Таинственные, непонятные и столь тревожащие английскую буржуазию обстоятельства, сопровождающие каучуковые откровения Болдуина, об'ясняются закулисными политическими влияниями, размер и содержание которых станут известны только впоследствии. Но уже сейчас можно сказать, что, если английское правительство не только отступает в вопросе о каучуке, но отступает в «полном беспорядке», сея панику в своих рядах, то это находится в связи, если не прямой, то косвенной, с увеличивающейся финансовой зависимостью Лондона от Нью-Йорка. Не только непосредственные виновники торжества Фейерстон и компания празднуют победу, но вся американская печать поздравляет себя с победой, и «Юнайтед Пресс» рассылает телеграмму, в которой говорится, «что сообщение Болдуина... — сигнал победы Соединенных Штатов».

Для нынешней стадии англо-американского конфликта характерно, что ни одна из сторон, ни победитель, ни побежденный, не считает борьбу законченной. И прежде всего «идеологи» американского наступления отнюдь не

признают себя удовлетворенными: они стремятся не к компромиссу, а к полному отказу Англии и всей Европы от политики государственного участия в промышленных и торговых монополиях или, правильно говоря, к тому, чтобы Соед. Штаты монополизировали это право на монополии. В этом отношении показательна та оценка английской каучуковой уступчивости, которая принадлежит директору департамента торговли Юлиусу Клейну, этому казенному рупору нью-йоркской биржи.

«Если,—говорит Клейн [1]),—заявление премьера Болдуина означает отказ от системы контроля над производством каучука, то американские потребители имеют основание считать себя удовлетворенными. Общий ход мировой торговли извлек бы пользу из этого положения, когда одно из самых тяжелых и самых обременительных вмешательств со стороны правительства в нормальный ход торговли прекратилось. Все эти планы контролировать производство и цены важнейших предметов сырья противоестественной связью между торговлей и правительством являются наследием мировой войны. Устранение контроля над каучуком является громадным шагом по пути освобождения мировой торговли от существенных препятствий».

Аппетит приходит во время еды! Не поддаваясь обольщению одержанной победы, Клейн требует дальнейших уступок и не в одной только каучуковой промышленности. Он повторяет свою формулу в развернутом виде, настаивает на отказе Европы от вмешательства в нормальный ход торговли, разумея не только монопольное повышение цен на сырье, но и использование монопольных об'единений в целях понижения цен на продукты промышленности и завоевание рынков сбыта.

Такова «теория»; соответствующая практика не заставит себя долго ждать, хотя бы по одному тому, что американские трестовики достаточно искушены в международной борьбе, чтобы стремиться не только разбить, но и добить противника. С другой стороны, и английские монополисты, оставшись без открытой и явной поддержки государственной власти, будут стремиться в новой, хотя и не столь выгодной, но все же и не безнадежной обстановке продолжать борьбу по меньшей мере за полюбовный раздел монопольной сверхприбыли.

Так голландская печать, обеспокоенная создавшимся положением, именно сейчас заговорила о необходимости готовиться к сильной атаке со стороны покупателей. «Производители каучука обеих соседних стран—Англии и Голландии, — говорит «Algemeen Handelsbladt», — имеют сейчас свободные руки, и не является исключением, что обе страны об'единятся на добровольном ограничении производства резины».

Но, если английские и голландские плантаторы готовятся к сопротивлению, то американским монополистам сам бог велел преследовать отступающего противника. В этом отношении в высшей степени характерен тот факт, что Дю-Пон, одно имя которого означает бешеную спекуляцию, в эти дни обнаружил внезапный и подозрительно бескорыстный интерес к делам каучука. Будучи и раньше негласным совладельцем и участником каучуковых фирм, он в настоящее время стал полным и открытым хозяином об'единения United State Rubber C°, несмотря, а может быть, и благодаря тому, что резкое падение цен на резину сильно пошатнуло дела этого треста, заставив его отказаться от выдачи дивиденда. В качестве представителя этого треста Дю-Пон вошел в закупочный пул, который, несмотря, на отказ конгресса принять билль Ньютона, не только продолжает

[1]) Цит. по телегр. в «Berl. Tag.».

безмятежно существовать, но готовится к исключительно активной деятельности, получив как раз в эти дни и новые банковские кредиты в размере 60 миллионов долларов.

Итак, готовится борьба, при чем участие и даже, может быть, руководство этой борьбой со стороны Дю-Пона означает ведение ее самыми отчаянными средствами. Каков бы ни был темп этой борьбы, исход ее определен. Америка обеспечивает себе полную самостоятельность в деле снабжения сырьем, значение которого растет по мере того, как неизбежность войны становится все более реальной.

Нефтяная война.

Борьба между Соединенными Штатами и Англией за нефтяное господство над миром приняла открытую, явную для всех форму как вследствие того, что она вступает в решительную стадию, так и потому, что обе стороны считают необходимым в данной стадии вследствие особых условий «апеллировать к общественному мнению», чтобы скрыть захватно-монополистический характер их политики. Советский читатель знаком с ходом этой борьбы вследствие того, что оба монополиста вынуждены считаться с непрестанным ростом значения советской нефти в мировом хозяйстве, а также с той независимой позицией по отношению ко всем империалистическим группировкам, которую занимает Нефтесиндикат во всех своих сношениях с буржуазным миром. Нужно все же иметь в виду, что не советская нефть является главным об'ектом в этой борьбе, что не она превращает конфликт между Стандарт Ойль и Роял Детч в открытую войну, хотя, разумеется, оба противника вынуждены все более считаться с фактом существования на мировом рынке третьей самостоятельной силы, которая затрудняет положение то одной, то другой монополистической группы.

Для нефтяного конфликта в данной стадии характерно переплетение двух одинаково обязательных для империализма стремлений: к завоеванию рынков сбыта и к захвату источников сырья. Правда, та жестокая конкуренция с искусственным понижением цен и апелляцией к вмешательству правительств, которую ведет Сокони (Стандарт Ойль Компани оф Нью-Йорк) с Детердингом (Роял Детч Шелл Компани+Англо-Першен Компани) за сбыт нефти в Индии и отчасти в Индонезии, при временном перепроизводстве нефти в Соед. Штатах, придает всему конфликту видимость исключительной борьбы за рынки. Но достаточно проследить за поворотными пунктами этой борьбы, чтобы убедиться, как тесно связана она с перераспределением господства над источниками нефти между Соединенными Штатами и Англией, с таким перераспределением, которое соответствовало бы стремительному росту могущества американского империализма за счет английского.

Борьба Детердинга против Сокони за сохранение индийского рынка путем понижения цен на экспортируемую нефть была начата как будто при совершенно безнадежных для англо-голландских монополистов условиях. Простой подсчет показал, что при об'явленной Детердингом конкурентной цене он теряет ежегодно на экспортируемую в Индию нефть больше 12 млн. долларов в то время, когда Сокони (вследствие меньшего количества продаваемой ею в Индии нефти, и возможности использовать дешевизну фрахтов при доставке советской нефти) теряет только 4 млн. Рояль Детч, не столь сильная в финансовом отношении, как нефтяные тресты Рокфеллера, не решилась бы «собраться в поход», если бы у нее не было каких-либо видов перевести эту борьбу на менее невыгодные для себя позиции. Правда, можно было встретить в печати указания на то, что Детердинг «потерял равновесие»,

что он «зарвался» и т. д. Но вряд ли можно психологическими мотивами об'яснять экономическую политику одного из крупнейших международных трестов.

Как известно, в первой половине февраля в американской печати появились сообщения, что приехавший в Нью-Йорк представитель Детердинга Дербенгем заключил соглашение с американскими нефтяными трестами о прекращении «войны цен» в Индии и в других местах. Через некоторое время в европейской печати появилось исходящее от англо-голландских нефтяников опровержение, заявляющее, что «ни о каком урегулировании конфликта еще речи не может быть». Директор Роял Детч Кесслер заявил в «Дейче Бергсцейтунг», что «устранение существующих между мировыми нефтяными концернами разногласий ...возможно лишь в том случае, если будут достигнуты соглашения по вопросу *об ограничении добычи нефти в первую очередь в Венецуэле*. В беседах, которые Дербенгем щедро раздавал американской печати, повторялось, что цель его приезда не переговоры о «перемирии» в Индии (хотя, скромно добавлял мистер Дербенгем, он имел беседу за чайным столом с представителями Сокони...), но ознакомление с ростом добычи нефти в Венецуэле на участках, принадлежащих Эйзистик-Петролиум Компани, связанной с Роял Детч. «В ближайшие 30 дней,—заявил Дербенгем,—эта компания будет наиболее сильным производителем нефти на Маракаибском озере» [1].

Эти «намеки на то, чего не ведает никто» определяли один из скрытых, но существенных узловых пунктов нефтяного конфликта: источники нефти *в Венецуэле*.

Одновременно с этим (в конце января) президент *Колумбии* издал закон *о национализации* нефтеносных земель (нечто в роде расплывчатой копии с отмененного уже мексиканского закона), направленный против северо-американских нефтяных хищников и благоприятный английским хищникам в лице Англо-Першен Компани. Целый ряд других признаков свидетельствовал о том, что Англия мобилизует свое финансовое и дипломатическое влияние на берегах Караибского моря, чтобы овладеть здесь *источниками нефти в ближайшем соседстве с Соединенными Штатами*.

В то же время английская дипломатия пыталась обезопасить Индонезию от возможности проникновения сюда американских искателей нефтяных источников, провоцируя нефтяные компании Индонезии на такую же священную войну с Сокони, какую уже вела англо-индийская компания Бирма Ойль. В самый разгар газетной борьбы об использовании американскими трестами «краденой советской нефти» появилась написанная под диктовку Лондона слезница 6-ти якобы независимых англо-индийских нефтяных фирм, обвиняющих нефтяников Соединенных Штатов... в нарушении интересов туземной промышленности: «...Нынешнее наступление ведется только на те оба восточные рынки, которые, главным образом, обеспечены *местной нефтью*, а именно, на британскую *Индию* и *Яву*... Нижеподписавшиеся убеждены, что эти попытки, направленные на *уничтожение местной промышленности* отдельных стран, не будут иметь никакого успеха и что *население подвергшихся нападению стран не допустит, чтобы их собственная промышленность таким путем подверглась деморализации*». Английский империализм обращается к туземному населению с призывом не более, не менее как о том, чтобы бойкотировать ввозимые иностранные продукты на том основании, что они подрывают местную промышленность! Можно ли представить себе более циничное и вместе с тем более жалкое лицемерие?!

[1]) «New-York Herald», от 11 февраля 1928 г.

Этот маневр английских нефтяных хищников был буквально в 2—3 недели расстроен контрманевром, предпринятым хищниками Соед. Штатов. Рокфеллер немедленно поднял перчатку, брошенную ему Дербенгемом и, вместо сокращения добычи нефти в Венецуэле, перебросил туда *еще до от'езда английского парламентария*, из Нью-Йорка новые десятки миллионов долларов, чтобы разбить и отбросить Эйзиэтик-Петролиум Компани от господствующей позиции Венецуэлы. Вашингтонское правительство поручило своему посланнику в Колумбии заявить президенту протест против закона, «нарушающего права американских граждан», на что немедленно последовало раз'яснение правительства Колумбии, *в котором официально опровергается сообщение о переговорах с Англо-Першен Компани* и дается категорическое обещание уважать права законных собственников, т.-е. американцев. Столь же мало удалось английскому империализму соблазнить приманкой «защиты туземных интересов» не только широкие массы, но и буржуазные круги Индии: как раз сейчас, в связи с усилением колониального нажима со стороны Лондона (комиссия Саймона, отказ английского правительства от организации хотя бы внешне независимого от лондонского Сити резервного банка), индийская буржуазия все больше тянется в сторону Соед. Штатов, финансовая эксплоатация которых носит более «просвещенный», т.-е. более выгодный местной буржуазии, характер (поездка руководителей крупнейшего железного треста Индии Тата и Компани в Соедин. Штаты для завязывания финансовых связей, усиленное внимание индусской буржуазной интеллигенции к американской культуре и т. д.). Единственное, что осталось у британского империализма для поддержания своего престижа в Индии, это неприкрытый приказ англо-индийскому правительству повысить тарифы на ввозимые в Индию американские нефтепродукты. Но, вступая на этот путь и давая таким образом уже никакими дипломатическими фокусами неоспоримые доказательства своего непосредственного, прямого участия в борьбе за мировые монополии, правительство Англии тем самым вооружает американский империализм наиболее действительным оружием. Уже Келлог предупреждает, что государственный департамент заявит протест, «если меры, предпринимаемые таможенным управлением Индии, будут особо направлены против граждан С.-А. С. Ш.». Уже пресса Херста «настаивает, чтобы вашингтонское правительство поддержало американские нефтяные компании в их деятельности за границей подобно тому, как английское правительство поддерживает Роял Дэтч Компани и Англо-Персидскую Нефтяную Компанию». Уже мутные националистические инстинкты жадного обывателя-янки разжигаются повторяющимися сенсациями о том, что «нефть, предназначаемая для американского флота, попадает в руки иностранной державы». Недавно инженер Рекуа, руководивший нефтяным департаментом во время войны, подал Кулиджу негодующий меморандум за подписью 30 инженеров, в котором сообщалось, что в настоящее время «треть нефти из запасов, предназначенных для флота, и ⅔ бензина закупаются дочерней организацией Роял Дэтч и что танки одной иностранной державы грузили, а может быть, и продолжают грузить нефть из этих запасов»... Тогда же морской министр Вильбур (пророчествующий неизбежность англо-американской войны в связи с борьбой за рынки) назначил специальную комиссию для расследования этой «таинственной истории», а печать не перестает раздувать эти «разоблачения», делая вид, что возможность закупки нефти (и одной ли нефти!) «флотом какой-либо страны у иностранной фирмы» является чем-то небывалым. Однако, и на этом нефтяная игра не останавливается. Уже пресса Херста раскрывает псевдоним «иностранной державы», требуя от правительства чтобы оно «охраняло нефтяные резервы от *англичан*, не только стремя-

щихся монополизировать все нефтеносные земли вне пределов Соединенных Штатов, но закупающих нефть из резервов американского флота.

Борьба за нефть, таким образом, все более пронизывается элементами назревающего военного конфликта, все ближе подводит к этому конфликту.

Подготовка борьбы за хлопок.

Господствующее положение на хлопковом рынке принадлежит, как известно, Соединенным Штатам. Из мирового производства хлопка, которое в среднем составляет 25 млн. кип, на долю Соед. Штатов приходится около 15 млн., на долю английских колоний около 6½ млн. Вместе с тем, Великобритания, несмотря на кризис хлопчатобумажной промышленности, является до сих пор главным потребителем хлопка: из 163 млн. веретен на Британию приходится около ⅓, на Соединенные Штаты меньше ¼. Антагонизм интересов между Соед. Штатами и Англией в области хлопка есть, прежде всего, расхождение между преимущественно производящей и преимущественно потребляющей страной. Но этим, разумеется, борьба интересов не ограничивается: абсолютное превосходство в производстве до сих пор еще не дает возможности Соед. Штатам взять под свой полный контроль не только мировой, но даже внутренний рынок хлопка. Тем менее таким положением может считать себя удовлетворенным английский капитал, находящийся в зависимости от Соед. Штатов при закупке сырья первой необходимости. Отсюда рост захватно-монополистических стремлений обоих противников.

Великобритания всемерно стремится к разведению хлопка в подчиненных ей колониях или, по крайней мере, в странах, стоящих вне непосредственного контроля северо-американского капитала. Английский капитал, идущий в Бразилию, устремляется в хлопковые плантации с целью освобождения Ливерпуля и Манчестера от зависимости от Орлеана. Но еще более настойчивый и широко задуманный характер имеют английские планы разведения хлопка в африканских колониях, особенно в Судане, где английским плантаторам обеспечена полная и бесконтрольная, никакими ни земными ни небесными законами не стесняемая монополия. С африканским хлопком английский капитал в самое последнее время связывает такие расчеты, что он приносит ему в жертву интересы индийского хлопка, которым Великобритания не может так бесконтрольно распоряжаться, хотя бы по одному тому, что он проходит через руки пенджабского райота (крестьянина), или калькуттского арендатора. Иное дело африканские колонии, где Манчестер и Ливерпуль не имеют ни конкурентов, ни посредников в эксплоатации как сил природы, так и живой силы чернокожего рабочего, пребывающего в полурабском состоянии.

Однако, как ни значительны успехи Англии в расширении своих хлопковых плантаций в колониях, они отнюдь не достаточны, чтобы парализовать зависимость ее текстильной промышленности от дешевого северо-американского хлопка. Английский капитал стоит перед альтернативой: либо дальнейшее, и при этом стремительное, развитие хлопковых успехов до размеров, хотя бы обеспечивающих «самоснабжение», либо постоянная опасность быть отброшенным еще дальше назад неуклонно стремящейся к полной монополии ново-орлеанской биржей.

Но если состояние хлопковой борьбы требует от Англии дальнейших наступательных действий, то в еще большей мере это следует сказать о С. Штатах. Как известно, ни в одной области американскому капиталу не удалось так мало сделать в деле «подчинения себе стихии рынка» как в

области хлопка. Достаточно вспомнить, что в течение последних лет цена на фунт сырого хлопка колебалась с 12 центов до 25, чтобы получить представление, в какой мере С. Америке еще не удается использовать своего монопольного положения на рынке. Это колебание цен, разумеется, вызвано в первую очередь, резкими колебаниями в размерах хлопкового урожая (в 1924 г. — 15 млн. кип, в 25 г. — 17, в 26 г. — 18,6, в 27 г. — падение до 12,8 млн. кип). С другой стороны, ограничение площади разведения хлопка с целью добиться устойчивости цен не может обеспечить интересов С. Америки в такой обстановке, когда ее конкуренты на мировом рынке не только не разбиты, но распространяют свое влияние [1]).

В подготовляющейся борьбе между С. Штатами и Великобританией за господство на хлопковом рынке одним из важнейших узловых пунктов является Судан. Бросая громадные финансовые и технические силы в Судан, являющийся формально якобы совместным владением Египта и Англии, в действительности же находящийся целиком под пятой британского правительства, Лондон одновременно разрешает две задачи: 1) обеспечивает себе новый, все более расширяющийся, имеющий громадное будущее источник сырья; и 2) угрожает Египту в случае непокорности и несговорчивости не только бойкотом хлопка, но и перехватом нильской воды. Английские колонизаторы и их наемники немало потратили чернил на развитие теории, согласно которой захват контроля над водами Нила (в Судане) не является покушением на суверенитет Египта. Однако, теперь есть все основания рассчитывать, что эту грабительскую теорию англичан удастся использовать не ее авторам, а с.-американским дельцам. Американская компания «Уайт Корпорейшен» («White Corporation»), по газетным сведениям, уже добилась от абиссинского правительства (в результате продолжительных переговоров и скрытой, но напряженной борьбы с Англией) концессии на постройку плотины в Абиссинии, на озере Цан, т.-е. на перехват вод Нила у самых верховьев и, таким образом, сосредоточение в своих руках фактического контроля не только над египетским, но и над суданским хлопководством. Англия остается при пиковом интересе.

Для борьбы, которая велась в течение ряда месяцев вокруг этой концессии на озере Цан, характерны следующие моменты: 1) чрезвычайно слабое отражение этой борьбы в печати обоих непримиримых конкурентов — Англии и Америки — с одной стороны, и 2) вполне сознательная оценка в туземной печати значения и перспективы этой борьбы, как узлового пункта в общем развитии англо-американских конфликтов. Американские газеты изображали и продолжают изображать дело так, что постройка плотины в Абиссинии дело «безобидное», «частное», что «Уайт Корпорейшен» ни сном, ни духом не повинна в каких бы то ни было политических или колонизаторских замыслах, что эта техническая фирма будет считать себя вполне удовлетворенной, продавая «по справедливой цене» воду из принадлежащего ей Нила. В свою очередь и английская печать тщательно обходила и продолжает обходить гробовым молчанием политический характер этой борьбы, ограничиваясь юридическими ссылками на английско-абиссинский договор 1902 г., согласно которому «король королей Эфиопии обязуется не строить и не позволять строить на Голубом Ниле и на озере Цан таких сооружений, которые могли бы воспрепятствовать течению воды в Ниле, разве только по соглашению с правительством его величества». И даже «Таймс» упражняется больше в сердечных упреках по адресу негуса Абиссинии, который-де не должен допускать и мысли о переговорах с американской фирмой, раз англичане каждый год с его согласия производили предварительные изыскания на озере Цан.

[1]) См. «Geo-Politik», I кн. за 1928 г., стр. 23 и сл.

Но если империалисты в самом начале конфликта считают еще выгодным играть в жмурки, то печать восточных стран ставит все точки над и. Уже в первые дни англо-американской схватки газета вафдистов «Балах» отвергла попытку английских агентов в Египте изобразить борьбу за озеро Цан, как конфликт между Абиссинией и Египтом. Египетские националисты, несмотря на то, что они так часто бессильно и беспомощно бьются в сетях английского империализма, все же отдавали себе отчет, что из этой борьбы угнетенные страны могут извлечь выгоду для себя. «Теперь,—пишет «Балах» [1],—когда Америка вмешалась в дело, мы можем этим воспользоваться. Почему мы не должны понять духа времени, раз Англия совершенно не считается с нашими жизненными интересами?» Приводя эту цитату, каирский корреспондент издающейся в Константинополе газеты «Турецкая Почта» сопровождает ее следующими комментариями:

«Этот дух времени действительно надо понять, потому что не только в вопросе о Цане Америка выступает настойчиво и искусно на арене ближнего Востока,—одновременно она выступает также на аравийском берегу Красного моря...

В чрезвычайно короткое время С. Штатам удалось в очень значительной степени развить свои торговые сношения со странами Аравии. Центром этой деятельности является организованная в Адене торговая компания с капиталом в 30 млн. долларов, которая открыла отделения в Абиссинской столице и в Иеменской гавани Ходэйда и сейчас предполагает открыть такие же отделения в Геджасе и в Сомалии. Эта деятельность С. Штатов, которая—хотят ли они этого или нет—наносит удар британской торговле, начинается при максимально благоприятных предзнаменованиях, потому что Америка является единственной страной, которую Восток, ставший в последние годы очень недоверчивым, может встретить с открытой душой».

Эта цитата свидетельствует не только о том, что на Востоке ясно понимают, куда держит курс неожиданно вынырнувший на берегах Красного моря и в верховьях Нила дядя Сам, но и о том, что С. Штаты уже обзавелись соответствующей агентурой в том числе и в лице близкой к германским кругам газеты «Турецкая Почта», являющейся «бескорыстным», но очень настойчивым проводником вашингтонской политики. Другой корреспондент этой газеты пишет о «проблеме озера Цан» из столицы Абиссинии Адис-Абеба следующее [2]:

«Чем более независимым от Англии становится Египет и чем обширнее становятся английские плантации хлопка в Судане, тем больше растет значение озера Цан для Англии, стремящейся обеспечить себе в Судане достаточное количество хлопка для своей текстильной промышленности, чтобы таким образом полностью освободиться от зависимости от экспортируемого американского хлопка. Независимо от этой экономической стороны вопроса Англия вполне основательно считает, что ей удастся поднять свое влияние над Египтом, если все шлюзы Нила она будет держать под своим контролем. Почему же Абиссиния так энергично отказывается удовлетворить это желание Англии? Во-первых, потому, что Абиссиния вполне правильно считает, что ненужная сейчас водная масса Цана в один прекрасный день может оказаться полезной для ее собственной еще необработанной земли. Во-вторых, потому, что она знает, что плотина на Цане в английских руках явится могущественным оружием против населения Египта и Судана, с которым абиссинцы хотят сохранить самые лучшие соседские отношения».

[1]) Цит. по «Turkische Post» от 3 января 1928 г.
[2]) Там же, № от 21 января 1928 г., статья б. консула Вейнцингера.

Борьба за хлопок (и нефть) приводит американский империализм к Ближнему Востоку, к стыку трех материков, к Суэцкому каналу. Театр действия англо-американского конфликта расширяется. За Великим океаном идет Индийский океан, где нефтяная война это—только первый отдаленный гром событий. Но водоворот империалистических столкновений несется дальше на восток: северо-американский империализм надвигается на Европу различными путями, под разнообразными прикрытиями. Борьба за передел колоний является, хотя не единственной, но центральной силой в системе, определяющей бешено растущую активность американского империализма.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

К. Бутаев.

К вопросу о постановке теоретических проблем переходной экономики.

(Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере).

4. О категории стоимости в переходном хозяйстве.

В отношении категории стоимости в переходном хозяйстве у авторов также нет достаточно ясного представления.

Авторы двояко понимают содержание термина «форма».

Во-первых, они понимают под «формой» товарно-стоимостную форму проявления производственных отношений. По существу это, конечно, верно. И в этом отношении «сохранение товарно-ценностной формы производственных отношений—вот важнейшая отличительная черта... пути социалистического строительства». (Стр. 325).

Во-вторых, они понимают форму ценности, как общественную «форму, которую труд принимает в товаропроизводящем обществе» (187). Но в этом отношении эта форма стоимости, как общественная форма труда в переходном хозяйстве, а именно в социалистическом секторе, имеющем товарно-ценностную форму проявления производственных отношений,—для авторов не существует. «У нас,—говорят они,—всеобщей распространенностью пользуется форма ценности, как в н е ш н я я ф о р м а п р о я в л е н и я. Этого нельзя, однако, сказать о форме ценности, как о б щ е с т в е н н о й форме, которую труд принимает в товаропроизводящем обществе» (стр. 187). «Социалистическая трансформация (перестройка) хозяйственных тканей связана с отмиранием формы ценности, которую принимает труд в предшествующий период экономического развития» (стр. 188).

Таким образом, выходит, что для авторов книги стоимость, как «общественная форма труда», в социалистическом секторе не существует. Но зато товарно-рыночная стоимостная форма проявления производственных отношений существует и в социалистическом секторе. Тут у авторов недоразумение или недомыслие. Как можно себе представлять товарно-рыночную стоимостную форму проявления отношений, если общественный труд, затраченный на производство продуктов, не принимает стоимостную форму, если этот труд не учитывается и не выражается как стоимость?

Для всякого марксистски грамотного экономиста должно быть понятно, что т о л ь к о потому, что труд в товарном обществе принимает форму стоимости, общественные отношения в этом обществе принимают товарно-рыночную стоимостную форму проявления. Или же наоборот. Если мы имеем товарно-рыночную стоимостную форму проявления общественных отношений, то это уже означает, что труд принимает форму стоимости, учитывается и выражается, как стоимость. Расщепление этих двух взаимно-связанных явлений, представляющих по существу одно и то же, или развитие одного и того же явления, есть явное недомыслие и может привести только к логическим абсурдам и противоречиям. Так случилось в данном случае и с авторами книги.

Ибо как совместить утверждение об отсутствии стоимости, как учетной общественной «формы труда» в социалистическом секторе, с их такими, например, утверждениями: «Социалистический учет и строящийся на его основе план—и то и другое пока выражается в т о в а р н о-д е н е ж н ы х к а т е г о р и я х» (стр. 176). «В секторе, характеризующемся обобществлением средств производства, мы имеем о п р е д е л е н н о т о в а р н о-р ы н о ч н у ю ф о р м у д о х о д о в» (стр. 276). Кроме того, для них «категория цены» в переходном хозяйстве остается, хотя она и превращается в «калькуляционный метод» бухгалтерии соц. хозяйства» (стр. 177), меновые отношения остаются в количественном отношении «примерно таковыми же, как и при действии закона ценности» (стр. 259). Раз эти последние положения верны и на их верности и незыблемости авторы настаивают, то первое положение об «отсутствии» и «отмирании» ценности, как «общественной формы труда» в социалистическом секторе, неверно.

Одно из двух: л и б о верно, что стоимость в социалистическом секторе отсутствует или отмирает,—тогда нет никакой категории цены в этом секторе, никаких товарно-денежных категорий, никакой стоимостной формы вообще и, следовательно, никакой товарно-рыночной формы проявления производственых отношений; л и б о товарно-денежные категории в социалистическом секторе имеют место,—и тогда имеет место и стоимость, как общественная форма труда в этом секторе. Третьего положения тут не может и не должно быть.

Но, что значит стоимость, как общественная форма труда в социалистическом секторе? Как совместить наличие стоимости с социалистическим характером производственных отношений в этом секторе? Благодаря какой исторической необходимости может сохраниться стоимость в этом секторе, как форма выражения и учета затрат труда?

Из тех представлений о социалистическом строе, которые мы имеем на основании трудов творцов научного социализма, мы знаем, что при таком строе стоимость, как общественная форма труда, исчезает. Общественные затраты труда при социализме будут выражаться непосредственно в самом же труде, в его единицах, и не будет никакой необходимости выражать и учитывать их, как стоимости, ибо не будет товарно-рыночной формы связи между отраслями. Может ли социалистический сектор переходного периода быть похожим в этом отношении на полный социализм? При каком условии этот сектор может учитывать и выражать трудовые затраты на производство вещей непосредственно в самом же труде, в его единицах или в единицах времени? Это возможно только при том условии, если социалистический сектор, в о-п е р в ы х, представляет собою самодовлеющую, автаркическую, замкнутую хозяйственную систему, и, в о-в т о р ы х, производительные силы в нем настолько развиты, что вполне соответствуют социалистическим производственным отношениям. Такую форму «переходной экономики», представляющую собой по существу у ж е не переходную форму хозяйства, а почти полный социализм, можно было бы себе представить, если бы переход к социализму совершался от чистого высоко технически развитого автаркического капитализма. Но «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может». (Ленин, т. XIV, ч. 1, 263). Следовательно, раз невозможен такой «чистый переходный» период от чистого капитализма к чистому социализму, раз невозможна автаркия социалистического сектора переходного периода, раз невозможна на первых порах высокая развитость производительных сил в этом секторе,—то невозможны непосредственно-натуральные отношения в этом секторе, невозможны учет и выражение затрат труда в этом секторе непосредственно в самом же труде, невозможно полнейшее соответствие производственных отношений производительным силам в этом секторе. Недоразвитость производительных сил социалистического сектора по-

рождает противоречие между ними и производственными отношениями. Это — одно из основных противоречий переходной экономики. В то время, как производственные отношения в обобществленном секторе по своему характеру глубоко социалистичны, производительные силы в этом секторе далеко еще недоразвиты до степени их развития при социализме. Одно это противоречие уже обязывает социалистический сектор принимать иную форму учета и выражения затрат труда на производство благ и иную форму связей между хозяйственными единицами, чем при социализме.

Но это было бы еще «полбеды». Если бы социалистический сектор был поставлен только перед этим внутренним своим противоречием, а во всем остальном мог существовать вполне самостоятельно и не нуждался ни в каких других связях с другими, его окружающими, формами хозяйства,— то в конце-концов с вопросом о социалистической форме учета и выражения затрат труда и распределения он бы справился своими внутренними силами, несмотря даже на существование вышеуказанного противоречия. Но в том-то и дело, что социалистический сектор переходной экономики—не самодовлеющая автаркическая система хозяйства. Этот сектор является по преимуществу промышленной сферой производства, которая без аграрного дополнения существовать не может. А это аграрное дополнение является по преимуществу мелкотоварным, крестьянским производством. Это—с одной стороны. С другой стороны, отсталость производительных сил в этом социалистическом секторе с необходимостью требует хозяйственных связей с более высокоразвитым в техническом отношении капиталистическим окружением. Эти исторически-конкретные обстоятельства и условия существования социалистического сектора с необходимостью требуют, чтобы форма учета и выражения затрат труда в нем были идентичны с формой учета и выражения труда в мелкотоварном и капиталистическом хозяйствах, связь с которыми в форме товарно-рыночных отношений является необходимым условием существования самого социалистического сектора.

Из всех этих моментов вытекает необходимость учета и выражения труда в социалистическом секторе в форме стоимости и отсюда товарно-денежной формы проявления производственных отношений. Стоимость является определенной общественной формой выражения и учета труда, и как таковая она в анархической системе товарного хозяйства является и стихийным регулятором. «Всякая товарная стоимость,—говорит Маркс,—является лишь мерой заключающегося в товаре общественно-необходимого труда». («Капитал», III, ч. 2, стр. 389). «Меновая стоимость есть лишь определенный способ выражать труд, потраченный на производство вещи» (стр. 50 «Капитал», 1). В то же время меновая стоимость, как форма проявления стоимости, является регулятором анархической товарной системы хозяйства. («Письма к Кугельману», стр. 62).

И если речь идет об отмирании или об отсутствии стоимости в социалистическом секторе, то она и идет и может итти только об отмирании или отсутствии стоимости, как регулятора хозяйства в социалистическом секторе, но не о стоимости, как «мере общественно-необходимого труда, заключающегося в товаре», не об «определенном способе выражать труд, потраченный на производство вещи». Вопрос заключается не в отмирании стоимости, как учетной формы труда, как «меры труда», а в отмирании «закона стоимости», как регулятора.

«Как? Что за ересь?»—скажут некоторые. Как можно себе представить существование стоимости, как общественной формы труда, без того, чтобы эта же самая стоимость не была регулятором хозяйственной системы? Иначе формулируя этот вопрос, мы скажем: возможно ли и до какого времени и до каких пределов сознательно-плановое регулирование хозяйственной системы переходного периода при стоимостной форме учета и выражения

трудовых затрат на производство вещей, т.-е. возможно ли плановое регулирование товарной формы хозяйства?

Мы имеем несомненный факт, что регулирование социалистического сектора и вместе с ним более или менее и всего народного хозяйства в СССР происходит в плановом порядке. Никто не может без особой логической эквилибристики доказать, что регулятором обобществленного сектора остается закон стоимости, как таковой.

И с другой стороны, известен также несомненный факт, что мы имеем дело в обобществленном секторе с товарами, а не с продуктами, что производство в нем есть производство по форме товарное. А если производство остается товарным, то двойственный характер труда, затраченного на производство товаров, остается, и, следовательно, остается внутреннее противоречие товара, как потребительной стоимости и стоимости. Количественно затраты труда на эти товары выражаются в денежной форме, а не в форме единиц рабочего времени. А денежное выражение этих затрат труда есть не что иное, как денежная форма стоимости. Ибо деньги, как таковые, выражают собой меновую стоимость, как форму проявления стоимости. Следовательно, раз цены остаются в обобществленном секторе, то тем самым остается и стоимость как общественная форма выражения трудовых затрат. Но регулирование обобществленного сектора тем не менее не совершается механизмом закона стоимости. Это кажется парадоксальным и противоречивым утверждением. Однако, это—факт, и противоречие тут является противоречием самой жизни. Сознательно-плановое регулирование происходит в товарно-стоимостной форме. Цена является не продуктом стихийных сил, стихийной равнодействующей бесконечно-многих индивидуальных воль, а продуктом сознательной конструкции на основе об'ективного технического фактора производства. Если «количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого производства» и «привычная практика фиксирует эти отношения, как величину стоимости» («Капитал», 1, 56), то почему суб'ект сознательно-регулируемого хозяйства эту привычную практику фиксировать количества трудовых затрат на производство вещей, как величины стоимостей, не может использовать для целей сознательного регулирования обмена этих вещей и количественных пропорций самого этого обмена? Ведь внутри любого монополистического крупного об'единения учет и выражение труда остаются стоимостными, денежными. Однако, закон стоимости внутри этого об'единения не является регулятором, и регулирование внутри него происходит сознательно и планомерно со стороны суб'екта этого об'единения— капиталистического правления. Производство остается в нем товарным, учет затрат труда происходит в нем в денежной (стоимостной) форме, цены конструируются не стихией рынка, а сознательно и планомерно. Следовательно, регулирование происходит в стоимостной форме. Товарную форму хозяйства можно сознательно регулировать в пределах данного об'единения. Аналогичную картину мы имеем и в обобществленном секторе. Планируем мы и здесь товарный обмен, товарную форму производства, товарную форму распределения. «Плановое начало... действует тут «под покровом цены, при посредстве цены и на основе цены» (А Кон. «О новой экономике Преображенского», стр. 32). «Линяние закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими», и «лишь постепенно происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же товарная форма сохраняется «вплоть до социализма» (стр. 333) [1]). Этим самым авторы книги выразили именно то, что мы хотим тут сказать о наличии стоимости («товарно ценностной формы» у авторов) и об отмирании закона стоимости, как регулятора обоб-

[1]) Разрядка наша. *К. Б.*

ществленного хозяйства («линяние закона ценности» и «выветривание стихийно-ценностного содержания товарной формы» — у авторов). Если выветривается стихийно-ценностное содержание товарной формы производства, а сама товарная форма остается, то ведь это означает заполнение «товарной формы» сознательно-плановым началом. А это есть не что иное, как отмирание закона стоимости как регулятора и сохранение стоимости только как общественной формы труда. Если «действие стихийного закона ценности ограничивается и сходит на-нет», а «товарная форма все же сохраняется» (стр. 133), если при сохранении «товарно-ценностной формы» «стихийный закон ценности перерождается в планомерно-сознательное» начало, если процесс сознательно-планомерного «социалистического переустройства невозможен «без товарно-ценностной формы» и денег» (стр. 325), то ведь все это есть только иное выражение того же самого «парадоксального» момента, которое выражается в том, что закон стоимости отмирает, но стоимость остается, как общественная форма труда.

Место стоимости, как определенной исторической формы выражать труд, потраченный на вещи, как меры и учетной формы этого труда в социалистическом секторе, еще никакая другая форма не заняла. Однако, вместе с этим мы имеем сознательно-плановое регулирование обобществленного хозяйства со стоимостной учетной формой труда. Социалистическое строительство в переходный период не может обойтись еще без этой формы, пока взамен ее не будет выработан и введен в жизнь другой способ выражать и учитывать труд. Этот другой способ может заключаться в самом же труде, когда определенная величина этого труда непосредственно будет измерять и выражать труд, затраченный на вещи в процессе производства. Но этот способ возможен, однако, при полном социализме, когда продукты труда не будут становиться товарами и, следовательно, не будет товарных, а, следовательно, и стоимостных отношений. До тех пор стоимость остается формой выражения и учета затрат труда на товары в переходном хозяйстве. Однако, эта форма является не только стихийной формой и только. Она является сознательно-регулируемой формой выражения труда.

Авторы подошли вплотную к проблеме в этой постановке и даже сформулировали ее. «Меновая форма,— говорят они в другом месте, — остается *одной лишь формой*, лишенной своего специфического рыночного стихийного содержания» (стр. 243). Но, сказав это, они тем самым должны были признать, что стоимость остается общественной формой труда и в обобществленном секторе. Этого они не сделали и тем самым впали в противоречие. Они вынуждены признать товарно-денежные категории в социалистическом секторе, а следовательно, признают, помимо своего желания, стоимость, как общественную форму выражения и учета труда в этом секторе. Закон стоимости, как регулятор, отсутствует в социалистическом секторе. Его место замещает сознательно-плановое регулирование. Но сознательно-плановое регулирование не уничтожает стоимости, как «меры и учетной формы» труда, но пользуется ею, как исторически привычной и исторически выработанной общественной формой меры и учета труда. Меновая стоимость (денежное выражение стоимости, цена) остается формой и способом выражения труда, стоимость остается мерой труда. Если бы этого не было, то не было бы никаких оснований говорить, что в социалистическом секторе сохранилась категория цены, как денежной формы меновой стоимости.

Именно потому, что, во-первых, стоимость остается господствующей формой меры труда в переходном хозяйстве и, во-вторых, действие стоимости, как регулятора хозяйства, замещается сознательно-плановым регулированием в социалистическом секторе, именно поэтому *цена* превращается в «калькуляционный метод бухгалтерии социалистического хозяйства». Именно поэтому меновые пропорции (в количественном отношении) устанавливаются уже не стихийно на рынке волей закона стоимости, а «сознательной априорно-плановой политикой цен, которая берет на себя выполнение этой количественной функции закона ценности» (стр. 259).

Без такой дифференциации вопроса о стоимости в переходном хозяйстве мы не сможем понять все своеобразие и всю особенность этого хозяйства.

Без такого дифференцирования проблемы стоимости в переходную эпоху мы не поймем то указание Маркса на роль стоимости в послекапиталистический период, которое на стр. 389, III тома «Капитала» (ч. 2) гласит следующее:

«По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства *определение стоимости попрежнему продолжает господствовать* в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было».

Мы думаем, что это указание Маркса на роль стоимости в послекапиталистическую эпоху авторами книги недостаточно понято. Отсюда недостаточно понята ими и постановка вопроса о категории стоимости в переходный период. Вот почему они и впадают в противоречия.

5. О постановке проблемы распределения.

Неопровержимо известно, что «организация распределения вполне определяется организацией производства» (Маркс. «Введение» «К критике», стр. 20) и что рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства, от распределения средств производства в обществе — является, по меньшей мере, возвращением назад на столетие. Распределение не может быть рассматриваемо независимо от распределения средств производства. «Всякий раздел средств потребления есть только результат данного раздела самих средств производства»(«К критике Готской программы», 57). Поэтому, когда мы подходим к постановке проблемы распределения в переходный период, мы безусловно должны исходить из того распределения средств производства и из вытекающего из этого момента распределения членов общества по различным родам производства, которые осуществлены в результате Октябрьской революции.

С этого момента совершенно правильно начинают и авторы «Очерков переходной экономики». Но, исходя из совершенно правильного момента, они не доводят такую постановку проблемы до ее логического конца. Трудность разрешения вопроса авторы видят опять-таки в «двойственности» переходной экономики, «в расщеплении между формой и содержанием экономических отношений, проходящем по всей жизни нашего хозяйства» (стр. 272).

«Формы распределения основных средств производства» в переходный период *иные*, чем при капитализме, но «формы распределения дохода» остаются старые, сохраняется «присущая капитализму ценностная форма для категорий распределения дохода» (272).

Здесь именно и заключается, по мнению авторов, главная трудность анализа проблемы распределения. «Сочетание отношений ценностного порядка в сфере распределения национального дохода с социалистическими формами распределения средств производства вместе с тем создает *особые трудности* для анализа всех распределительных категорий в нашем хозяйстве» (стр. 272). «...В этой ценностной форме и лежит вся *трудность анализа* прибавочного продукта в нашем хозяйстве» (стр. 302).

Эта трудность, однако, была бы преодолима, если бы авторы, во-первых, не отрицали стоимости, как общественной формы труда в переходной экономике во всех укладах ее, и, во-вторых, держались в своем дальнейшем анализе этого вопроса того основного принципа, с которого они и начали.

Авторы оставили эти оба момента при детальном анализе форм распределения и перешли к об'яснению видимых на поверхности хозяйственной жизни переходного периода категорий распределения. Но, так как эти категории распределения по форме свойственны и капиталистическому способу производства (см. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 420), так как «процент и прибыль, как формы распределения, подразумевают капитал, как фактор производства», и так как труд определен здесь (при капитализме), как наемный труд, и способ, каким он участвует в распределении, принимает вид заработной платы» («Введение» «К критике», стр. 19),—то весь анализ этих категорий в переходной экономике сводится, в конце-концов, к доказательству и без доказательства известного положения, что «капиталистические категории распределения дохода теряют свою действительность для нашего переходного хозяйства в двух отношениях. Во-первых, коренным образом меняются социально-классовые отношения, выражением которых служат формы дохода. Во-вторых, претерпевает большие изменения, а в известных пределах отмирает количественное определение основных видов дохода, вытекающих из действия закона ценности и ее модификации—цены производства» (стр. 317—318).

Доказать этот тезис не представляется трудным. И тут авторы пошли по линии «наименьшего сопротивления», т.-е. по линии наименьшей трудности, а это означает итти по линии наименьшей теоретической ценности. Проблему распределения в переходный период по этому пути решить нельзя. Брать капиталистические категории распределения и проверять их годность или негодность в переходной экономике—это фактически означает не доходить до сущности вещей. Поэтому мы считаем такой путь анализа проблемы распределения в переходной экономике неверным путем.

Если взять в качестве исходного момента для анализа двухклассовое общество (рабочих соц. сектора и мелкотоварных производителей), т.-е. основное качественное своеобразие переходной экономики, как единства социалистического и мелкотоварного укладов,—то мы будем иметь следующие особенные черты этого «абстрактного типа» переходной экономики. Во-первых, средства производства принадлежат самим производителям. А это означает, что производители—те же потребители, т.-е. они тождественны. И здесь мы имеем в основе непосредственное единство производства и потребления, их тождество. Здесь нет поэтому основы их расхождения, их диспропорции. Если это выражать в условных обозначениях, то мы имеем:

Ср (свои средства производства).

Рс (своя рабочая сила).

Это одинаково верно и для социалистической и для мелкотоварной части. Однако, форма владения средствами производства в этих частях разная: обобществленная и индивидуальная. Так как всякое производство, а следовательно, всякое участие индивидуального производителя в этом производстве при системе общественного разделения труда происходит в определенных общественных условиях и в определенных отношениях производителей друг к другу и ко всему обществу, то «непосредственное присвоение продукта «производителем» не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение» («Введение», стр. 19). И это распределение продукта основывается на том распределении средств производства, которое мы имеем в переходной экономике. В обобществленном секторе как средства

производства, так и весь готовый продукт принадлежат коллективу производителей. Но весь годовой доход «присваивается ими и коллективно и индивидуально. То, что составляет из этого дохода по своей натуральной форме средств производства, это целиком остается, как коллективная, общественная собственность и присваивается коллективно. То, что составляет средства потребления, это распределяется и общественно и индивидуально.

«Весь продукт свободных производителей,—говорит Маркс,—есть общественный продукт. Часть этого продукта, в свою очередь, служит средством производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется отдельными членами союза, как средства существования, следовательно, она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей» («Капитал», т. I, стр. 46). Каждый индивидуальный производитель при общности средств производства может дать обществу только свой труд. Зато, с другой стороны, «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления» («Критика Готской программы», 54).

Но это может быть тогда, когда нет товарных отношений и товарной формы связи между отраслями. Когда же эти отношения еще сохраняются, то та индивидуальная доля, которую получает каждый производитель, принимает форму заработной платы, которая определяет количественно величину этой индивидуальной доли при стоимостной форме учета труда. Эта доля выражается вообще в определенном количестве труда, которое производитель должен получить из совокупного общественного труда. Но так как при товарных отношениях и рыночных условиях, существующих в переходной экономике, труд учитывается, выражается и изменяется, как стоимость, то и индивидуальная доля каждого производителя, как определенное количество труда вообще, выражается как стоимость и, следовательно, как заработная плата, как выражение этой стоимости в деньгах. Заработная плата в общественном секторе есть вообще не что иное, как денежное (стоимостное) выражение индивидуальной доли каждого рабочего. Но эта же заработная плата, как индивидуальная доля, определяет и выражает собою отношение индивидуального рабочего ко всему рабочему классу, как коллективному собственнику средств производства, и, следовательно, всей совокупной продукции производства. Но продукция индивидуального рабочего не ограничивается только индивидуальной долей его, только величиной заработной платы, как формой этой доли. Часть этой продукции идет в собственность всего класса производителей, как общественная доля ее. Прибавочный продукт есть не что иное, как именно общественная доля продукции каждого индивидуального рабочего. Она представляет также определенное количество труда, которое учитывается, выражается и измеряется, как стоимость, и, как таковая, она есть прибавочная стоимость по форме выражения труда, в ней заключенного. Но она в данном случае не является социальной категорией, выражающей отношение владельцев средств производства—капиталистов—и наемных рабочих, а является общественной долей, общей собственностью владельцев средств производства, т.-е. тех же производителей. И поэтому она есть их общественная доля. И в данном случае то, что в этой общественной доле «отнимается у производителя, как частного лица, идет ему на пользу, прямо или косвенно, как члену общества» («Кр. Готск. программы», 52). По своему вещественному составу эта общественная доля главным образом является средствами производства, остающимися общественной собственностью производителей. Но она включает в себя и средства потребления, идущие на общественную форму удовлетворения потребностей производителей (школы, здравоохранение и т. д.) и на содержание служащих государственного аппарата рабочих и их армии.

Таким образом, проблема распределения в обобществленном секторе сводится к проблеме распределения годового дохода на общественную и индивидуальную доли производителей. И в этом, по нашему мнению, и заключается особенность постановки этой проблемы в переходный период. К этой постановке авторы «Очерков» подошли вплотную. «Таким образом,—говорят они,—здесь, в обобществленном участке нашего хозяйства точка зрения классового распределения и борьба за долю в продукте сменяется точкой зрения накопления, раздела вновь произведенной ценности на часть, поступающую в потребление, и часть, составляющую фонд накопления обобществленного хозяйства» (стр. 290. Курсив авторов. *К. Б.*). Эта постановка проблемы вытекает из правильного исходного момента. Но она недостаточно развита, и поэтому проблема не получает развернутой постановки в этом направлении в книге.

Что касается мелкотоварного сектора хозяйства, главным образом крестьянского, то общая постановка распределения сохраняет свою силу и здесь. В мелкотоварном секторе продукция производства принадлежит самим производителям, присваивается ими индивидуально на основе индивидуальной собственности на средства производства. В крестьянском хозяйстве средства производства находятся как в частной форме собственности (сельскохозяйственный инвентарь и другие средства производства, кроме земли), так и в общественной (земля).

Этот характер распределения средств производства и условий труда в крестьянском хозяйстве и определяет распределение дохода крестьянского хозяйства на две части: 1) на часть, получаемую самим крестьянином как владельцем средств производства (инвентарь) и владельцем рабочей силы, и 2) на часть, отходящую в обобществленный сектор хозяйства в силу обобществления земли и в силу необходимости удовлетворения общественных нужд тех же самых крестьян. Таким образом, проблема распределения сводится и здесь к проблеме распределения дохода крестьянского хозяйства на общественную и индивидуальную доли производителей. Правда, здесь в индивидуальную долю попадают и средства производства, поскольку последние находятся в частной форме собственности. Но это не меняет существа постановки вопроса. Искания, догадки и исследования относительно существования или отсутствия ренты (как абсолютной, так и дифференциальной) в переходной экономике без этой общей постановки распределения, по нашему мнению, не могут привести к правильному пониманию отношений в сельском хозяйстве в переходный период. И спор об отсутствии или наличии ренты в переходной экономике вне этой общей постановки превращается по существу в схоластический спор и для теории переходного хозяйства ничего не может дать.

В секторе капитализма эта постановка усложняется, поскольку тут сохраняются в силе старые капиталистические отношения и, следовательно, старые капиталистические распределительные отношения и категории. Однако, общая постановка распределения на общественную и индивидуальную доли производителей и здесь является решающим моментом для распределительных отношений и для их количественного выражения. Борьба идет здесь фактически 1) за индивидуальную долю производителей (за определенный уровень заработной платы рабочих), 2) за присвоение и накопление прибавочной стоимости владельцами средств производства—капиталистами (за определенный уровень прибыли) и 3) за общественную долю производителей, определяемую государством и получаемую последним из присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости (в виде разного рода налогов и т. д.).

Таким образом, общая постановка проблемы распределения в переходной экономике сводится к распределению национального дохода на общественную и индивидуальную доли производителей с той, однако, поправкой, что в капиталистическом секторе в эту общую постановку вклинивается капиталистическая постановка распределения.

Мы имеем, следовательно, иную постановку этой проблемы в переходной экономике. Такая постановка ведет к правильному пониманию и решению проблемы с учетом своеобразия данной системы, что не может дать рассмотрение проблемы только в разрезе капиталистических категорий распределения.

В. Фейгин.

О руководстве советским аппаратом и элементах двоевластия в деревне.

Фактором, не менее дезорганизующим работу советского аппарата, чем излишний централизм и параллелизм, являются противоречия в руководстве низшими органами со стороны высших. Эти противоречия выражаются в том, что по линии различных ведомств даются директивы, противоречащие друг другу, а нередко и основным законоположениям.

Низшие органы, вынужденные осуществлять даваемые директивы, ставятся при этих условиях втупик, среди работников создается растерянность и неуверенность в правильности своих действий; некоторые находят выход в том, что запрашивают высшие органы о том, какой из директив нужно им руководствоваться, а это приводит к бесконечной переписке, задерживающей выполнение мероприятий; другие просто кладут подобные директивы под спуд, руководствуясь в работе своими собственными решениями и соображениями. Но в конечном счете все это порождает в аппарате расхлябанность, путаницу, волокиту и нечеткость в работе.

9 ноября 1927 года Совнаркомом РСФСР было вынесено постановление о сложении с крестьянства задолженности по рядовой семссуде, распределенной из государственного семенного фонда весной 1923 г., осенью 1924 г., а также весной и осенью 1925 г. Эти мероприятия были широко освещены как в печати, так и на собраниях крестьянства.

Вскоре за постановлением правительства последовала раз'яснительная инструкция Наркомзема, в которой губземуправлениям предлагалось производить такой способ складывания задолженности крестьянства по семссуде, который обозначал на деле отмену правительственного решения. Пользуясь тем, что в правительственном постановлении говорится, что суммы, внесенные крестьянством в погашение задолженности, возврату не подлежат, Наркомзем в своей инструкции предложил эти внесенные суммы относить к тем годам, за которые задолженность, согласно постановлению правительства, снималась. Другими словами: если крестьянин должен государству известную сумму денег за семссуду, полученную им в различные годы, и часть этой задолженности он уже ликвидировал, то инструкция НКЗ предлагала эту внесенную часть относить за те годы, за которые задолженность не должна была взыскиваться, с тем, чтобы иметь возможность, прикрываясь законностью, взыскать долги полностью за последующие годы. Для того, чтобы и законность соблюсти и сложенные по закону долги взыскать, инструкция НКЗ предлагает оригинальный порядок взыскания, который выражен в следующих примерах инструкции.

«П р и м е р 1-й. Гражданин имеет задолженность по 1923 г. 10 пуд., осени 1924 г.—12 пуд. и весны 1927 г.—8 пуд., всего—30 пуд. Он внес 20 пуд. Эту уплату надлежит распределить так: 10 пуд. за 1923 г. и 10 пуд. за 1924 г. Таким образом, за ним остается 2 пуда за осень 1924 г. и 8 пудов за весну 1927 г., из коих 2 пуда задолженности от 1924 г. слагается, а 8 пудов от 1927 г. подлежат взысканию.

П р и м е р 2-й. Гражданин должен был за 1923 г. 8 пуд., за весну 1924 г. и 1925 г.—10 пуд. и за осень 1926 г.—4 пуд., а всего 22 пуда. Он внес 14 пудов, которые ему рассчитали: 4 пуда за 1926 г. и 10 пуд. за 1925 г. Таким образом, за ним остался долг 8 пуд. за 1923 г. и в виду сложения с него как бы ничего не причитается.

Такой расчет неправилен и его надлежит исправить следующим образом: 8 пудов рассчитать за 1923 г., а 6 пуд. за 1925 г. Следовательно, за ним останется 4 пуда за 1925 г. и 4 пуда за 1926 г., из них 4 пуда 1925 г. подлежат сложению, а 4 пуда за 1926 г.—взысканию».

В инструкции предлагается (что видно из этих примеров) такой способ распределения по годам внесенной части задолженности, который в значительной мере сводит на-нет решение правительства.

Можно себе представить положение работников советского аппарата, когда им приходилось выполнять директиву Наркомзема после проведенной ими раз'яснительной работы среди крестьянства решения правительства от 9 ноября.

Или такой пример. По постановлению сессии ЦИК 12-го созыва записи актов гражданского состояния: рождений, смертей, браков, разводов и усыновлений, а также выдача первичных удостоверений произведенных записей, должны вестись бесплатно и освобождаться от всяких сборов [1]. НКФ же дает директиву о том, что должны оплачиваться как «первичные выписи, так и последующие и обращения о выдаче их» [2].

Тамбовский губернский административный отдел, на основании постановления сессии ЦИК, дает распоряжение о бесплатном производстве выписей из книг актов гражданского состояния, а губфинотдел, руководствуясь директивой НКФ, дает распоряжение о взимании платы за производство этих выписей. А так как после расширения прав низовых советских органов акты гражданского состояния производятся непосредственно сельсоветами, то бедные председатели и секретари сельсоветов совершенно потеряли голову, и нельзя сказать, чтобы особенно восторженно отнеслись к расширению своих прав.

В Уголовном Кодексе РСФСР предлагается наказание до 1-го м-ца принудительных работ или штраф в размере до 100 руб. за нарушение обязательных постановлений местных органов власти [3]. В собрании же узаконений и распоряжений дается директива за те же виды проступков в сельских местностях карать штрафом не более 10 руб. или двумя неделями принудительных работ. С одной стороны, здесь противоречие, порождающее в аппарате путаницу и неразбериху при разрешении конкретных вопросов подобного характера, а с другой стороны—вторая директива по существу совершенно неправильна.

Очень часто деревенские кулаки злостно обходят и нарушают обязательные постановления. Десятирублевый штраф они вносят без всякого ущерба для своей мошны, а сторублевого штрафа, если руководствоваться не законом, а второй директивой, на них накладывать нельзя.

Основное же, с точки зрения вопроса нас интересующего, заключается в том, что подобные противоречия в директивах дезорганизуют работу советского аппарата.

Число подобных примеров, когда ведомственные распоряжения противоречат основным законоположениям, можно было бы значительно расширить. Но вряд ли в этом есть надобность. Перейдем поэтому к рассмотрению второго вопроса о противоречиях в директивах различных ведомств между собой.

---

[1]) Сборник постановлений 3-й сессии ЦИК 12-го созыва.
[2]) Сборник «Новая система гербового обложения». Издание НКФ СССР.
[3]) Уголовный Кодекс РСФСР. 1926 г.

Большое значение в большинстве губерний и округов Советского Союза играют доходы от побочных лесных пользований.

По этому вопросу Наркомзем дает директиву о том, что «плата за побочные лесные пользования поступает в лесной доход по смете Наркомзема» [1]). Со своей стороны НКФ дает директиву о том, чтобы подобные доходы «подлежат зачислению по местному бюджету» [2]). Дальше, как полагается, местные отделы дают противоречивые указания по своим линиям, и путаница еще более усугубляется.

Приведем еще один пример.

По постановлению пленума верховного суда РСФСР отказ сельских исполнителей от выполнения ими обязанностей должен караться судебным порядком, но ни в коем случае не административным [3]).

Иное говорит директива НКВД.

В ней предлагается начальникам милиции, в случае «неисполнения или ненадлежащего выполнения сельскими исполнителями порученных им заданий... сообщать об этом в подлежащий сельский совет на его распоряжение».

В первой директиве предлагается подобные случаи передавать в суд, а во втором — сельским советам.

Помимо подобного рода неслаженностей в руководстве советским аппаратом, что дезорганизует работу и дезориентирует работников, пагубное действие оказывает также быстрая смена законов и отдельных частей их.

Закон о местных финансах, принятый третьей сессией ВЦИК 12-го созыва в ноябре 1926 года, менялся в своих отдельных частях за период по январь 1928 г., т.-е. за год два месяца, двадцать три раза.

В среднем в месяц приходилось почти по два изменения.

Отдельные месяцы дают в этом отношении рекорд. Так в августе 1927 года было три изменения, в сентябре четыре, в октябре три и в декабре опять четыре.

Отдельные части закона о самогонокурении менялись и дополнялись за период неполных двух месяцев (января и февраля 1928 г.) четыре раза. Изменения происходили как раз в период ударной кампании по хлебозаготовкам. Работа шла в это время на местах чрезвычайно напряженная. Успешность хлебозаготовок зависела во многом от успешности борьбы с самогонокурением, а быстрая смена закона дезорганизовала работу, создавая путаницу, неуверенность работников в правильности своих действий и отражаясь, в конечном счете, на проведении кампании по хлебозаготовкам.

Закон о самообложении, игравший исключительно важную роль в период хлебозаготовок, помимо того, что несколько раз изменялся и дополнялся, был еще к тому же крайне противоречив.

В августе 1928 г. в постановлении ЦИК СССР дается директива о том, чтобы считать действительными лишь те собрания крестьян, созываемых с целью проведения закона о самообложении, на которых присутствует не менее половины общего числа граждан, имеющих избирательные права. Действительность вторичного собрания в случае, если первое не состоялось, закон определяет присутствием на собрании не менее трети общего числа граждан. В этом же законе говорится о том, что размер самообложения не может превышать 35% общей суммы единого сельхозналога, причитающегося с хозяйств данного селения.

Эти постановления были развиты и конкретизированы ВЦИК в его решении от 7 января 1928 года, с внесением изменения вполне правильного по существу, но противоречащего постановлению ЦИК СССР.

---

[1]) «С.-Х. Жизнь» № 52.

[2]) Отношение НКФ в Тамбовский ГФО от 26 октября 1927 г.

[3]) Еженедельник Советской Юстиции № 44 от 1926 г.

В первом постановлении говорится о том, что повторное собрание считается действительным при условии присутствия на нем не менее одной трети общего числа граждан, а в решении ВЦИК говорится о том, что повторное собрание считается действительным при любом числе граждан.

Спустя двадцать дней ВЦИК и СНК РСФСР вносят в свое постановление изменение, по которому исполнительным комитетам областей, губерний и округов разрешается удовлетворять ходатайства населения и низовых органов власти об увеличении предельных сумм самообложения и свыше 35%. Это изменение также правильно по существу. В ряде губерний и районов, где был низок размер сельхозналога, от самообложения получались ничтожные суммы, на которые невозможно было сколько-нибудь серьезно ускорить культурное строительство деревни. Но изменение это было произведено лишь тогда, когда в ряде районов заканчивалась работа по самообложению. Раз'яснительная же работа была проведена повсюду. При этих условиях новое изменение заставляло работников вновь проводить собрания и об'яснять, опровергая самих себя, что можно производить самообложение и на суммы свыше 35% сельхозналога.

Все это вносило в работу огромные затруднения.

Всего за период пяти недель в законе о самообложении было пять изменений, создавших, в условиях напряженной работы в период хлебозаготовок, ряд трудностей.

Положение, обрисованное нами, не является присущим лишь высшим правительственным учреждениям. Такое же положение и на местах.

Приведем несколько примеров, относящихся к Тамбовской губ.:

В январе настоящего года тамбовским Губсельбанком была дана директива о порядке использования восстановленческих кредитов и фондов кредитования деревенской бедноты.

Партийная линия по этому вопросу всем известна и поэтому останавливаться на ней нет смысла. В директиве же Губсельбанка кредиты на рабскот предлагается выдавать лишь тем хозяйствам, которые имеют не менее 4-х десятин земли. Приведем подлинную мотивировку этой директивы. «Во избежание неполного использования лошади, с одной стороны,—говорится в ней,—и уверенности в возможности получения достаточного количества кормов—с другой, кредитовать на рабскот следует, как правило, только лишь хозяйства с земельным наделом свыше 4-х десятин».

В этом случае мы имеем не простое противоречие, но искривление классовой линии, ибо запретить выдавать кредит хозяйствам с наделом менее 4-х десятин земли, это обозначает в условиях Тамбовской губ. передать фонды бедноты середнячеству и кулачеству.

Подобного же рода противоречие, обозначающее искривление классовой линии, мы имеем и по партийной линии.

Тамбовский губком дает вполне правильную директиву о том, что при проведении взыскания сумм от самообложения нужно оказывать максимум льготных условий бедноте. Борисоглебский же уком дает директиву совсем иного характера. В ней говорится следующее. «Активнее приступайте к взиманию платежей по самообложению. Взыскивайте в первую очередь с маломощных хозяйств, дабы дать возможность просрочиться зажиточно-кулацкой части населения, а потом приступить к взысканию с них платежей на основе наших пролетарских законов» [1]). Замысел здесь такой: не напо-

---

[1]) Было бы неправильно на основании этих отдельных ошибок, впоследствии исправленных, делать вывод об искривлении партийной линии в тамбовской организации. Обследование ЦКК—РКИ тамб. организ., в частности Борисоглебского уезда, показало, что линия велась партийными организациями в общем правильно, а в период хлебозаготовок вся организация, и в особенности борисоглебская, проявила максимум энергии и высокое качество работы.

минать кулаку, что он должен вносить причитающуюся с него сумму по самообложению для того, чтобы иметь потом возможность на законном основании налагать на него штрафы. Это тоже неправильно. Но углубление этой ошибки удесятерило ее. Если не взыскивать задолженности в первую очередь с кулака, то, естественно, нужно ее взыскивать с остальных слоев деревни. Об этом и говорит директива укома. Кулак, как показала действительность, на эту удочку не поддался, а бедняк и маломощный середняк не мало пострадали, за период до исправления ошибки от такого рода «льгот».

Подобного рода противоречия, основанные на искривлении линии, имеются и по кооперативной системе.

Борисоглебский уисполком дает кооперации директиву о том, чтобы «дефицитные промтовары отпускать только членам-пайщикам». По кооперативной же линии дается директива о том, чтобы «промтовары отпускать сдатчикам хлеба, сообразно с количеством сданного хлеба. До удовлетворения промтоварами сдатчиков хлеба отпуск товаров не производить». Первая директива вполне правильна. Во втором же случае директива предлагает обратное: продавать товары лишь тем, кто сдает хлеб и в количестве, пропорциональном сданному хлебу. Таким образом, пайщик-бедняк по этой директиве не имеет права на получение товаров, а кулак, хотя бы и не состоял пайщиком, получает товары и к тому же в таком количестве, в каком не сможет получить ни бедняк, ни середняк, обладающие обычно небольшими запасами хлеба, а подчас не имеющие их вовсе.

Таков первый род противоречий в директивах местных органов, что нужно отнести не только за счет организационной неувязки отдельных звеньев нашего аппарата, но и за счет неправильного понимания и искривления партийной линии.

Второй род противоречий вытекает из организационной неувязки работы отдельных органов.

Так, например, Тамбовский губсельбанк установил лимит на одну лошадь в размере не свыше 180 руб.: по линии же зем. управления сначала был установлен лимит в размере 150 руб., а потом снижен до 125 руб. В этой каше низовые работники совершенно не в силах были разобраться и или действовали на свой страх и риск, или же затевали бесконечную переписку, дезорганизующую живое дело.

По линии административного отдела в ноябре истекшего года дано было распоряжение о том, что премирование работников милиции за борьбу с самогонокурением отменяется, в декабре же административный отдел предлагает производить премиоование работников милиции, проявивших наибольшую активность в борьбе с самогонокурением.

Немало имеется противоречий и по линии губернских и уездных органов. Приведем один из таких фактов.

Тамбовский губисполком в ноябре прошлого года категорически предложил запретить земельным обществам сдачу в аренду общественных земель для проведения землеустройства. Об'ясняется это тем, что землеустройство бедняцких хозяйств государство взяло на себя. Поэтому сдача общественных земель в аренду и использование этих сумм для проведения землеустройства является выгодной лишь для середнячества и кулачества. А между тем в общественную землю входит часть и бедняцких земель. На деле получилось так, что кулаки и середняки землеустраивались не только за счет той части земель, которая в общественной земле приходится на их долю, но и за счет части, приходящейся на долю бедноты, а эта часть нередко доходит до 30—40% общих размеров общественных земель. Губисполкомом, с целью прекращения подобного использования имущими слоями деревни ресурсов, принадлежащих бедноте, была дана директива, воспрещающая производство таких сделок.

Борисоглебский же уисполком по своей линии дал распоряжение, разрешающее фактически использование подобных приемов землеустройства.

Вряд ли есть необходимость умножать число таких примеров. Думается, что и приведенных достаточно для характеристики больных сторон нашего руководства.

Что является одной из причин расхлябанности и нечеткости в работе советского аппарата, что особенно рельефно обнаружено первоначальным периодом хода хлебозаготовок? Несомненно, что одной из существенных причин является неналаженность в руководстве высших органов низшими. В силу этого работники местного аппарата, в особенности низового, в своей практической деятельности становились все более нерешительными и неуверенными в правильности своих действий. Противоречия в руководстве и быстрая меняемость законов приучала их к расхлябанности, выражающейся в подмене живого дела бумажной перепиской. А в период начала хлебозаготовок все это сказалось в концентрированном виде. К ряду причин, вызвавших затруднения в хлебозаготовках и нашедших освещение в нашей печати (поэтому мы их не касаемся) следует отнести и ту, которая нами освещена.

Нам думается, что исправить имеющиеся недочеты в руководстве, возможно лишь путем установления контроля правительственных органов за наиболее важными директивами, даваемыми отдельными ведомствами. На местах же эту функцию контроля должны нести президиумы исполнительных комитетов. Над организационной стороной этого вопроса следует подумать.

Перейдем теперь к освещению второго вопроса—о земельных обществах и сельсоветах. Если противоречивость в руководстве советским аппаратом оказывает дезорганизующее действие на его работу, то не менее дезорганизующую роль играет факт наличия в деревне элементов двоевластия.

Статья тов. Здановича в № 6 «Большевика», посвященная обсуждению вопроса о земельных обществах и сельских советах, не только не раз'ясняет вопроса, но затуманивает его, спутывая в какую-то вермишель все понятия и факты.

Сельсоветы и земельные общества.

Исходным пунктом утверждений тов. Здановича о необходимости сохранения земельных обществ, является отождествление земельных обществ с земельными общинами.

Вполне понятно, что, поскольку т. Зданович проводит знак равенства между земельными обществами и общинами, то точка зрения, считающая необходимой взять курс на ликвидацию земельных обществ истолковывается им, как течение, требующее уничтожения сохранившегося до сего времени общинного землепользования. Аргументация т. Здановича о необходимости сохранения земельных обществ сводится к защите общин. Против последнего, т.-е. сохранения до поры до времени общин, никто возражать не собирается. Несомненно, что коллективизации сельского хозяйства более благоприятствует общинное землепользование, чем хуторское. Но ведь община не есть земельное общество.

Что такое община? Это особый тип хозяйственной организации. А что такое земельное общество? Это форма управления (в известных пределах) данным типом хозяйственной организации.

Спутывать эти два понятия—это все равно, что смешать фабрику, являющуюся определенным типом хозяйственной организации, с правлением данной фабрики, являющимся лишь формой управления хозяйственным предприятием.

Если бы мы сумели придумать более идеальные формы руководства фабрикой, чем существующие, и требовали поэтому замены фабричных правлений иными органами управления, то это отнюдь не означало бы требования уничтожения фабрик вообще.

Человека, который именно таким образом попытался бы истолковать данное предложение, подняли бы на смех.

Тов. Зданович в своей аргументации применяет имено такой способ защиты своей точки зрения. Он отождествляет земельное общество с общиной—форму управления с хозяйственной организацией и, базируясь на этом, истолковывает точку зрения своих противников, как взгляд, требующий уничтожения общины, требующий насилия над середняком (стр. 43 и 47) и пр.

Одним словом, применен метод запутывания вопроса, а не раз'яснения его. К тому же тов. Зданович счел нужным подкрепить свою аргументацию авторитетом Энгельса, Ленина, Сталина и XVI партконференции Московской организации.

Что говорит Энгельс в той цитате, которую приводит тов. Зданович? (стр. 43). Он говорит, что после революции на Западе русская община, если она до того времени сохранится может послужить переходом «крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной». О чем идет здесь речь? Об общине, об особом типе хозяйственной организации.

Что говорит Ленин в цитате, приведенной тов. Здановичем? (стр. 47).

Он говорит о том, что «нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства». Опять речь идет о хозяйственных отношениях, а не о надстройке, регулирующей эти хозяйственные отношения.

Что говорит тов. Сталин в цитате, приведенной в статье тов. Зданович?

Он говорит, что «вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины, на ряду с другими мероприятиями, в целях социалистического переустройства сельского хозяйства». И в этом случае речь идет об использовании, имеющегося типа хозяйственной организации, в целях переведения ее на более высокую ступень развития. Но и речи здесь нет о том, что с этой задачей может справиться та форма управления общиной, каковой является земельное общество.

Что говорилось по этому вопросу на Московской конференции. Тов. Бауман в своем докладе констатировал, что в Московской губ. преобладающей формой землепользования является общинная.

Все эти авторитетные, основанные на учете реальной обстановки, мнения, тов. Зданович истолковывает, как аргументацию в защиту сохранения земельных обществ.

Но ведь во всех приведенных цитатах говорится о совершенно другой опере,—говорится лишь о возможности использования общины, как и иных типов хозяйственной организации, в целях социалистической перестройки народного хозяйства. Ну, а если имеющаяся форма общинного управления в лице земельных обществ тормозит эту работу по перестройке,—как с ней поступить? Стараться ее сохранить, или пытаться реорганизовать, или вовсе взять курс на полную ликвидацию данной формы управления, заменив ее другой. Только так стоит вопрос.

Ответ на него можно получить, выяснив роль земельных обществ в современной деревне.

В чем выражаются отрицательные стороны существования земельных обществ? В том, что они, при наличии органов власти в деревне, в лице советов, являются вторым органом власти. Даже, если земельные общества, под давлением деревенской общественности и партийных организаций, проводят те или иные полезные деревне мероприятия, то и при этих условиях это делается за счет умаления престижа совета. В том случае, если бы сельсоветы обладали теми функциями, которые несут в настоящее время земельные общества, проведение этих полезных мероприятий выполнялось бы сельсоветами и подымало бы престиж органов диктатуры пролетариата, а не органов,

тормозящих при обострении классовой борьбы в деревне (о чем дальше) мероприятия диктатуры.

Мы поэтому поставим вопрос в несколько иную плоскость, нежели тов. Зданович, делающий на основании пары газетных заметок вывод о прогрессивной роли земельных обществ, или тов. Кубанин, приходящий к обратному выводу на основании таких же источников. Вопрос нужно ставить политически. Мы со времени 1925 года не имели в деревне серьезных хозяйственных затруднений. В конце прошлого года и в начале настоящего мы имели серьезные затруднения в хлебозаготовках. В этот период обострившейся классовой борьбы в деревне сказалось, во-первых, то, что выборные органы земельных обществ, пользующиеся в деревне большим авторитетом, благодаря тем функциям власти, которые они несут до сих пор, оказывали очень часто то скрытое, то открытое сопротивление проведению наших мероприятий, и, во-вторых, то, что в деревне существуют две группы организованного актива: актива, об'единяющегося вокруг работы советов, и актива, воспитавшегося и организовавшегося на работе земельных обществ. Это было констатировано в период работы по хлебозаготовкам вначале Борисоглебским укомом ВКП, а затем Тамбовским губкомом. В резолюции последнего говорится по этому вопросу следующее: «Бюро констатирует наличие в деревне двух групп актива: актива, организованного вокруг сельсоветов, и ячеек, и актива, стихийно организующегося вокруг земельных обществ. Эта последняя группа актива сотоит в части своей из антисоветских элементов, а в другой части из активных крестьян, которые могут быть вовлечены, при известных условиях, в советский актив». Об этих условиях мы поговорим позже, а теперь отметим лишь то, что элементы двоевластия в деревне привели к наличию двух групп актива.

Создался ли актив земельных обществ в период хлебозаготовок, или до него? Несомненно, что процесс выделения из крестьянской массы наиболее активных деятелей происходил уже долгий период времени. Часть этих крестьян-общественников организовалась вокруг советов, другая часть об'единялась вокруг земельных обществ. Этот последний процесс проходил незаметно для глаза вплоть до обострения классовой борьбы в деревне, а в этот период сказалось, что существует кадр деятельных и влиятельных людей, воспитавшихся на разрешении земельных вопросов данного села, на защите интересов имущих слоев крестьянства от требований государственной власти и приобревших на этой деятельности большой авторитет и влияние в значительной части деревни.

Эта группа крестьян переросла на разрешении и обсуждении земельных и тяжебных вопросов, а также нужд села, остальную массу крестьян. Во главе этой группы стоят ходоки, различного рода уполномоченные и доморощенные землемеры, среди которых имеется много честных и лойально относящихся к власти элементов, но и немало авантюристов, мироедов и просто антисоветских людей.

Получивши авторитет на разрешение земельных и тяжебных вопросов, она пользуется авторитетом среди широких слоев населения и во всех других направлениях. Это и было использовано ею в период кризиса хлебозаготовок. Против мероприятий советской власти во время хлебозаготовок она выступала обычно очень умно и осторожно.

Попавших под действие 107 ст. мельников эти активисты не защищали, но распинались в том, что беднякам и середнякам негде рожь молоть, они не защищали и кулаков-маслобойщиков, но припускали слезу по поводу того, что бедняк и середняк не имеют на масленицу масла к блинам из-за невозможности перегнать в масло подсолнух. Этот актив с удовольствием берет, обычно, под свою защиту бедноту, когда ее заставляет государственная власть выплачивать недоимки и прошлую задолженность, но молчит или оспа-

ривает доводы, когда приводишь факты решений земельных обществ, идущих в разрез с интересами бедноты. Проделывает это он очень часто не без успеха. Замалчивая об эксплоатации бедноты со стороны кулачества или представляя это, как благодеяние, идущее на пользу бедноте, он зато с удвоенной яростью распинается за бедноту, если на нее происходит хоть маленький нажим со стороны власти. И нередко он берет этим бедноту на буксир. Бывшее до сих пор у всех нас представление о том, что в деревне имеется лишь одна группа актива, организованного вокруг советов и ячеек является неправильным. В деревне имеются две группы актива, и очень часто актив земельных обществ пользуется бо́льшим влиянием и состоит из более деловых людей, чем группа советского актива.

Этот актив, легально существующий и воспитавшийся на разрешении типичных крестьянских вопросов и на защите интересов деревни, выполняет функции крестьянского союза и, несомненно, служит зародышем его. Так ли это? Дабы не быть голословным, приведем данные о круге вопросов, разрешаемых выборными лицами и активом земельных обществ.

Очень значительное место в этом круге вопросов занимают вопросы защиты крестьянства, взаимопомощи и местные тяжебные.

Активисты посылаются уполномоченными и ходатаями в суды, посылаются ходатаями в прокуратуру республики, в земельные органы, в правительство и т. д. Общество поручает им производить семейные разделы граждан данного села: матери с сыном, жены с мужем и пр.

Активисты вносят на общие собрания и защищают предложения об оказании помощи сиротам, гражданам, потерявшим трудоспособность и пр. Они распределяют, с полномочия общества, леса, луга, огороды, приобретают семена, проводят домашним путем, а иногда и не домашним, землеустройство.

В период хлебозаготовительной кампании они очень часто, с полномочия общества, отправлялись в губернию и центр в качестве ходоков с различными ходатайствами.

Каждое общество имеет такую группу своих активистов, которые, как коллектив, в значительной мере выполняют функции крестьянского союза.

Таков нужно сделать вывод, если видеть процессы, происходящие в деревне, и не прятать лица под крылышко.

Мы имеем, таким образом, в деревне, помимо советского актива, актив земельных обществ, являющийся зародышем крестьянского союза, мы имеем, с другой стороны, в лице земельных обществ и их земельных уполномоченных орган власти, узаконенный нашими же законами. По раз'яснению Наркомзема от 17 августа 1926 г., сельсоветы не имеют права вмешиваться в дела земельных обществ. Земельное законодательство дает обществам право юридического лица при том условии, что сельсоветы этого права не имеют. Земельные общества пользуются правом об'единяться в союзы, а следовательно, это право имеет и актив земельных обществ, получая, таким образом, возможность из зародыша крестьянского союза превращаться в более обширную и могучую организацию.

Земельные общества пользуются правом самостоятельно разрешать самый разнообразный цикл земельных вопросов, тем самым выбивая это поле деятельности у сельсоветов.

В результате престиж земельных обществ в деревне очень часто выше, чем сельсоветов, и активная часть деревни с большим интересом участвует в работе земельных обществ, чем в работе советов. Это и является основной причиной неработоспособности секций сельсоветов в противоположность группам актива земельных обществ. Достаточно посмотреть на тот круг вопросов, которые разрешают земельные общества и сельсоветы, чтобы понять причины группирования вокруг работы земельных обществ значительной части деревенского актива, наличия в обществах финансовой базы и того

факта, что земельные общества являются вторым органом деревенской власти. А, с другой стороны, станет ясной причина слабости работы секций сельсоветов и пленумов.

Приведем данные НК РКИ, явившиеся результатом обследования свыше 120 сельсоветов и обществ.

Круг вопросов, рассмотренных сельсоветами:

	За 1924 г.	За 1926/27 г.
Административно-финансовых и организационных	60,9%	37%
Культурных	16,0%	20%
Хозяйственно-земельн.	23,9%	23%

Со времени 1924 г. изменений в отношении передвижки работы сельсоветов от администрирования к разрешению местных хозяйственных вопросов не произошло. Между тем во всех вышестоящих инстанциях советов такой сдвиг произошел. Такое положение в сельсоветах об'ясняется наличием в деревне второго органа власти, переносящего центр тяжести в работе на разрешение земельно-хозяйственных вопросов.

По данным НК РКИ, на долю земельных вопросов, разрешенных в 26/27 г. обществами, падает не менее 50%, просвещения, здравоохранения и взаимопомощи—9%, благоустройства—8% и т. д.

Такова частью узаконенная, а частью захватная функция второго органа власти. Само собой понятно, что именно к этому органу, разрешающему наиболее актуальные вопросы строительства деревни, тяготеют активные элементы крестьянства. А тот факт, что функциями земельных обществ является разрешение вопросов, затрагивающих кровные интересы крестьянства, как-то: вопросов выделов, переделов, землеустройства, использования общественной земли, взаимопомощи и пр.,—этот факт делает общества органами власти, а должностных и доверенных лиц их людьми, играющими на селе первостепенную роль.

Выгодно ли пролетариату, возглавляющему в нашей стране диктатуру, чтобы в деревне на ряду с ячейками его власти существовали иные ячейки власти, представляющие собой в зародышевом состоянии иные классы? Выгодно ли пролетариату, чтобы на ряду с группами деревенского актива, работающего под руководством советов, создавались зародышевые группы крестьянских союзов? Думается, что нет.

Вот почему, если ставить вопрос в принципиальную плоскость, необходимо признать обязательным взятие курса на ликвидацию земельных обществ. Тамбовский губком ВКП подробно рассмотрев этот вопрос, выяснив роль земельных обществ, их выборных органов и их актива в хлебозаготовительную кампанию, вынес следующее решение:

«Бюро губкома обращает внимание НК РКИ на необходимость изменения законодательства в отношении земельных обществ по линии:

а) Лишения прав участия в земельных обществах лиц, лишенных избирательных прав.

б) Лишения земельных обществ прав на создание постоянно действующих выборных органов.

в) Лишения прав на монопольное разрешение ими ряда земельных дел.

г) Сужения базы самостоятельных доходных источников.

д) Оставления за ними лишь совещательных функций.

Эти права земельных обществ в законодательном порядке передать сельсоветам. Проведение этих мероприятий должно послужить началом отмирания земельных обществ, на что бюро губкома считает необходимым взять курс».

Такой вывод сделал Тамбовский губком из подытоживания результатов хлебозаготовительной кампании.

Но какую форму управления общиной противопоставить земельным обществам? Эта форма уже создана Октябрем. Это—советы и их секции. Но, несомненно, правы те товарищи, которые считают, что, при теперешнем положении, сельсоветы не сумеют охватить эту работу. А одних законодательных мер для ликвидации в деревне двоевластия мало.

Чем сильны земельные общества? Они сильны тем, что районы их деятельности ограничиваются районами хозяйственного и территориального расположения данных общин, т.-е. тем, что каждое общество обслуживает свою общину, соприкасаясь с другими лишь постольку, поскольку это необходимо в интересах своей общины. В силу такого ограничения деятельности, земельное общество имеет возможность полностью охватывать хозяйственную и всякую иную деятельность своей общины и ее граждан.

Между тем, на территории, охватываемой работой сельсоветов, имеется несколько общин, нередко более десятка с населением по 10—12 тысяч, и естественно, что сельсоветы не могут в той мере, как общество, его актив и выборные органы, обслужить нужды населения.

Какой выход из этого положения?

Выход есть. Если бы сельсоветы реорганизовали свои секции таким образом, чтобы каждая однотипная секция—примерно сельскохозяйственная, или благоустройства—разбилась на подсекции и на такое число их, какое количество в данной станице или селе имеется общин, то эти подсекции, под общим руководством сельсовета и его уполномоченных, сумели бы, с течением времени, охватить работу обществ, впитать в себя лойально относящуюся к советам часть актива земельных обществ и в результате вытеснить земельные общества. Здесь может быть следующее возражение: земельные общества это—форма управления общиной, посредством общего собрания граждан. Вы предполагаете, таким образом, заменить решения общих собраний граждан решениями секций советов, санкционированными сельсоветами или их президиумами.

Кто рассуждает так, тот не знает действительной внутренней механики работы земельных обществ. Как разрешаются на них вопросы? Заранее они подготовляются различного рода уполномоченными и представляются уже в подготовленном виде обсуждению обществ. Подготовка ведется не таким способом, как в наших учреждениях—заседаниями, составлением заранее резолюций, тезисов и пр. Техника не та, но существо вопроса то же. Тот или иной уполномоченный вносит предложение, подготовив заранее для «крепости» факты, и затем оно или одобряется или отклоняется общим собранием. Вот эту работу, которую несут в настоящее время выборные лица обществ и их актив, должны выполнять реорганизованные секции советов. А реорганизовать их необходимо, разделив на подсекции, для того, чтобы каждая подсекция могла вплотную подойти к разрешению вопросов данной общины, не отвлекаясь ничем иным.

После вынесения того или иного решения, с одобрения сельсовета или его президиума, такого рода подсекция предлагает это решение обсуждению общего собрания. Вот и все.

Изменение здесь с точки зрения крестьянина произойдет лишь то, что те функции, которые несли прежде его выборные лица, сейчас будут нести секции советов и выборные члены сельсовета. Никакого насилия здесь не будет, и несомненно, что такого рода изменение будет одобрено большинством крестьянства, ибо при этих условиях будет легче бороться с взяткой и пьянством, чем теперь, когда крупнейшие вопросы вырешаются очень часто кулацкими подпевалами, авантюристами и мироедами. По ряду вопросов сходам должен быть предоставлен решающий голос, а по основным вопросам—совещательный. рестьянин-середняк и бедняк, в массе своей, и это мероприятие примет доброжелательно, ибо он—практик и отлично понимает, что ему выгодно решающий голос предоставить органам, ведущим классовую политику, в том случае, если они действительно будут ее вести.

Этим мероприятием достигается, при соответствующем изменении законодательства, во-первых, ликвидация двоевластия в деревне, во-вторых, вовлечение наиболее активных элементов деревни в работу советов и тем самым ликвидация особых групп актива земельных обществ, в-третьих, оживление работы секций сельсоветов, в-четвертых, большая возможность проведения пролетарской классовой политики в деревне и, в-пятых, подведение под сельсоветы той материальной базы, которой пользовались до сих пор общества.

Этот вопрос был серьезно обсужден Тамбовским губкомом, и им было вынесено следующее решение:

«В целях охвата сельсоветами и выполнения ими работы, ведущейся до сих пор земельными обществами, считать необходимым произвести реорганизацию секций сельсоветов (сельскохозяйственной и благоустройства в первую очередь). Реорганизация эта должна выразиться в разделении секций на такое число подсекций, какое количество земельных обществ расположено на территории данного сельсовета, с тем, чтобы каждая из этих подсекций сумела вобрать в себя наиболее активные элементы земельных обществ и разрешать тот круг наиболее актуальных вопросов, которые до сих пор вырешаются земельными обществами. Это будет, с одной стороны, способствовать подведению под сельсоветы той материальной базы, которой пользуются до сих пор земельные общества, а, с другой стороны, действительному оживлению работы сельсоветов и их секций». Дальше в решении бюро губкома говорится о том, что лойально относящаяся к власти часть актива земельных обществ «должна быть вовлечена в реорганизованные секции с таким расчетом, чтобы каждая подсекция, выполняющая в данной сотне (общине) села функции земельного общества, вобрала в себя наиболее активную часть данных земельных обществ».

Это вполне правильное решение, основанное на изучении опыта работы и классовой борьбы в условиях хлебозаготовок, должно быть принято и осуществлено партией.

Г. Ломов.

К вопросу об оживлении рудничных советов[1]).

Последний пленум ЦК ВКП в резолюции о шахтинском деле указал на необходимость всемерного укрепления рудсоветов в Донбассе, роль которых в настоящее время весьма сужена.

Это положение наблюдается не только в одном Донбассе с его 400 тыс. рабочих, но и в других рабочих районах (например, Урал), хотя и в несколько ослабленной степени. Поэтому вопрос о расширении прав рудничных советов имеет интерес не только для Донбасса, но и значительно более широкий.

Рудничные советы в Донбассе были воссозданы в 1925 году. Однако, надо открыто признать, что в течение 3-х лет, прошедших с тех пор, они лишь влачат существование. Призванные быть местным органом власти, они фактически существуют без ясно определенных функций, без средств и аппарата. Такое исключительное безличие их об'ясняется специфическими условиями, в которых им приходится развивать свою деятельность.

Многочисленное население рудничных поселков Донбасса почти сплошь состоит из рудничных, а в некоторых пунктах заводских рабочих и их семей. Их жизнь, их быт не только в смысле места работы и высоты заработка, но и в смысле забот о благоустройстве, санитарии, в смысле снабжения жилищем и оказания целого ряда услуг, не исключая обучения детей в школах горнопромышленного ученичества, почти целиком охватывается и определяется хозорганом и профсоюзом.

Это обстоятельство не могло не привести, прежде всего, к сужению функций рудсоветов, а равным образом и к сужению финансовой базы их. Уже при самой своей организации рудсоветы осуждены были хиреть в роли придаточного и малокровного административного органа и до сих пор не могли прочно стать на ноги.

Ненормальным явлением далее следует считать полную оторванность от рудсоветов тех учреждений, которые существуют на средства риков и окрисполкомов и призваны обслуживать жизнь и быт рудничных рабочих. К ним относятся советские учреждения по линии народного образования, как-то: семилетки, ликпункты, курсы и т. д., по линии рабочей медицины—больницы, поликлиники и проч., по линии труда—инспекция труда, страховые пункты, биржи труда. Эти учреждения существуют и работают на основе преподанных из центра плана и сметы. Фактическое положение таково, что рудсоветы лишены всякой возможности в какой бы то ни было степени влиять на работу этих учреждений, в той или иной мере в ней участвовать.

Хозяйственная деятельность рудсоветов также чрезвычайно узка. Предприятия, расположенные на территории, охватываемой рудсоветом, управляются из центра, и рудсовет к ним никакого касательства, в смысле какого бы то ни было участия в жизни этих предприятий, не имеет.

[1]) В составлении настоящей статьи, проработке и подборе материала принимали участие тт. Юнов и Ножницкая.

Естественно, источник финансирования в значительной степени предопределяет и руководство со стороны соответствующих организаций: со стороны окр. и райисполкомов, со стороны рудоуправлений и Донугля. Кроме того, следует учесть, что поскольку все эти учреждения на территории поселка призваны обслуживать почти исключительно трудящихся рудоуправления и членов их семей, постольку организация общественного контроля и руководства так же, как и выдвижение руководящего состава в эти учреждения, осуществляется местными профорганизациями, разумеется, под общим руководством парторганизаций.

Таким образом, при теперешнем положении в пределы компетенции рудсоветов фактически входит лишь руководство и заведывание всеми теми вопросами, которые обслуживают все население поселка. Сюда входит заведывание загсом, собесом, базаром, использование проммилиции для соблюдения общественного порядка, производство судебного расследования и т. п. Кстати сказать, совмещение функций госмилиции с проммилицией является весьма ненормальным, так как проммилиции зачастую приходится на рудниках выступать в роли агентов следственных или карательных органов или вообще в роли представителя власти в отношении тех лиц, которым она подчинена при отправлении своих обязанностей по охране рудоуправлений.

Ограниченность задач и функций рудсоветов, отсутствие прочной материальной базы и отдаленность от рабочей массы, от ее экономики и быта вызвала со стороны трудящихся в поселках безразличное, формальное отношение к работе рудсоветов и отсюда — пониженную активность при выборах в них.

Это положение является ненормальным не только в силу политических соображений, которые сами по себе весьма вески, но также и потому, что развернутая деятельность рудсоветов может дать плодотворные результаты в практической работе по организации обслуживания быта трудящихся, вызывая и направляя самодеятельность рабочих по линии советского строительства.

Оживление деятельности рудсоветов могло бы привести к частичной разгрузке рудоуправлений от ряда функций, неразрывно не связанных с производственной работой и выполняемых ими скорее вследствие сложившейся традиции: санитария, охрана общественного порядка, благоустройство и проч. В дальнейшем полагаю возможной передачу им и жилищного фонда, целиком или отчасти, со всей совокупностью задач, с этим связанных.

Содержание работы советов, состав и качество их работников зависит от суммы и характера предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. Условия, необходимые для оживления рудсоветов, вернее, являющиеся основным базисом, на котором может развернуться деятельность рудсоветов, следующие:

1. Разграничение функций в обслуживании жизни и быта рабочих между рудсоветами и рудоуправлениями, с одной стороны, и определение круга ведения рудсоветов в отношении советских учреждений, существующих по централизованной смете и плану, с другой стороны.

2. Обеспечение материальной базы—самостоятельного бюджета, который мог бы в значительной мере питаться из поступлений от новых об'ектов, переданных в ведение рудничных советов.

3. Создание соответствующего аппарата в рудсоветах для возможности охвата предстоящей работы.

Уточнение и дальнейшее расширение функций рудсоветов, естественно, не должно привести к ухудшению или затруднению про-

изводственной деятельности рудоуправлений. Поэтому следует признать неправильными и вредными кое-где высказывавшиеся мнения о целесообразности передачи рудсоветам всех видов обслуживания населения комуслугами, сосредоточенными до сих пор в ведении рудоуправлений. Такая точка зрения неправильна, так как такие установки, как электростанция, водопровод, насосные станции и проч., имеют своей задачей обслуживание шахт и различных силовых установок. Передача этих средств рудсоветам явилась бы угрозой планомерной и бесперебойной деятельности хозяйственных предприятий, для которых они сооружены и для которых сооружены и организованы самые поселки.

Передача жилищного фонда рудоуправлений рудничным советам—на ряду с гарантией для промышленности права и возможности влиять на заселение квартир в целях правильного и бесперебойного обслуживания промышленности—имеет безусловной своей предпосылкой также переход на платность коммунальных услуг.

Это—большая проблема, вполне осуществимая уже сейчас, и так как она является первым шагом к намечаемому привлечению рудничных советов к ведению жилищным фондом и к жилищному строительству, позволю себе сделать отступление и наметить основные начала предполагаемой реформы.

1. Переход на платность коммунальных услуг не должен затронуть интересов трудящихся в целом. Все суммы, которые трудящимся придется платить за коммунальные услуги, должны быть возвращены им в виде процентного повышения зарплаты.

2. При переходе на платность необходимо стремиться к тому, чтобы колебания бюджета каждого трудящегося в отдельности, в особенности трудящихся низших и средних групп, было минимальное.

Это может быть достигнуто, если процентная прибавка отдельным по зарплате группам будет соответствовать сумме, которую группе придется платить за коммунальные услуги. Этого равенства в отношении отдельных лиц практически достигнуть невозможно, ибо нельзя установить для каждого индивидуальную квартирную ставку.

3. При полном соответствии процентной прибавки и платы за коммунальные услуги у отдельных групп от перехода на платность проиграют те трудящиеся, которые занимают площадь, большую средней для данной группы, и выиграют те, которые занимают площадь, меньшую средней для данной группы.

Переход на платность, таким образом, исправит ту неравномерность распределения жилплощади, которая имеет место сейчас — при бесплатности коммунальных услуг — в среде одной и той же группы.

4. Так как для сохранения тарифной системы (разрядного коэффициента) рационально ввести одно и то же процентное повышение зарплаты для всех групп трудящихся и по всему Донуглю, то квартирная ставка будет различная для отдельных групп в зависимости от месячного заработка или от тарифной ставки.

Квартирная ставка для одних и тех же групп будет различная в различных рудоуправлениях в зависимости главным образом от размеров площади, приходящейся на одного трудящегося данной группы. Квартирная ставка будет ниже в рудоуправлениях с большим жилфондом и выше в рудоуправлениях с меньшим жилфондом.

При переходе на платность коммунальных услуг рационально установить такую квартирную плату, чтобы:

1) квартирная ставка могла служить стимулом к индивидуальному и кооперативному жилстроительству и

2) чтобы суммы, которые рудоуправление будет получать в виде квартирной платы, были достаточны для покрытия текущих расходов по эксплоатации жилфонда, ибо только при этом условии эксплоатация жилфонда сможет быть организована на основе самоокупаемости (я не ставлю здесь вопроса об амортизации жилищ, так как это большой вопрос, который должен решаться в общегосударственном масштабе).

Плату за остальные виды коммунальных услуг рационально установить по себестоимости, так как только при этом условии платность будет способствовать более экономному расходованию их со стороны трудящихся.

Возвращаясь к вопросу о возможности передачи рудсоветам целиком или частью жилищного фонда, я должен подчеркнуть всю сложность такого мероприятия. Хозорган имеет своей задачей вырабатывать по возможно более дешевой цене предметы, нужные стране. Жилищный фонд, предоставленный ему, имеет служебное и целевое значение.

Иное дело совет. Он—орган населения. Он должен обслуживать население. Его целевое устремление иное. Если бы совет стал выселять жильцов из своих жилищ, не предоставляя им взамен других, мы имели бы извращение задач советов и подрыв самой идеи и основ советского порядка. Я указываю на одно из осложнений. Их много. Я считаю, что задача решима при правильной организации рудничных советов, при наделении их достаточным об'емом и кругом обязанностей и соответствующими правами.

Положительными сторонами такого мероприятия были бы: 1) разгрузка рудоуправлений от по существу им не свойственных забот о жилищном строительстве и коммунальном хозяйстве; 2) развитие и усиление самодеятельности рабочих масс и населения в новом направлении—новая фабрика государственных, хозяйственных и общественных деятелей; 3) привлечение самого населения к заботе о сохранности жилищ и благоустройстве поселков; 4) привлечение к делу улучшения благоустройства не только новой инициативы, но и новых средств путем целевого самообложения; 5) передача жилфонда в особое коммунальное хозяйство общей системы советов чрезвычайно облегчило бы решение и другой очень важной, давно уже назревшей задачи. Мы строим поселки около шахт. Длительность существования такого поселка определяется сроком существования окрестных шахт. При осуществлении механизации в ряде районов, эти сроки укорачиваются. В каждом поселке мы должны создавать целый ряд всякого рода культурных учреждений: школ, лечебных учреждений и т. п.

Все это требует средств, распыляет их. Распыляются и наши культурные силы. Сплошь да рядом их нехватает. Учреждения эти не могут быть поставлены на должную высоту. При значительной экономии средств мы, дали бы населению гораздо больше культурных ценностей и культурных условий для жизни, если бы стали развивать крупные поселки, построив и развив пути сообщения к шахтам (трамвай, железная дорога, автобус и т. п.). Ясно, что обслуживание таких поселков не может на себя взять ни шахта, ни рудоуправление, ни Донуголь. Это—задача системы советов.

До окончательного решения вопроса было бы желательно, однако, поставить 1—2 опыта, чтобы на практике изучить лучшие способы решения этой, мне представляется, важной задачи.

Жилищный вопрос в смысле увеличения жилой площади разрешается не только тем, что трест производит новые постройки. Часть построек возникает в порядке рабочего индивидуального и кооперативного строительства. Эти оба вида строительства будут развиваться. Создаваемые ими жилища уже сейчас могут составить основной жилфонд, который должен перейти в ведение рудсоветов. Права рудсоветов в отношении этих построек аналогичны с правами горсоветов или комхозов в городах. В их компетенции должны также находиться существующие дома, не закрепленные за рудоуправлением.

Рудсоветам должно быть предоставлено широкое поле деятельности в области благоустройства рудничных поселков. Суммы, которые ассигнуются на эти цели, должны расходоваться рудсоветом, который при участии хоз. и профорганов утверждает планы благоустройства в рамках отпускаемых кредитов и активно руководит работой по улучшению благоустройства.

В отношении существующих на средства треста технических школ и курсов рудсоветы непосредственного руководства оказывать не могут. Их задача сводится лишь к общему наблюдению за деятельностью без права непосредственного вмешательства в их работу и к оказанию посильной помощи.

Следует пересмотреть взаимоотношения с рудсоветами учреждений и организаций, которые имеют окружное или районное значение и содержатся за счет соответствующих бюджетов, как по линии Наробраза, так и по линии рабмеда и труда. Права рудсоветов в отношении их должны быть расширены.

1. Необходимо, чтобы планы и установление сети этих учреждений на территории поселка проходили через рудсовет.

2. Необходимо обеспечить повседневное участие рудсоветов в руководстве этими учреждениями. Поступление и израсходование средств идет через рудсовет.

3. Рудсоветы должны получить право назначения тех или иных руководителей данных учреждений. За вышестоящими учреждениями остается лишь право отвода кандидатур.

4. Следует расширить сеть тех учреждений, которые находятся в ведении исключительно рудсоветов, с каковой целью следует соответствующим образом увеличить их бюджет за счет районного или окружного советов.

5. Необходимо, чтобы вышестоящие органы власти в своей практической работе содействовали поднятию авторитета рудсоветов. С этой целью следует все проводимые обследования и на основе их намечаемые мероприятия проводить через рудсоветы, либо при их участии.

В отношении ряда организаций, существующих на выборных началах (кооперация, соцстрах, инспекция труда), следует установить общий контроль и руководство со стороны рудсоветов.

В задачи рудсоветов должно войти втягивание широких пролетарских масс в работу этих учреждений с целью выявления и устранения недочетов и полного использования всех местных возможностей. Здесь должен, конечно, быть установлен тесный контакт с профорганизацией в виду той исключительной роли, которую играет рудком в налаживании жизни и быта поселка благодаря специфическому рабочему составу его населения.

Рудсоветы могут, где местные условия этому благоприятствуют, организовывать и свои хозяйственные предприятия.

В своей практической работе рудсоветы должны уделять неослабное внимание политическим вопросам. В современных условиях это в первую очередь сплочение широких масс вокруг хозяйственных задач пролетариата (рудсоветы должны привлекаться к участию в производственных совещаниях рудоуправлений), фиксация внимания на вопросах международного рабочего движения, на вопросах борьбы пролетариата с капитализмом. Все такие вопросы должны регулярно обсуждаться на заседаниях советов.

В целях упорядочения работы рудсовета следует по вышеприведенным соображениям ввести обособленный институт госмилиции, подчиненный рудсовету.

Вся совокупность задач, стоящих перед рудсоветами, только тогда станет реальной, если под них будет подведена реальная материальная база. Вопросы оживления деятельности рудсоветов в основном упираются в вопрос бюджета рудсоветов, в изыскание тех источников доходов, которые дали бы возможность рудсоветам развернуть широкую работу.

Основные статьи доходов могут быть сведены к следующим:

1. Доходы от эксплоатации земель путем отдачи их участками в аренду для ведения сельского хозяйства, под застройку, под торговые и промышленные заведения, под устройство базаров и т. п. С этой целью должна быть выделена земля, предназначенная для хозяйственно-общественных надобностей поселка, которая должна находиться в распоряжении рудсовета, при чем весь чистый доход от нее должен поступать в пользу последнего.

2. В распоряжение рудсоветов должны быть переданы местные налоги со зданий и сооружений, с транспортных средств, со скота и проч., ныне согласно положения о местных финансах попадающие исключительно в распоряжение райисполкомов.

3. Должны быть выделены дотации на различные нужды рудсовета из бюджета как районного, так и окружного.

4. Учитывая целесообразность самостоятельной организации и руководства со стороны рудсовета местными культурно-просветительными и лечебными учреждениями, народным питанием и проч., следует установить такое положение, чтобы эти учреждения финансировались за счет районного бюджета через рудсовет. Ассигнования хозорганов на благоустройство должны итти через рудсоветы.

5. К числу поступлений следует отнести также ряд других доходов, как, например, доход собственных хозяйственных предприятий рудсоветов, от базара, от самообложения, квартирная и арендная плата от переданных рудсоветам зданий и др.

6. После передачи жилфонда или его части рудсоветам дальнейшие ассигнования на жилстроительство должны итти по линии системы советов.

Все эти виды доходов и ряд других, на которых сейчас останавливаться не буду, создадут тот реальный базис, на основе которого рудсоветы смогут развернуть более широкую деятельность в интересах населения поселков.

Успешность всей работы рудсоветов в первую голову обусловливается степенью вовлечения в нее широких пролетарских кругов, выявлением их самостоятельности и инициативы. Это определяет метод работы рудсоветов, основанный на широкой гласности, отчетности и коллективных формах проработки и проведения их задач.

Правильная работа рудсоветов требует четкой и согласованной работы всех звеньев: пленума, президиума, установления тесной связи с массами и отчетности перед избирателями. Здесь целиком должен быть использован опыт горсоветов широкой популяризацией ими своей деятельности в общей и заводской печати, организацией открытых собраний с участием избирателей, организацией дежурств депутатов в красных уголках и проч.

Однако, качество общественной и непосредственно практической работы в значительной степени обусловливается наличием соответствующих аппаратов.

Необходимо создать небольшие, но гибкие и качественно квалифицированные аппараты рудсоветов. На укомплектование аппарата рудсоветов должно быть обращено серьезное внимание местных парт- и профорганизаций, которые при выборах должны выдвигать на руководящие посты в рудсоветах пролетарски-выдержанных товарищей, способных справиться с большими задачами, выдвигаемыми жизнью.

В таком виде в основном вырисовываются те мероприятия, которые должны быть проведены с целью оживления деятельности рудсоветов.

При правильной организации рудсоветов мы в них должны получить новый орган связи с широкими рабочими массами на основе удовлетворения их многообразных и разносторонних запросов и нужд. Партия, профсоюзы и хозяйственники должны эту возможность использовать.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О НЕКРИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ПРЕКРАСНОЙ В ОБЩЕМ КНИГИ.

Дж. Хоррабин. «Очерк историко-экономической географии мира». Перевод с английского А. И. Ромма под редакцией и с предисловием Н. Н. Попова. 3-е издание. Госиздат. 1928. Стр. 136. Ц. 60 коп.

Джон Хоррабин и «Коллегия Плебса». Экономическая география мира в марксистском освещении с 44 картами и 5 таблицами. Перевод с английского Л. М. Курбатова, под редакцией и с предисловием В. Гурко-Кряжина. 3-е издание. Коопер. Изд. «Мир», 1928. Стр. 159. Цена 50 коп.

Рецензия о книге, выходящей третьим изданием, притом одновременно в двух разных издательствах, о книге, сорок тысяч экземпляров которой уже разошлось, а двадцать тысяч новых появилось на полках книжных магазинов, могла бы показаться несколько запоздалой. Однако, есть обстоятельство, которое оправдывает появление настоящей рецензии. Именно распространение этой книги и вероятность, что она будет еще много раз переиздаваема, заставляют нас указать на опасность, связанную с некритическим пользованием ею.

Книга Хоррабина в общем прекрасна. Это не есть учебник экономической географии в обычном смысле, преподносящий читателю большое количество более или менее систематично изложенных сведений. Это—обзор науки о земном шаре «в связи с историей и экономикой», выбор «из большой массы географического материала» тех фактов, «которые с точки зрения рабочего класса более значительны, чем другие». Нет сомнения, что автор решил эту задачу блестяще. Его книга (первое английское издание которой появилось в конце 1923 г., как обработка лекций, прочитанных на рабочих курсах) отличается полным овладением материалом и мастерски ясным, наглядным и точным изложением.

И вполне прав тов. Н. Н. Попов, когда он пишет в своем предисловии, что книга Хоррабина «явится незаменимым пособием прежде всего для наших школ, и совпартшкол в частности» и что «она будет весьма полезна нашему среднему рядовому партийцу».

Но тов. Попов неправ, когда в том же предисловии называет безоговорочно эту книгу «марксистским и коммунистическим учебником географии», «необходимейшим коммунистическим учебником». Он неправ, выпуская под своей авторитетной редакцией книгу без указания на содержащийся в ней ряд существенных погрешностей именно с коммунистической точки зрения, не сопровождая ее необходимейшей критикой, нейтрализующей эти погрешности [1]).

Издательство Коминтерна, выпуская немецкий перевод книги Хоррабина, снабдило его критическим предисловием автора настоящей рецензии. Английский журнал «Plebs», орган «Национального Совета Рабочих Университетов», выходящий при редакционном участии Хоррабина, перепечатал

[1]) Предисловие В. Гурко-Кряжина к параллельному изданию книги Хоррабина есть лишь многоречивая апология самой книги без малейшего следа критического отношения.

(в февральской книжке 1927 г.) это предисловие с репликой самого Хоррабина.

Воспроизведем здесь более важные места из этого предисловия.

«Автор — решительный противник капиталистического империализма. В заключительной главе, содержащей «выводы» из всего изложения, он противопоставляет разорванному «соперничающими империалистическими группами» миру единую «пролетарскую мировую группу», завоевание которой есть задача мирового пролетариата. Он подчеркивает вполне правильно, что спаяние мира в одно целое не осуществится само собою в результате «экономического развития», ибо «история совершается через человеческие действия». Но эти «действия», долженствующие нанести смертельный удар империализму, должны быть, по его предположению, совместным, почти единовременным действием всего мирового пролетариата, действием, которое мировой пролетариат совершит когда-либо в более или менее отдаленном будущем, после того, как будет осуществлен целый ряд предварительных условий».

«Автор не видит, что действительная борьба с империализмом происходит уже теперь. Он недооценивает тот факт, что значительная часть земного шара уже вырвана у империализма и сорганизована в направленную против его господства твердыню и что ряд колониальных и полуколониальных народов уже вступил в открытую и отчасти успешную борьбу против империализма. Скептический тон характерен также для его отношения к революционной борьбе рабочего класса против господства капиталистов в самих империалистических метрополиях; он желает этой борьбы, но видит ее лишь в каком-то неопределенном туманном будущем. Из различных мест его изложения явствует, что еще в продолжение целой исторической эпохи он предполагает не нарушенное господство капиталистического империализма».

«Когда Хоррабин говорит об Италии, не принадлежащей ни к одной из крупных империалистических групп, то он предсказывает: «Ранее или позднее зависимость Италии от заграничных источников основного сырья для ее индустрии... бросит ее неизбежно в об'ятия либо французской, либо английской группы».

«О стремлении Египта к независимости он говорит полуиронически, полусмиренно: «Народы, которые в современном мире тоскуют по независимости, должны бы позаботиться о том, чтобы не жить в местах, решающих для мировых торговых путей, как Египет или Ирландия».

«Но ярче всего проявляется скептическое отношение автора к борьбе против империализма в параграфе, снабженном характерным заглавием: «Кто будет эксплоатировать Китай»? Ответ звучит: «Вопрос о том, кто будет править Китаем и эксплоатировать его, еще не решен окончательно (!) и является центральной проблемой на Дальнем Востоке. Можно считать совершенно несомненным, что Китай подпадет под фактическую власть той или иной иностранной державы, даже если он сохранит какую-либо номинальную политическую независимость. Крайне невероятно, чтобы в Китае совершилась какая-либо реорганизация изнутри... Или же рабочие Китая, Японии, Америки и Англии забудут о своих расовых отличиях и, помня только о своих общих интересах, положат конец капиталистической эксплоатации на Востоке и на Западе?» Обратите внимание: успех китайской национальной антиимпериалистической революции (полюбуйтесь на выражение: «какая-либо реорганизация изнутри») кажется Хоррабину «крайне невероятным», только одновременное согласованное выступление пролетариата всех трех заинтересованных империалистических стран вместе с пролетариатом Китая могло бы, по его мнению, помочь делу; но и самому упоминанию об этой возможности он придает форму скептически-меланхолического вопроса.

«Несмотря на свое суб'ективное — искреннее и честное — враждебное отношение к капиталистическому империализму, автор до такой степени находится под влиянием империалистического образа мыслей, что он переносит некоторые из существенных черт империализма на «пролетарскую мировую группу», образование которой в туманной дали он предвидит и желает».

«Рабочий класс должен знать,—пишет он, в самом начале книги,—что его задача есть организация управления источниками богатств во всем мире не на пользу незначительного меньшинства, а на пользу масс». Эта общая правильная мысль дополняется и развивается в заключительной главе следующим образом: «Национальная «свобода» должна быть так же подчинена международным интересам, как свобода личная, и все богатства той или иной территории должны использовываться не так, как решат ее жители, а так, как этого требуют интересы народов мира». Эта формулировка предполагает явно, что народы мира, сорганизованные в пролетарскую мировую группу, будут вынуждены употреблять по отношению к тому, что «решат жители той или иной территории», приблизительно те же «аргументы», какие пускают в ход современные империалистические группы. Формулировка, заключающая национальную свободу колониальных народов в кавычки, есть лишнее доказательство того, как мало у автора понимания гигантской освободительной антиимпериалистической борьбы азиатских и африканских народов,—борьбы, успех которой является одним из существеннейших условий об'единения свободных народов в пролетарскую мировую группу. (Эта неверная установка приводит автора к проведению параллели между «вмешательством» Советской России в Грузии и вмешательством Англии в Персии. Он допускает, что в обоих случаях, быть может, пришлось задеть национальную чувствительность, но оправдывает «вмешательство» в Грузии тем, что «его целью было овладение жизненно необходимыми источниками сырья для пролетарской республики». Автор игнорирует тот основной факт, что Грузинская Советская Республика так же, как и обе смежные закавказские республики, является свободным равноправным членом Советского Союза и что только Советская Грузия создала почву для расцвета национальной грузинской культуры).

«Хоррабин настаивает справедливо на том, что «международная организация рабочих должна быть основана на возможно полном и точном знании мирового положения и мировых вопросов», и он выводит отсюда «необходимость мирового генерального штаба рабочего движения». Однако, директивные линии, которые он намечает для этого мирового генерального штаба, указывают на то, что он на деле не рекомендовал бы пролетарскую революцию ни в одной стране. «Проблема продовольствия, проблема транспорта и доступа до сырья—эти и другие подобные вопросы должны быть поставлены и решены, прежде чем рабочий класс сможет успешно перенять и удержать власть». В этом духе Хоррабин приводит пример «провала венгерской революции», как «постоянного предостережения для революционеров», и находит главную причину этого провала в недостаточном учете «географических факторов». Для всякого коммуниста ясно, что взрыв пролетарской революции, ее победа и удержание власти пролетарской диктатурой зависят от факторов, среди которых географический фактор не есть ни первичный, ни решающий».

На эту критику Хоррабин ответил в своем журнале следующей репликой:

«Автор, конечно, ценит стимулирующие критические замечания т. Валецкого; но он отнюдь не убежден всеми ими. Вот его возможно краткие возражения:

1. «Он недооценивает тот факт, что значительная часть земного шара уже вырвана у империализма и сорганизована в направленную против его господства твердыню». Я полагаю, что это—вопрос индивидуального «чувства». Мой учебник географии, несомненно, подчеркивает значение для мирового революционного движения того, что произошло в России. Я готов согласиться с тов. Валецким, что, быть может, этот вопрос мог быть ярче и выпуклее изложен в заключительной главе. Но не надо забывать, что я, во-первых, писал учебник географии и что, во-вторых, всякие комментарии к фактам я вынужден был, согласно этому характеру книги, формулировать весьма сжато.

2. «Кто будет эксплоатировать Китай?». Я готов признать с радостью, что события опровергли в весьма значительной мере (хотя и не полностью) мой «ответ» на этот вопрос. Но я должен напомнить т. Валецкому, что я писал в 1923 г., и я хотел бы спросить его, писал ли он или кто-нибудь другой иначе в то время. События в Китае после июля 1925 г. показали, что мое пророчество о «крайнем невероятии» «реорганизации изнутри» было неверным. Но я писал на основании тех данных, которыми я располагал в 1923 г. И я думаю, что я был бы неправ, если бы дал тогда другие предсказания только на основе моих надежд.

3. «Национальная «свобода» должна быть подобно личной свободе подчинена международным интересам». Я продолжаю так думать, и я не понимаю, как можно думать иначе, не будучи анархистом. Тов. Валецкий говорит, что это значит употреблять те же аргументы, которые употребляют современные империалисты. Что же делать: если случится, что империалисты рассуждают здраво, то нет основания отказываться от их аргументации.

4. «Грузия. Я продолжаю утверждать, что главная—и справедливая—цель Советской России в Грузии состояла в «овладении для Рабочей Республики жизненно-необходимыми источниками сырья». Тов. Валецкий говорит, что Грузия есть «свободный член» СССР. Я спросил бы его: «свободна» ли Грузия решать по своему усмотрению вопросы внешней торговли? Конечно, нет—и это правильно. Национальная свобода должна подобно индивидуальной свободе быть подчинена интересам большей группы».

5. «Географический фактор не есть фактор ни первичный, ни решающий». Я не думаю, чтобы кто-либо из читателей моей книги мог утверждать, что я высказал прямо или косвенно такую вещь. Я сказал, что географического фактора нельзя игнорировать—это все».

Реплика Хоррабина подтверждает, на наш взгляд, правильность и необходимость нашей критики. В ряде вопросов он сдает на добрую половину свои позиции. В других вопросах его возражения доказывают, что он до такой степени находится под влиянием империалистических ходов мысли, что не понял смысла критики. Насчет своих китайских «пророчеств» Хоррабин настаивает на том, что он писал в 1923 г. и что никто тогда не писал иначе. Хоррабин не понимает, что дело не в его неверном ответе на вопрос, а в самой постановке вопроса («кто будет эксплоатировать Китай?»). Писали же раньше 1923 г. иначе не только отдельные писатели, а II конгресс Коммунистического Интернационала (в 1920 г. — тезисы по национальному и колониальному вопросам и доклад Ленина) и IV конгресс (ноябрь 1922 г.). Метод Хоррабина—«пророчествовать» иначе в 1923 г., иначе в 1927 г. и, несомненно, опять иначе в 1928 г.—каждый раз в зависимости от последних совершившихся событий—не годится вообще и уж наверное не подходит для учебника. Убеждение в долговечности, если не и вечности, империализма, дополняемое поправочками, учитывающими те или другие уже осуществленные победы в антиимпериалистической борьбе угнетенных народов—вот что лежит в основе его метода «предсказаний».

Хоррабин ополчается и в своей книге и в своей реплике против принципа национальной «свободы» угнетенных наций и страстно отстаивает необходимость подчинения этой свободы международным интересам. Он не пони-

что в эпоху борьбы угнетенных колониальных и полуколониальных народов против империализма лозунг национальной свободы, национально-революционный лозунг, является могучим рычагом движения и что заключать э т о т лозунг национальной свободы в иронические кавычки есть в действительности уступка империализму.

В подкрепление своей позиции он ссылается на Грузию, не понимая опять, какова основная разница (не только в целях, но и в методах) между порабощением целых народов империализмом во имя «международных интересов» и добровольным вхождением уже освободившихся от империалистического ига народов в тесный союз с другими свободными народами для совместного социалистического строительства и для совместной защиты против посягательств империализма. Он не понимает, что для обоснования этого союза нет никакой необходимости ни прибегать к воспроизведению аргументов империалистов вообще, ни к пусканию в ход империалистических «аргументов» (в кавычках), т.-е. насилия.

Наконец, в нашей критике мы не упрекали Хоррабина в том, что он в о о б щ е считает географический фактор первичным и решающим, а в том, что он в конкретных случаях, говоря об условиях победы пролетарской революции, явно его переоценивает, затемняя другие решающие факторы. Мы указали в особенности на его суждение о причинах падения пролетарской диктатуры в Венгрии: «Провал венгерской революции должен быть постоянным предостережением для революционеров, напоминающим им, к чему ведет игнорирование географических факторов».

Хоррабин—не коммунист, не большевик, на последовательный революционный марксист, не ленинец. Он—деятель просветительного «левого» движения в Англии, талантливый и образованный популяризатор, придерживающийся в общем марксистского метода. Но он обладает всеми отличительными чертами «левого» социалиста, отмежевывающегося от действенной коммунистической идеологии, притом такого «левого» б р и т а н с к о г о социалиста, который, хотя, не в пример другим, искренне ненавидит британский империализм, но все же мыслит его категориями.

Хоррабин написал прекрасный, пока незаменимый учебник экономической географии. Но большевистской молодежи—и не только молодежи—надо им пользоваться с оглядкой.

Г. Валецкий.

От редакции.

В № 7 нашего журнала в статье т. Д. Лебедя начало последнего абзаца на стр. 80 надо читать так: «О том, что такой уклон не единичное явление, говорит и статья Косты Таболова, где вскрываются уклоны среди коммунистов Армении и вообще Закавказской федерации и Средней Азии, где...».